ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№7 2025 (ИЮЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Н. Боробов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
М. А. Комарова

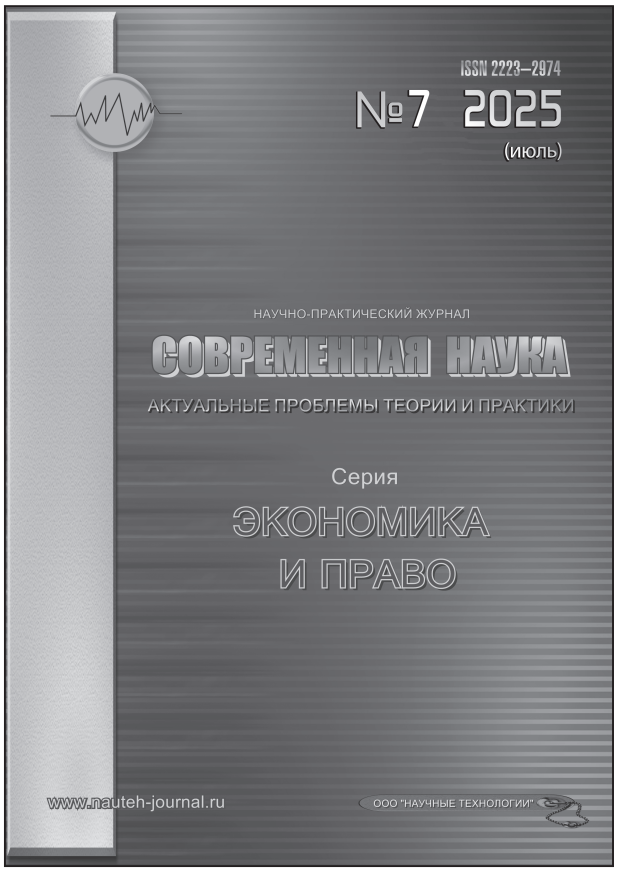
Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК — 5.1.х, 5.2.х, 5.4.х)



В НОМЕРЕ:

ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»
Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
http: //www.nauteh-journal.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.
При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 10.07.2025 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

© Журнал Современная наука: актуальные проблемы теории и практики: Серия «Экономика и Право»

Редакционный совет

Боробов Василий Николаевич — д.э.н., профессор, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор, Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор, г.н.с., Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; профессор, Белгородский Государственный Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор, г.н.с., НИЦ 4 ВНИИ МВД России

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор, Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор, г.н.с., Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент, Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор, Московский Педагогический Государственный Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с., Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кибакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н., профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с., Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с., Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор, Федеральный институт сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с., Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России

Проказина Наталья Васильевна — д.с.н., профессор, Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с., Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор, Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна —д.с.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор, Всероссийский государственный университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор, Российский государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор, с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор, Нижегородская Государственная сельскохозяйственная академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор, Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

Экономика

Агафонова М.С., Мещерякова М.А., Мещерякова О.К. — Гиперавтоматизация и её влияние на реинжиниринг бизнес-процессов в строительной отрасли

Agafonova M., Meshcheryakova M., Meshcheryakova O. — Hyperautomatization and its impact on business process reengineering in the construction industry 5

Алиев А.А. — Теории мотивации в контексте стимулирования управленческих кадров

Aliev A. — Theories of motivation in the context of stimulating managerial personnel 10

Демьяненко Е.Ф., Ноздрин В.С., Парамонов А.Ф. — Методы обеспечения экономической безопасности предприятия в условиях использования цифровых технологий

Demyanenko E., Nozdrin V., Paramonov A. — Methods of ensuring the economic security of an enterprise in the context of the use of digital technologies. 15

Ештокин С.В. — Экономическая безопасность коммерческих банков в контексте инновационных технологий «зелёные финансы» (Green Finance)

Yeshtokin S. — Economic security of commercial banks in the context of innovative technologies «Green Finance» 19

Курина Т.Н. — HR — брендинг в обеспечении конкурентоспособности организации

Kurina T. — HR — branding in ensuring the competitiveness of an organization 26

Лукошевичус Г.А., Тришкина Н.А., Горемыкина Т.К. — Влияние цифровой трансформации экономики на бизнес-процессы

Lukoshevichus G., Trishkina N., Goremykina T. — Impact of digital transformation of the economy on business processes 32

Ноздрина Ю.И., Щербакова Н.С., Щенникова В.Н. — Управление продвижением компании в условиях использования цифровых технологий

Nozdrina Yu., Shcherbakova N., Shchennikova V. — Company promotion management in the context of digitalization 35

Свирина Л.Н. — Современные аспекты внедрения риск-ориентированного подхода при осуществлении контрольно-надзорной деятельности в процессе трансформации института государственного контроля

Svirina L. — Modern aspects of the implementation of a risk-oriented approach in the implementation of control and supervisory activities in the process of transformation of the state control institution 40

Та На, Лю Цзяньпэн — Оценка экономической эффективности инвестиций в человеческий капитал вузов Центрального и Западного Китая: перспектива регионального экономического роста

Ta Na, Liu Jianpeng — Assessment of the economic efficiency of investments in human capital of universities in Central and Western China: the prospect of regional economic growth 44

Ткачева Д.С. — Брендинг территорий как фактор развития туристического потенциала региона

Tkacheva D. — Territorial branding as a factor in developing the tourist potential of a region 48

Чередниченко П.А. — Особенности развития экономических взаимоотношений в масложировом подкомплексе АПК

Cherednichenko P. — Features of the development of economic relations in the oil and fat subcomplex of the agro-industrial complex 56

Щенникова Е.И., Ноздрина Ю.И., Стукалина Н.А. — Современные технологии управления предприятиями в условиях цифровой трансформации

Shchennikova E., Nozdrina Yu., Stukalina N. — Modern enterprise management technologies in the context of digital transformation 63

Щенникова Е.И., Стукалина Н.А., Юрасов А.Б. — Проектное управление как инструмент реализации стратегии компании

Shchennikova E., Stukalina N., Yurasov A. — Project management as a tool for implementing the company's strategy 68

Право

Аламова С.М. — Контекстуальный аспект правового регулирования интеллектуальной собственности

Alamova S. — The contextual aspect of legal regulation of intellectual property 73

Бородина Ж.В., Медведева Н.В. — О координации деятельности органов публичной власти по профилактике и предупреждению правонарушений

Borodina Zh., Medvedeva N. — On the coordination of the activities of public authorities for the prevention and redemptionof offenses 78

Бриль Г.Д. — Проблемы импортозамещения в медицинской промышленности в Российской Федерации и юридические аспекты соответствия компаний отрасли критериям производства российской промышленной продукции

Bril G. — Problems of import substitution in the medical industry in the Russian Federation and legal aspects of compliance of companies with the criteria for the production of Russian industrial products . . .88

Глотов И.Д. — Правовой статус арбитражного управляющего в российском законодательстве: анализ и перспективы развития

Glotov I. — The legal status of the arbitration administrator in the Russian legislation: analysis and development prospects 93

Горбунов С.В. — Осуществление сделок по слиянию и поглощению («mergers & acquisitions») с учетом различных моделей корпоративного управления

Gorbunov S. — Implementation of mergers and acquisitions considering different models of corporate governance 99

Золотовский В.А. — Перевозка или туризм: правовое регулирование договорных отношений в сфере водного круиза

Zolotovskiy V. — Passenger transportation or tourism: legal regulation of contractual relationship in the water cruise 105

Намцараева А.К. — Аудиовидео-протоколирования как средство доказывания в уголовном судопроизводстве Российской Федерации

Namtsaraeva A. — The problem of the application of audio-video logging in the criminal proceedings of the Russian Federation 110

Намцараева А.К. — Верифицируемость цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации

Namtsaraeva A. — The verifiability of digital evidence in the criminal proceedings of the Russian Federation 114

Сафонов В.Н., Кондакова У.Д. — Понуждение к действиям сексуального характера: актуальные вопросы эффективности правовой нормы

Safonov V., Kondakova U. — Coercion to sexual acts: current issues of the effectiveness of the legal norm..... 119

Упоров И.В. — Представительные и исполнительные структуры местных советов в годы «перестройки»: политико-правовой аспект

Uporov I. — Representative and executive structures of local councils during the years of "perestroika: political and legal aspect 123

Ховатов А.А. — Криминологические детерминанты мошенничества, совершаемого с использованием сети «интернет»

Khovatov A. — Criminological determinants of fraud committed using the internet..... 129

Чижова Е.С. — Информационная безопасность и уголовно-правовая защита вооруженных сил Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития ст. 207.3 УК РФ

Chizhova E. — Information security and criminal law protection of the armed forces of the Russian Federation: current state and prospects for the development of article 207.3 of the criminal code 133

Социология

Жданов А.В. — Отечественный и зарубежный опыт реализации практик добровольного общественно-социального скоринга

Zhdanov A. — Domestic and foreign experience in the implementation of voluntary socio-social scoring practices 138

Скопа В.А. — Архитектоника социокультурного пространства: методологический дискурс трансформации общественных парадигм

Skopa V. — Architectonics of sociocultural space: methodological discourse of transformation of social paradigms 143

Наши авторы 147

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.01

ГИПЕРАВТОМАТИЗАЦИЯ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА РЕИНЖИНИРИНГ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ

HYPERAUTOMATIZATION AND ITS IMPACT ON BUSINESS PROCESS REENGINEERING IN THE CONSTRUCTION INDUSTRY

M. Agafonova
M. Meshcheryakova
O. Meshcheryakova

Summary. The article explores the transformative potential of hyperautomation as a comprehensive technological paradigm within the context of business process reengineering in the construction industry. It examines methodological aspects of implementing cognitive technologies, integrating robotic process automation (RPA) systems, artificial intelligence (AI), digital twins, and intelligent data analytics platforms. Particular attention is given to institutional barriers, organizational transformations, and changes in the architecture of operational models during the transition to digital construction. Approaches to creating an adaptive environment for managing construction projects using hyperautomation tools are proposed.

Keywords: hyperautomation, construction industry, digital transformation, artificial intelligence, information systems, data normalization, institutional barriers, labor shortage, change management, unified digital environment.

Агафонова Маргарита Сергеевна
к.э.н., доцент,
Воронежский экономико-правовой институт
Agaf-econ@yandex.ru
Мещерякова Мария Александровна
д.э.н., доцент, Воронежский государственный технический университет
Masha0207@mail.ru
Мещерякова Ольга Константиновна
д.э.н., профессор, Воронежский государственный технический университет
Onora@list.ru

Аннотация. В статье исследуется трансформационный потенциал гиперавтоматизации как комплексной технологической парадигмы в контексте реинжиниринга бизнес-процессов строительной отрасли. Рассматриваются методологические аспекты внедрения когнитивных технологий, интеграции систем роботизации процессов (RPA), искусственного интеллекта (AI), цифровых двойников, а также интеллектуальных платформ анализа данных. Особое внимание уделяется институциональным барьерам, организационным трансформациям и изменению архитектуры операционных моделей в условиях перехода к цифровому строительству. Предложены подходы к формированию адаптивной среды управления строительными проектами с использованием инструментов гиперавтоматизации.

Ключевые слова: гиперавтоматизация, строительная отрасль, цифровая трансформация, искусственный интеллект, информационные системы, нормализация данных, институциональные барьеры, кадровый дефицит, управление изменениями, единая цифровая среда.

Введение

Современная строительная индустрия переживает кардинальный сдвиг в сторону цифровизации производственно-управленческих контуров, обусловленный необходимостью повышения эффективности, снижения транзакционных издержек и оптимизации жизненного цикла объекта капитального строительства. В этих условиях гиперавтоматизация становится не просто инструментом операционной поддержки, а стратегическим драйвером реинжиниринга, трансформирующим фундаментальные принципы проектирования и реализации строительных бизнес-процессов.

Особенности строительной отрасли как объекта гиперавтоматизации

Строительная отрасль представляет собой один из наиболее комплексных и фрагментированных секторов экономики, что формирует специфический ландшафт для внедрения гиперавтоматизации. В отличие от повторяющихся процессов в производственной или финансовой сферах, строительство характеризуется высоким уровнем проектной уникальности, мультиинституциональностью и зависимостью от внешней регуляторной среды. Каждый строительный проект, по сути, является уникальной временной организационной системой с переменным составом участников, что затрудняет стандартизацию и масштабируемость автоматизированных решений.

Строительная отрасль характеризуется высокой степенью проектной неопределённости, фрагментированностью цепочек поставок, многоступенчатым субподрядом и значительным объёмом регуляторных процедур. Эти особенности обуславливают необходимость перехода от линейной модели управления к **гибридной адаптивной архитектуре**, в которой элементы автома-

тизации охватывают не только производственные, но и инженерные, административные и нормативно-согласовательные процессы.

Применение гиперавтоматизации в строительстве позволяет:

1. Делегировать ИИ-анализу задачи по планированию графиков и оптимизации загрузки ресурсов;
2. Роботизировать документооборот при получении разрешительной документации и тендерных процедур;
3. Использовать цифровые двойники объектов строительства для имитационного моделирования технологических сценариев;
4. Автоматизировать контроль исполнения контрактов с интеграцией BIM-систем и ERP-платформ.

Роль гиперавтоматизации в реинжиниринге бизнес-процессов

Гиперавтоматизация представляет собой качественно новый этап в эволюции организационно-технологических трансформаций, в рамках которого происходит деконструкция традиционных моделей управления и формирование принципиально иной парадигмы проектирования и реализации бизнес-процессов. Её роль в контексте реинжиниринга бизнес-процессов заключается не только в автоматизации элементарных операций, но в радикальной реконфигурации архитектуры организационной деятельности на основе когнитивных и предиктивных алгоритмов, обеспечивающих интеллектуальную автономность цифровых систем управления. В отличие от классических подходов к оптимизации, фокусирующихся на устранении функциональных избыточностей и линейной переработке процессов, гиперавтоматизация инициирует переход к самонастраивающимся адаптивным структурам, в которых процессы утрачивают статичность и обретают способность к контекстуальному переопределению в режиме реального времени.

Сущностной характеристикой гиперавтоматизации как механизма реинжиниринга является её способность интегрировать разрозненные цифровые модули — от систем RPA и IDP до моделей машинного обучения и цифровых двойников — в единую синергетическую платформу принятия решений. Такая платформа не просто исполняет регламентированные процедуры, но становится когнитивным контуром управления, способным к эвристической обработке слабоструктурированных данных, выявлению латентных отклонений в производственно-экономической системе и генерации корректирующих сценариев без участия человека. Это влечёт за собой эрозию традиционных иерархических управленческих моделей и трансформацию организационного дизайна в сторону сетевых архитектур, опосредованных машинно-ориентированной логикой координации.

На методологическом уровне гиперавтоматизация переосмысливает само понятие процесса: если в классической парадигме бизнес-процесс представлял собой упорядоченную цепочку действий, направленных на достижение определённого результата, то в условиях гиперавтоматизированной среды процесс становится нелинейным, динамически реконфигурируемым механизмом, подверженным постоянному изменению в зависимости от внешних и внутренних факторов. Возникает концепт «живого процесса» — цифрового объекта, способного к самообучению, самодиагностике и самокоррекции на основе обратной связи с операционной средой.

Кроме того, гиперавтоматизация способствует деперсонализации и деконструкции рутинных операций, высвобождая интеллектуальный потенциал человеческого капитала для решения стратегических задач. В условиях данной трансформации человеческий ресурс перемещается из сферы операционного исполнения в плоскость метауправления и стратегического надзора, что соответствует переходу от функционального исполнителя к архитектору цифровых сценариев. Тем самым осуществляется не просто механическая подмена человеческого труда автоматизированными скриптами, а трансформация самого субъектного статуса работника в системе цифрового производства.

Реинжиниринг процессов в условиях гиперавтоматизации также сопряжён с изменением темпоральной логики функционирования организаций. Возникает возможность управления в режиме событийно-ориентированного отклика, при котором процессы инициируются не по статическим регламентам, а в зависимости от детектируемых изменений во внешней среде. Это ведёт к формированию предиктивно-рефлексивной модели операционной деятельности, в которой система способна не только реагировать на отклонения, но и проактивно предотвращать их за счёт прогнозирования поведенческих и контекстуальных трендов на основании обработки больших данных.

Таким образом, гиперавтоматизация в рамках реинжиниринга бизнес-процессов не ограничивается задачами технологической модернизации, а выступает в качестве системного фактора институционального преобразования организационных структур. Она перестраивает сами основания бизнес-логики, способствуя переходу от иерархически-дискретного управления к интеллектуально-адаптивным экосистемам, где процессы приобретают свойства когнитивной автономии, цифровой рефлексивности и стратегической пластичности.

Гиперавтоматизация оказывает многоуровневое влияние на реинжиниринг бизнес-процессов в строительстве. Во-первых, она инициализирует **декапсуляцию**

функциональных вертикалей, переход от разрозненных проектных задач к кросс-функциональным потокам ценности. Во-вторых, происходит **цифровая дезинтермедиация** — устранение промежуточных согласовательных и бюрократических звеньев путём переноса функций принятия решений на алгоритмические агенты.

Кроме того, происходит **реконфигурация организационной структуры**: традиционная иерархия заменяется на распределённую цифровую сеть, в которой агенты взаимодействуют на основе машинно-читаемых протоколов. Это влечёт за собой трансформацию ролей — от функционального специалиста к оператору цифрового процесса или разработчику логики взаимодействия между ИИ-модулями.

Ограничения и вызовы

Несмотря на значительный потенциал гиперавтоматизации для трансформации строительной отрасли, её практическое внедрение сталкивается с рядом институциональных, организационных и технических барьеров. Эти ограничения существенно замедляют темпы цифровой трансформации и требуют комплексного подхода к их преодолению. Ниже представлены ключевые вызовы, характерные для строительного сектора.

1. *Фрагментация информационных систем и отсутствие единой цифровой среды*

Строительная отрасль характеризуется высокой степенью децентрализации процессов и вовлечённостью большого числа участников, включая заказчиков, подрядчиков, субподрядчиков, поставщиков и проектировщиков. Это приводит к использованию множества разрозненных программных решений, не обладающих сквозной интеграцией. Отсутствие единой цифровой платформы, обеспечивающей совместимость и синхронизацию данных на всех этапах жизненного цикла объекта, препятствует реализации сквозных автоматизированных процессов и затрудняет применение интегрированных ИИ-решений.

2. *Низкая зрелость данных и необходимость их предварительной нормализации*

Качество и структурированность данных в строительстве остаются на низком уровне. Значительная часть информации представлена в неструктурированном или частично структурированном виде (например, в PDF-документации, сканах, неформализованных отчетах), что затрудняет её машинную обработку. Кроме того, данные зачастую дублируются, содержат противоречия или не соответствуют принятым стандартам. Для успешного внедрения гиперавтоматизации требуется предварительная нормализация данных, а также семантическая унификация, включающая разработку онтологий, справочников и классификаторов, что требует существенных временных и трудовых ресурсов.

3. *Сопротивление организационным изменениям и технологическим инновациям*

В строительной отрасли широко распространены устоявшиеся практики, ориентированные на ручное управление проектами и принятие решений на основе личного опыта. Внедрение гиперавтоматизации требует изменений в организационной культуре, перестройки процессов, пересмотра ролей и ответственности сотрудников. Особенно выражено сопротивление в компаниях с консервативным управлением, где внедрение новых технологий воспринимается как угроза статусу-кво. Этот барьер осложняется отсутствием четкого понимания выгод от автоматизации и недостаточным доверием к цифровым инструментам.

4. *Дефицит квалифицированных кадров*

Разработка, внедрение и сопровождение систем гиперавтоматизации, особенно с применением технологий искусственного интеллекта, требуют высококвалифицированных специалистов на стыке ИТ, анализа данных и инженерии. В настоящее время наблюдается острый дефицит таких кадров в строительной отрасли, что ограничивает масштабирование проектов и повышает стоимость соответствующих решений. Образовательные учреждения и профессиональные сообщества пока не в полной мере адаптированы к подготовке специалистов с междисциплинарными компетенциями, необходимыми для обеспечения устойчивой цифровой трансформации.

Преодоление этих вызовов требует стратегического подхода и создания институциональной платформы трансформации строительной отрасли.

Пути преодоления вызовов

Преодоление указанных ограничений требует не точечных инициатив, а стратегически выверенного, системного подхода, основанного на взаимодействии государства, бизнеса, научного сообщества и образовательных институтов. Центральным элементом такой трансформации должно стать формирование институциональной платформы, направленной на комплексную цифровизацию и развитие гиперавтоматизации в строительной отрасли.

1. *Создание единой цифровой среды и стандартов совместимости*

Для обеспечения эффективного обмена данными между участниками строительного процесса необходи-

мо разработать и внедрить единые цифровые стандарты, протоколы взаимодействия и отраслевые классификаторы. Это позволит синхронизировать разрозненные ИТ-системы и создать условия для полноценной интеграции автоматизированных процессов на всех стадиях жизненного цикла строительных объектов.

2. *Повышение зрелости данных и внедрение инструментов предобработки*

Инвестиции в очистку, нормализацию и структурирование данных являются необходимым условием для успешной автоматизации. В этом контексте целесообразно внедрение платформ обработки данных с элементами машинного обучения и семантического анализа, а также применение принципов data governance для обеспечения качества, целостности и управляемости информации.

3. *Управление изменениями и формирование инновационной культуры*

Для снижения организационного сопротивления необходима активная работа по вовлечению персонала, включая обучение, демонстрацию успешных кейсов и вовлечение сотрудников в процессы цифровой трансформации. Руководству следует транслировать стратегическую значимость автоматизации, а также формировать культуру открытости к инновациям и готовности к изменениям.

4. *Развитие кадрового потенциала и междисциплинарных компетенций*

Создание устойчивой экосистемы гиперавтоматизации невозможно без соответствующей кадровой базы. Необходима модернизация образовательных программ с учётом требований цифровой экономики и строительной специфики, поддержка профессиональной переквалификации, развитие отраслевых центров компетенций, а также стимулирование сотрудничества между вузами и компаниями.

5. *Формирование институциональной платформы цифровой трансформации*

В качестве системной меры требуется создание национальной институциональной платформы цифровой трансформации строительной отрасли, включающей механизмы нормативного регулирования, инфраструктурной поддержки, стандартизации, финансирования пилотных проектов и распространения лучших практик.

Рис. 1. Стратегическая трансформация строительной отрасли

Такая платформа должна стать точкой сборки усилий всех заинтересованных сторон и обеспечить масштабируемость инновационных решений.

Гипераватоматизация в строительстве выступает не просто как технологическая опция, а как фактор **переопределения самой логики ведения строительной деятельности**. Её внедрение инициирует масштабный реинжиниринг бизнес-процессов, в ходе которого традиционные цепочки создания стоимости трансформируются в цифровые экосистемы. Это требует не только адаптации инструментов, но и глубокой трансформации организационной культуры, архитектуры управления и регуляторных рамок. В перспективе гипераватоматизация способна обеспечить строительной отрасли прорыв в сторону индустриализации, устойчивости и предиктивного развития.

В заключение следует подчеркнуть, что гипераватоматизация в строительной отрасли не является просто очередным этапом цифровизации, а представляет собой фундаментальный сдвиг в парадигме управления, проектирования и исполнения бизнес-процессов. Её внедрение трансформирует саму природу организационной деятельности, инициируя переход от фрагментарных и статичных процессов к интеллектуально-насыщенным, адаптивным и самообучающимся цифровым структурам. Строительная индустрия, традиционно воспринимаемая как инертная и подверженная институциональной инерции, получает уникальный шанс выйти за рамки классических моделей функционирования и внедрить принципы сквозной цифровой синергии, базирующейся на когнитивных технологиях, цифровых двойниках, предиктивной аналитике и машинной автономии.

Заключение

Гипераватоматизация открывает возможность не только устранения избыточностей, сокращения затрат и повышения прозрачности, но и глубокого реинжиниринга — производственной и управленческой деятельности с ориентацией на реальное время, самоадаптацию и целостную цифровую связанность. В этой новой модели строительные процессы перестают быть жёстко регламентированными и становятся живыми, динамически управляемыми контурами, способными эволюционировать в зависимости от контекста и задач. В перспективе это ведёт к формированию интеллектуальной строительной экосистемы, где границы между человеком, машиной и данными растворяются в едином цифровом пространстве продуктивного взаимодействия. Именно в этом слиянии рождается архитектура будущего — не только как физическая среда, но и как система управления, осмысленная и направляемая интеллектом нового технологического уклада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руднев, Б.С. Использование искусственного интеллекта в процессе принятия и реализации управленческих решений / Б.С. Руднев, Е.Ю. Руднева, О.Л. Дариенко // Вести Автомобильно-дорожного института. — 2024. — № 3(50). — С. 84–91.
2. Khrustalev, B.B. Development of integrated risk management system at construction industry enterprises / B.B. Khrustalev, O.K. Meshcheryakova, M.A. Meshcherakova // Real Estate: Economics, Management. — 2024. — No. 2. — P. 42–47.
3. Лю, Я. Развитие и тенденции цифровизации управления бизнес-процессами / Я. Лю // Лидерство и менеджмент. — 2023. — Т. 10, № 3. — С. 915–928. — DOI 10.18334/lim.10.3.118528.
4. Агафонова, М.С. Проблемы обеспечения устойчивого функционирования и стратегического развития предприятий строительной отрасли / М.С. Агафонова, П.В. Агафонов // Современные наукоемкие технологии. — 2013. — № 10-1. — С. 130–131.
5. Остроух, А.В. Гипераватоматизация предприятий по производству строительных материалов и конструкций / А.В. Остроух, А.М. Колбасин // Промышленные АСУ и контроллеры. — 2020. — № 12. — С. 8–17. — DOI 10.25791/asu.12.2020.1240. — EDN ALAYEV.
6. Агафонова, М.С. Взаимодействие участников инвестиционных процессов в строительстве / М.С. Агафонова, А.И. Чепрасова // Современные наукоемкие технологии. — 2013. — № 10-1. — С. 131–132.
7. Жильников, А.Ю. Оценка инновационно-инвестиционного развития строительной отрасли / А.Ю. Жильников, Е.А. Губертов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. — 2018. — Т. 8, № 1(26). — С. 80–88.
8. Мещерякова, О.К. Форсайт: теоретический аспект и исследования на рынке строительных услуг / О.К. Мещерякова, М.А. Мещерякова, М.С. Агафонова // Первый экономический журнал. — 2023. — № 7(337). — С. 67–73. — DOI 10.58551/20728115_2023_7_67.
9. Агафонова, М.С. Адаптационное управление развитием строительных предприятий / М.С. Агафонова. — Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2022. — 350 с. — ISBN 978-5-4446-1695-6.
10. Герасимова, Л.Н. Девелопмент в строительной отрасли: управление, финансы, учет: учебник / Л.Н. Герасимова. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2024. — 724 с. — ISBN 978-5-466-04172-9.
11. Королюк, А.А. Девелопмент как вид профессиональной предпринимательской деятельности на рынке недвижимости / А.А. Королюк // Вестник ГГУ. — 2024. — № 1. — С. 266–272.
12. Бизнес-форум «Цифровой девелопмент-2023» // Юрисконсульт в строительстве. — 2024. — № 1. — С. 48–55.
13. Kushchenko, I.V. Spatial and resource development in creating a quality framework for the urban environment of the Donetsk People's Republic / I.V. Kushchenko, V.V. Volgin // Real Estate: Economics, Management. — 2023. — No. 4. — P. 6–12.

© Агафонова Маргарита Сергеевна (Agaf-econ@yandex.ru); Мещерякова Мария Александровна (Masha0207@mail.ru);
Мещерякова Ольга Константиновна (Onora@list.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.03

ТЕОРИИ МОТИВАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СТИМУЛИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ

THEORIES OF MOTIVATION IN THE CONTEXT OF STIMULATING MANAGERIAL PERSONNEL

A. Aliev

Summary. The article examines the features of stimulating managerial personnel based on motivation theories. Key concepts are considered, including A. Maslow's hierarchy of needs, D. McClelland's theory of acquired needs, F. Herzberg's two-factor model, as well as procedural theories (expectations, fairness, goal setting). Special attention is paid to the adaptation of these theories to management personnel, whose motivational structure differs from ordinary employees. It has been revealed that autonomy, recognition, strategic achievements and influence on organizational processes are critically important for management personnel. Based on the analysis, recommendations are proposed for the development of effective incentive systems for management personnel that combine tangible and intangible incentives.

Keywords: managerial personnel, staff motivation, theories of motivation, labor stimulation, non-material incentives.

Алиев Амин Азер оглы
аспирант,
Государственный университет управления, г. Москва
am1n1999@ya.ru

Аннотация. В статье исследуются особенности стимулирования управленческих кадров на основе теорий мотивации. Рассмотрены ключевые концепции, включая иерархию потребностей А. Маслоу, теорию приобретённых потребностей Д. МакКлелланда, двухфакторную модель Ф. Герцберга, а также процессуальные теории (ожидания, справедливости, постановки целей). Особое внимание уделено адаптации этих теорий к управленческим кадрам, чья мотивационная структура отличается от рядовых сотрудников. Выявлено, что для управленческих кадров критически важны автономия, признание, стратегические достижения и влияние на организационные процессы. На основе анализа предложены рекомендации по разработке эффективных систем стимулирования управленческих кадров, сочетающих материальные и нематериальные стимулы.

Ключевые слова: управленческие кадры, мотивация персонала, теории мотивации, стимулирование труда, нематериальные стимулы.

Введение

В современных условиях динамично развивающейся экономики и усиления конкурентной борьбы особую значимость приобретает эффективное управление персоналом, особенно на уровне управленческих кадров. Особое внимание всегда уделяется системе мотивации и стимулирования управленческих кадров, так как именно от неё зависит степень самоотдачи руководителей, что крайне важно в настоящее время, когда они сталкиваются с необходимостью принимать решения в условиях дефицита информации, колебаний рынка и непредсказуемых изменений в законодательстве.

И.П. Поварич и Б.Г. Прошкин разработали классификацию, разделяющую стимулирование на виды и формы [9]. Виды стимулирования определяются спецификой стимулов, которые использует субъект управления для влияния на трудовое поведение сотрудников. В свою очередь, формы организации стимулирования зависят от взаимосвязи между применяемыми стимулами и достигнутыми результатами работы.

Чтобы подобрать наиболее эффективные виды стимулирования, необходимо знать особенности трудовой мотивации той или иной категории персонала, а затем реализовать соответствующие этим видам формы стимулирования [4]. По этой причине целью данной статьи является выделение особенностей трудовой мотивации управленческих кадров в рамках теорий мотивации для обеспечения возможности выбора наиболее эффективных видов стимулирования.

Развитие теорий мотивации

История развития теорий мотивации насчитывает более века, отражая изменение взглядов на природу человеческого поведения в трудовой деятельности. Первые систематизированные представления о мотивации появились в начале XX века благодаря работам Ф. Тейлора (1911 г.), основателя научного управления [15]. Его теория «экономического человека» предполагала, что работниками движет исключительно материальная заинтересованность [7]. Ф. Тейлором была разработана система дифференциальной оплаты, где заработок напрямую зависел от выработки [13]. Хотя эта концепция сегодня кажется упрощённой, она заложила основы научного подхода к мотивации персонала.

В 1940-х годах А. Маслоу предложил иерархическую теорию потребностей, ставшую краеугольным камнем современной психологии мотивации. Его пирамида по-

требностей включала пять уровней: физиологические потребности, безопасность, социальные связи, уважение и самоактуализацию [8; 10]. Согласно этой теории, человек последовательно удовлетворяет эти потребности, переходя от базовых к высшим [10]. Эта теория впервые обратила внимание на комплексность человеческих мотивов, выходящих за рамки материального вознаграждения.

Д. МакКлелланд в 1960-х годах развил теорию приобретённых потребностей, выделив три ключевых мотиватора: потребность в достижении, потребность во власти и потребность в принадлежности (соучастии) [3; 8]. Его исследования показали, что доминирование той или иной потребности определяет модель трудового поведения. Особое значение Д. МакКлелланд придавал потребности в достижении как фактору экономического развития.

В 1959 году Ф. Герцберг разработал двухфакторную теорию мотивации, разделив все факторы влияния на гигиенические (внешние) и мотиваторы (внутренние) [3; 2]. К первым он относил условия труда, зарплату и политику компании, ко вторым — достижения, признание и возможности роста. Ф. Герцберг доказал, что отсутствие гигиенических факторов вызывает неудовлетворённость, но их наличие само по себе не мотивирует — для этого нужны дополнительные стимулы [5].

1960-е годы ознаменовались появлением процессуальных теорий мотивации [11]. В. Врум в 1964 году предложил теорию ожидания, согласно которой мотивация зависит от трех факторов: ожидания того, что усилия приведут к результату; что результат повлечёт вознаграждение; и ценности этого вознаграждения [14; 18; 11]. Практическим выводом стало понимание необходимости четкой связи между усилиями, результатами и вознаграждением.

Примерно в это же время Д.С. Адамс разработал теорию справедливости (равенства) (1965 г.), утверждающую, что люди оценивают свое вознаграждение относительно вклада других работников [17]. Дисбаланс в этих соотношениях вызывает психологическое напряжение и снижает мотивацию [12]. Эта теория объяснила многие случаи демотивации в коллективах.

В 1968 году Э. Локк предложил теорию постановки целей, доказав, что конкретные и сложные цели при условии их принятия работником ведут к более высокой производительности, чем расплывчатые задания или их отсутствие [1; 16]. Он выделил четыре механизма влияния целей: направление внимания, мобилизация усилий, повышение настойчивости и активизация поиска стратегий [6].

Эволюция теорий мотивации демонстрирует постепенный переход от упрощенных моделей к комплексному пониманию человеческого поведения. От первоначального акцента на материальных стимулах наука пришла к признанию важности внутренних мотивов, психологических потребностей и индивидуальных различий. Современные теории подчеркивают необходимость персонализированного подхода к мотивации, учитывающего как организационные условия, так и личностные особенности работников. Этот исторический опыт важен для руководителей, позволяя им избегать упрощенных решений и разрабатывать эффективные системы стимулирования, соответствующие сложности человеческой природы.

Особенности стимулирования управленческих кадров

Управленческие кадры представляют собой уникальную категорию работников, чья мотивационная структура существенно отличается от мотивации рядовых сотрудников. Это отличие обусловлено целым рядом факторов: особым характером трудовой деятельности, повышенным уровнем ответственности, спецификой психологических потребностей и социального статуса. Теории мотивации, рассмотренные ранее, требуют значительной адаптации и переосмысления применительно к руководителям различных уровней. Рассмотрим особенности применения основных теорий мотивации к управленческим кадрам с учётом современных реалий корпоративного управления.

Применительно к управленческим кадрам теория потребностей А. Маслоу демонстрирует существенные модификации традиционной пирамиды потребностей. Если для большинства рядовых сотрудников базовые физиологические потребности и потребности в безопасности остаются актуальными на протяжении всей карьеры, то у успешных руководителей эти потребности, как правило, уже удовлетворены и перестают быть значимыми. Однако это не означает полного исчезновения значимости базовых потребностей. В условиях экономической нестабильности или карьерных кризисов даже высокопоставленные руководители могут вновь испытывать озабоченность вопросами безопасности (сохранение позиции, репутации, доходов). Особенностью управленцев является также то, что их потребность в безопасности часто трансформируется в стремление к созданию «подушки» в виде сетей профессиональных контактов, личных сбережений или альтернативных карьерных вариантов.

Потребность в принадлежности у управленцев проявляется не столько в желании быть частью коллектива (как у рядовых сотрудников), сколько в стремлении принадлежать к определенному профессиональному

сообществу или социальному кругу. Для многих руководителей членство в престижных бизнес-клубах или экспертных советах имеет большую мотивационную ценность, чем формальные корпоративные мероприятия.

Потребность в уважении у управленцев имеет две ярко выраженные составляющие: внешнее уважение (статус, признание заслуг, символические атрибуты власти) и внутреннее самоуважение (ощущение профессиональной состоятельности).

Потребность в самореализации у управленцев часто выражается в желании оставить значимый след в развитии организации, реализовать амбициозные стратегические проекты или сформировать уникальную корпоративную культуру. Важной особенностью является то, что у многих успешных руководителей эта потребность не ослабевает с возрастом, а напротив, усиливается.

Теория Д. МакКлелланда особенно релевантна для анализа мотивации управленческих кадров. Потребность в достижениях у успешных руководителей имеет качественно иной характер по сравнению с рядовыми сотрудниками. Если для последних важны конкретные измеримые результаты в ограниченных временных рамках, то для топ-менеджеров значимыми становятся стратегические достижения с длительным горизонтом реализации.

Потребность во власти у управленцев претерпевает сложную эволюцию в процессе карьерного роста. На начальных управленческих позициях она часто проявляется как стремление к формальным атрибутам власти. Однако по мере профессионального развития происходит трансформация в более зрелую форму — стремление к влиянию и возможности формировать среду. Примечательно, что у выдающихся руководителей потребность во власти часто сочетается с развитой эмоциональной интеллигентностью и способностью делегировать полномочия.

Потребность в принадлежности у управленцев высшего звена приобретает особые формы. Она выражается не столько в желании быть принятым в коллективе, сколько в стремлении создать собственную управленческую команду или профессиональную сеть. Многие успешные руководители тратят значительные усилия на формирование круга единомышленников, который становится важным мотивационным фактором их деятельности.

Традиционное разделение факторов на гигиенические и мотивирующие применительно к управленческим кадрам требует существенного пересмотра. Многие факторы, которые для рядовых сотрудников являются гигиеническими, для руководителей трансформируются в мощные мотиваторы.

Статусные атрибуты (размер и расположение кабинета, класс служебного автомобиля, особые условия страхования) для топ-менеджеров часто имеют символическое значение, выходящее за рамки простого комфорта. Они воспринимаются как видимые признаки успеха и признания, становясь важными мотивационными факторами.

Условия труда для управленцев включают не только физические параметры рабочей среды, но и степень свободы в принятии решений, доступ к информации, возможность формировать повестку. Ограничения в этих сферах являются для руководителей более сильными демотиваторами, чем неудобства физического характера.

Политика компании воспринимается управленцами через призму возможности участия в её формировании. Для многих руководителей возможность влиять на корпоративную стратегию и культуру становится ключевым мотиватором, компенсирующим даже существенные недостатки других аспектов работы.

Классические мотиваторы по Ф. Герцбергу (достижения, признание, содержание работы) для управленческих кадров приобретают гипертрофированное значение. При этом важно отметить, что формальное признание (грамоты, благодарности) на топ-менеджеров действует слабо — для них критически важно признание со стороны профессионального сообщества и уважаемых коллег.

Теория ожидания В. Врума в применении к управленцам демонстрирует несколько важных особенностей. Временной горизонт ожиданий у руководителей существенно длиннее, чем у рядовых сотрудников. Если последние обычно ориентированы на результаты в пределах отчётного периода (месяц, квартал), то топ-менеджеры оценивают перспективы в масштабах нескольких лет.

Ценность вознаграждения для управленцев также имеет качественные отличия. Материальные стимулы, сохраняя важность, часто уступают по значимости таким формам вознаграждения как расширение сферы ответственности, возможность реализации стратегических инициатив или доступ к уникальным профессиональным возможностям.

Теория справедливости Д.С. Адамса в управленческой среде приобретает особую сложность. Руководители оценивают справедливость вознаграждения не только по внутренним корпоративным стандартам, но и в сравнении с коллегами из других компаний, иногда из других отраслей и стран. Это создаёт существенные сложности при разработке систем стимулирования для топ-менеджмента.

Мотивация управленческих кадров представляет собой сложную динамическую систему, требующую глубокого понимания психологических особенностей данной категории работников. Современные организации должны разрабатывать комплексные системы стимулирования руководителей, учитывающие как универсальные закономерности, так и индивидуальные особенности конкретных управленцев. Особое внимание следует уделять созданию условий для профессиональной самореализации, обеспечению разумной автономии и формированию значимых долгосрочных целей. Только такой подход позволяет в полной мере раскрыть потенциал управленческих кадров и обеспечить устойчивое развитие организации в условиях современной конкурентной среды.

Заключение

Проведенный анализ теорий мотивации в контексте управленческих кадров позволил выявить ключевые особенности трудовой мотивации руководителей, что соответствует основной цели исследования. Установлено, что мотивация управленцев существенно отличается от мотивации рядовых сотрудников, требуя адаптации традиционных подходов.

Во-первых, потребности управленческих кадров в рамках теории А. Маслоу смещены в сторону высших уровней — уважения, признания и самореализации, при этом базовые потребности, как правило, уже удовлетворены. Во-вторых, теория МакКлелланда подтверждает, что для руководителей критически важны потребности во власти, достижении стратегических целей и формировании профессиональных связей. В-третьих, двухфакторная модель Герцберга демонстрирует, что для управленцев многие гигиенические факторы (статус, автономия, влияние) трансформируются в мощные мотиваторы.

Кроме того, процессуальные теории (ожидания, справедливости, постановки целей) показывают, что временные горизонты, ценность вознаграждения и восприятие справедливости у руководителей имеют качественные отличия. Особую значимость приобретает теория самодетерминации, подчеркивающая важность автономии, компетентности и профессионального роста.

Таким образом, эффективное стимулирование управленческих кадров должно основываться на комплексном подходе, сочетающем:

— персонализированные формы стимулирования с учетом индивидуальных карьерных этапов;
— стратегические цели, обеспечивающие долгосрочную вовлеченность;
— нематериальные стимулы (признание, влияние, самореализация);
— гибкие системы вознаграждения, учитывающие сравнительные рыночные стандарты.

Реализация этих принципов позволит организациям максимально раскрыть потенциал управленцев, обеспечивая не только их высокую производительность, но и устойчивое развитие компании в условиях динамичной экономической среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Н.И. Формирование стратегических стандартов внешнего антикризисного поведения торгового предприятия // Вестник Института экономических исследований. — 2018. — №. 3 (11). — С. 48–53.
2. Арский А.А. Проблемы применения положений двухфакторной теории мотивации Герцберга в управлении персоналом предприятия агропромышленного комплекса //Вестник Московского финансово-юридического университета. — 2019. — №. 1. — С. 133–137.
3. Генкин Б.М. Мотивация и организация эффективной работы (теория и практика): монография. — Инфра-М, 2011. — 352 с.
4. Герчиков В.И. Нематериальное стимулирование персонала // Мотивация и оплата труда. — 2005. — №1. — С. 2–10.
5. Кирильчук С.П. и др. Исследование методов повышения трудовой мотивации персонала //Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2017. — №. 1-3. — С. 109–118.
6. Мишурова И.В. Целеполагание как фактор эффективной мотивации персонала // Научный вектор. — 2022. — С. 236–238.
7. Останин О.В., Останина Е.А. Актуальные подходы к мотивации персонала организаций различного профиля // Инновационная экономика и современный менеджмент. — 2017. — №. 5. — С. 31–37.
8. Паршуков А.Е. Взаимосвязь типологии личностей DISC У. Марстона и теории мотивации Д. Макклелланда //Фундаментальные и прикладные исследования в области управ. — 2020. — С. 61.
9. Поварич И.П., Прошкин Б.Г. Стимулирование труда: системный подход: монография. — Новосибирск: Наука, 1990. — 196 с.
10. Погостинская Н.Н., Погостинский Ю.А. Взаимоотношения и роли управляющего и управляемого в стратегическом управлении // Ученые записки Международного банковского института. — 2015. — №. 12. — С. 126–135.
11. Попова Е.С. Исследование социальных аспектов формирования мотивации к образованию у молодежи: от теоретических подходов к операционализации // Вопросы образования. — 2012. — №. 4. — С. 69–82.
12. Порядина В.Л., Лихачева Т.Г., Борисова А.А. Процессуальные теории мотивации // Цифровая и отраслевая экономика. — 2022. — №2(27). — С. 15–21.
13. Тебекин А.В., Кривцов А.И., Юнусов Л.А. Реализация принципа «мотивация» системы научного управления Ф. Тейлора как ключевой источник интенсификации процессов развития национального хозяйства в современных геополитэкономических условиях // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2025. — Т. 2. — №3. — С. 91–202.

14. Тебекин А.В., Сурат Л.И. Процессуальные теории мотивации и их место в системе психологических аспектов развития социотехнической среды // Тенденции и перспективы развития социотехнической среды. — 2018. — С. 453–461.
15. Dar S.A. The relevance of Taylor's scientific management in the modern era // Journal of Psychology and Political Science (JPPS). — 2022. — Т. 2. — №. 06. — С. 1–6.
16. Gogoi K., Baruah P. Goal Setting: Its Impact on Employee Outcome // SCMS Journal of Indian Management. — 2021. — Т. 18. — №. 1.
17. Hon A.H.Y., Lu L. Are we paid to be creative? The effect of compensation gap on creativity in an expatriate context // Journal of World Business. — 2015. — Т. 50. — №. 1. — С. 159–167.
18. Mair J. Incentive travel: A theoretical perspective // Event Management. — 2015. — Т. 19. — №. 4. — С. 543–552.

© Алиев Амин Азер оглы (am1n1999@ya.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.08

МЕТОДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

METHODS OF ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF AN ENTERPRISE IN THE CONTEXT OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES

E. Demyanenko
V. Nozdrin
A. Paramonov

Summary. In modern conditions of globalization, digitalization and technology development, as well as an unstable economic situation, methods of ensuring economic security become the basis for making strategic decisions, preventing threats and increasing competitiveness. The article discusses the concept and elements of ensuring economic security. A review of sources on the topic made it possible to divide the main methods of ensuring the economic security of an enterprise in the context of using digital technologies into several areas (a combination of organizational, technical, legal, personnel, financial and analytical measures), each of which presented possible options. At the same time, the use of digital technologies (blockchain technology, Big Data technologies and analytics, virtualization and cloud technologies, the Internet of Things and others) is the basis of these methods in modern conditions. The author concludes that the use of digital technologies in modern conditions not only creates risks to economic security, but also actively contributes to their elimination using the latest methods and tools, and ensuring economic security in modern conditions has become the main task of managing entities that strive to achieve sustainable development of their enterprise.

Keywords: economic security, ensuring economic security, digital technologies, digitalization, threat to economic security, risks.

Демьяненко Елена Федоровна
кандидат экономических наук, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет»
ellanainstitut@gmail.com
Ноздрин Вадим Станиславович
кандидат технических наук, доцент, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет»
novastan@rambler.ru
Парамонов Алексей Федорович
кандидат экономических наук, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет»
paf70@mail.ru

Аннотация. В современных условиях глобализации, цифровизации и развития технологий, а также нестабильной экономической ситуации методы обеспечения экономической безопасности становятся основой для принятия стратегических решений, предотвращения угроз и повышения конкурентоспособности. В статье рассмотрено понятие и элементы обеспечения экономической безопасности. Обзор источников по теме позволил разделить основные методы обеспечения экономической безопасности предприятия в условиях использования цифровых технологий на несколько направлений (сочетание организационных, технических, правовых, кадровых, финансовых и аналитических мер), в каждом из которых были представлены возможные варианты. При этом использование цифровых технологий (технология блокчейн, технологии Big Data (большие данные) и аналитика, виртуализация и облачные технологии, интернет вещей и другие) является основой указанных методов в современных условиях. Автор приходит к выводу, что использование цифровых технологий в современных условиях не только создает риски угрозы экономической безопасности, но и активно способствует их устранению с помощью новейших методов и инструментов, а обеспечение экономической безопасности в современных условиях стало главной задачей управляющих субъектов, которые стремятся к достижению устойчивого развития своего предприятия.

Ключевые слова: экономическая безопасность, обеспечение экономической безопасности, цифровые технологии, цифровизация, угроза экономической безопасности, риски.

Введение

В современных условиях цифровизации деятельности предприятий повысились риски нарушения их экономической безопасности, что отрицательно сказывается на эффективности деятельности. Поэтому обеспечение экономической безопасности стало главной задачей управляющих субъектов каждого предприятия. Однако вместе с этим цифровые технологии также используются в рамках внедрения инструментов и методов работы с повышением уровня экономической безопасности. Вышесказанное свидетельствует о необходимости более подробного исследования роли цифровых технологий в рамках темы.

Материалы и методы исследования

Материалами для написания статьи стали нормативно-правовые акты (Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208), научные статьи экономистов (Караева Ф.Е., Манахова И.В., Левченко Е.В., Быстров А.В., Есина А.Р., Сапожникова С.М., Рейхерт Н.В., Стрелина Е.Н., Типикин Н.И., Шиншинов А.Ю. и другие) в области экономической безопасности и ее обеспечения в условиях использования цифровых технологий. Методами исследования являются общеэкономические методы, такие как описание, обобщение, систематизация, сравнение, классификация, нормативно-правовой метод.

Результаты и обсуждения

В Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208, под обеспечением экономической безопасности подразумевается «осуществление мер, направленных на противодействие вызовам и угрозам экономической безопасности и защиту интересов Федерации в экономической сфере» [1].

Авторы часто акцентируют внимание на роли государства в обеспечении экономической безопасности. Это включает в себя защиту от внешних экономических угроз, таких как санкции, а также внутренние вопросы, такие как коррупция и неэффективное управление. Важными аспектами считаются устойчивость экономической системы и способность противостоять кризисам. Российские подходы также могут включать социальные аспекты, такие как обеспечение занятости и достойного уровня жизни, что связывается с общей устойчивостью экономики [2; 6].

На уровне предприятия экономическая безопасность представляет собой такое состояние его защищенности от внешних и внутренних угроз, которое обеспечивает его устойчивое функционирование и развитие, достижение стратегических целей и сохранение конкурентоспособности. В литературе выделяют различные подходы к определению экономической безопасности предприятия. Это и ресурсный подход (через эффективность использования ресурсов), и системный подход (через комплекс взаимосвязанных элементов), и функциональный подход (эффективное выполнение функций компании, по бизнес-процессам), и финансово-ориентированный подход (через финансовую устойчивость) [6; 9–13]. Каждый из представленных подходов успешно используется в зависимости от контекста и целей исследования.

Наиболее распространено мнение, что механизм экономической безопасности предприятия включает следующие элементы (рис. 1).

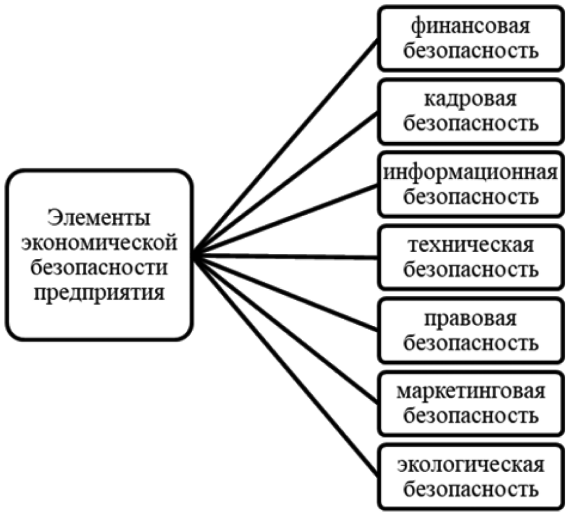


Рис. 1. Основные элементы экономической безопасности современной организации

Многообразие представленных элементов свидетельствует о многоаспектности данного понятия, а, следовательно, о необходимости применения методов и инструментов из различных сфер управленческой деятельности. В условиях применения в управлении цифровых технологий основополагающей представляется информационная составляющая, поскольку информация участвует в обеспечении устойчивого функционирования и развития экономической системы. Информация позволяет своевременно выявлять внутренние и внешние риски, такие как экономическая нестабильность, киберугрозы, санкции, недобросовестная конкуренция и другие факторы, которые могут негативно повлиять на экономическую безопасность. Кроме того, эффективное управление информацией способствует защите стратегически важных данных, предотвращению утечек и обеспечивает прозрачность процессов, что создает основу для устойчивого экономического развития. Поэтому без надежной и своевременной информации невозможно принимать обоснованные управленческие решения.

Обзор источников по теме [3–9] позволил классифицировать методы обеспечения экономической безопасности (рис. 2).

Следовательно, существует большое разнообразие применяемых методов, при этом используются следующие цифровые технологии:

- технология блокчейн для защиты данных, проведения финансовых операций и предотвращения мошенничества;
- технологии Big Data (большие данные) и аналитика для анализа больших данных с целью выявления аномалий и предотвращения угроз;
- виртуализация и облачные технологии для хранения данных с высокой степенью защиты;

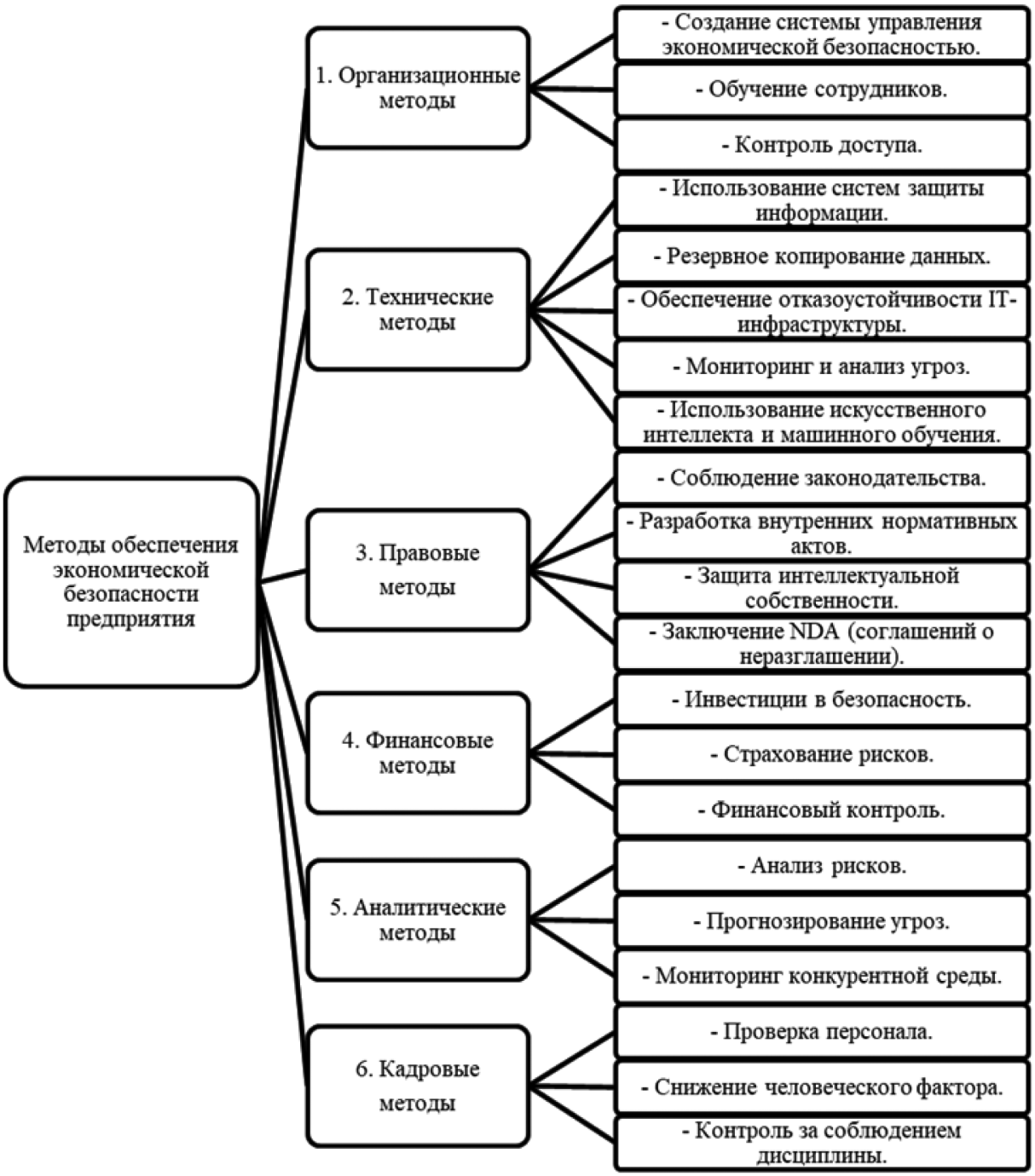


Рис. 2. Методы обеспечения экономической безопасности

— интернет вещей (IoT) — контроль и управление устройствами с учетом безопасности IoT-инфраструктуры.

Как справедливо отмечают Манахова, И.В., Левченко Е.В., Быстров А.В., Есина А.Р., совершенствование системы обеспечения экономической безопасности должно стремиться к росту уровня технического, технологического и информационного аспекта, степени развития цифровых знаний и компетенций сотрудников компании [4]. При этом обеспечение кибербезопасности на предприятии должно стать центральным звеном в условиях использования цифровых технологий. Для этого необходима профилактика киберугроз, в том числе постоянное обновление программного обеспечения и систем безопасности; своевременное и грамотное реагирование на инциденты, основанное на плане действий в случае утечки данных или атак хакеров; аутсорсинг кибербезопасности, включающий привлечение профессиональных компаний для управления IT-безопасностью.

Выводы

Таким образом, в статье рассмотрено понятие и элементы обеспечения экономической безопасности. Методы обеспечения экономической безопасности предприятия в условиях использования цифровых технологий включают сочетание организационных, технических, правовых, кадровых, финансовых и аналитических мер. При этом использование цифровых технологий является основой указанных методов в современных условиях. Эффективное управление информацией способствует защите стратегически важных данных, предотвращению утечек и обеспечивает прозрачность процессов, что создает основу для устойчивого экономического развития. Использование цифровых технологий в современных условиях не только создает риски угрозы экономической безопасности, но и активно способствует их устранению с помощью новейших методов и инструментов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».
2. Караева, Ф.Е. Экономическая безопасность: критерии оценки // Вестник экономической безопасности. — 2021. — №5. — С. 293–296.
3. Манахова, И.В. Обеспечение экономической безопасности компании в условиях цифровизации экономики / И.В. Манахова, Е.В. Левченко // Известия Саратовского университета. — 2020. — Т. 20, № 1. — С. 16–21. — DOI 10.18500/1994-2540-2020-20-1-16-21.
4. Манахова, И.В., Левченко Е.В., Быстров А.В., Есина А.Р. Развитие механизма обеспечения экономической безопасности предприятий при внедрении цифровых технологий // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. — 2019. — №6 (108). — С. 183–190.
5. Миндлин, Ю.Б. Влияние цифровизации на традиционные отрасли экономики России / Ю.Б. Миндлин, О.А. Кишкинова, И.А. Черенкова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2024. — № 9. — С. 65–68. — DOI 10.37882/2223-2974.2024.09.25. — EDN GWEUGN.
6. Сапожникова, С.М., Рейхерт Н.В. Экономическая безопасность: теоретические и практические подходы: монография. — Чебоксары: ИД «Среда», 2021. — 120 с.
7. Стрелина, Е.Н. Проблемы обеспечения экономической безопасности в условиях цифровой трансформации в разных отраслях экономики / Е.Н. Стрелина, Э.В. Ходун // Экономическая безопасность страны, региона, организаций различных видов деятельности: материалы Четвертого Всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности (г. Тюмень, 19–22 апреля 2023 г). — Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. — С. 311–321.
8. Типикин, Н.И. Роль инноваций в обеспечении экономической безопасности предприятия / Н.И. Типикин // Экономика и эффективность организации производства. — 2020. — № 32. — С. 152–155.
9. Шиншинов, А.Ю. Трансформация систем экономической безопасности хозяйствующих субъектов в условии цифровой экономики / А.Ю. Шиншинов, О.Е. Васильева // Организатор производства. — 2023. — Т.31. — №4. — С.74–85. DOI: 10.36622/VSTU.2023.76.37.007.
10. Ширко, Л.М. К вопросу о сущности экономической безопасности предприятия // Экономические отношения. — 2020. — Том 10. — № 4. — С. 1555–1564. — doi: 10.18334/eo.10.4.111327.
11. Shahgiraev, I.U., Dzhafarova, Z.K., & Buvajsarovich Hadisov, M. Economic Security Of Enterprises Amidst Digital Transformation Of Economy. In D. Bataev, S.A. Gapurov, A.D. Osmaev, V.K. Akaev, L.M. Idigova, M.R. Ovhadov, A.R. Salgiriev, & M.M. Betilmerzaeva (Eds.), Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism, 2022. — № 128. — pp. 545–552.
12. Shynkar, S., Gontar Z., Dubyna M., Nasypaiko D., Fleychuk M. Assessment of economic security of enterprises: Theoretical and methodological aspects // Business: Theory and Practice. — 2020. — № 21. — №1. — pp. 261–271.
13. Vaslavskaya, I.Y., Koshkina I.A., The Concept of Assessing the Level of the Enterprise Economic Security // Revista geintec-gestao inovacao e tecnologias. — 2021. — №11. — №2. — pp.1259–1268.

© Демьяненко Елена Федоровна (ellanainstitut@gmail.com); Ноздрин Вадим Станиславович (novastan@rambler.ru);
Парамонов Алексей Федорович (paf70@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.09

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ «ЗЕЛЁНЫЕ ФИНАНСЫ» (GREEN FINANCE)

ECONOMIC SECURITY OF COMMERCIAL BANKS IN THE CONTEXT OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES «GREEN FINANCE»

S. Yeshtokin

Summary. The article examines the theoretical and applied aspects of integrating innovative «green finance» technologies into the operations of commercial banks from the perspective of ensuring their economic security. The study analyzes key instruments and directions of green financing, including green and ESG bonds, green loans, and environmentally safe, climate-neutral, innovation-driven investment projects. Particular attention is paid to the impact of environmentally oriented activities of commercial banks on risk reduction, improvement of reputational characteristics, and enhanced access to sustainable sources of capital. The article provides an overview of the current state of green finance in Russia, identifies major challenges to its development — such as insufficient regulatory support, underdeveloped market infrastructure, and a low level of stakeholder awareness. It concludes that a strategic focus by banks on green financial innovations and environmental sustainability contributes to strengthening their economic security, reducing vulnerability to external and internal threats, and building competitive advantages amid the ongoing transformation of the financial market and the banking sector in particular.

Keywords: green finance, commercial banks, economic security, ESG, sustainable development, environmental risks, financial innovations.

Ештокин Сергей Васильевич
кандидат экономических наук, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского
e-mail: sssr250505@gmail.com

Аннотация.В статье рассмотрены теоретико-прикладные аспекты внедрения инновационных технологий «зелёные финансы» (*Green Finance*) в деятельность коммерческих банков с позиции обеспечения их экономической безопасности. Проанализированы ключевые инструменты и направления зелёного финансирования, включая «зелёные» и *ESG*-облигации, «зелёные» кредиты и экологически безопасные, климатически нейтральные инновационно-инвестиционные проекты. Особое внимание уделено влиянию экологически ориентированной деятельности коммерческих банков на снижение рисков, улучшение репутационных характеристик и расширение доступа к устойчивым источникам капитала. Представлен обзор текущего состояния «зелёного» финансирования в России, выявлены основные проблемы его развития, включая недостаток регуляторной поддержки, слабую рыночную инфраструктуру и низкий уровень информированности участников. Делается вывод о том, что стратегическая ориентация банков на «зелёные» финансовые инновации, экологическую устойчивость способствует укреплению их экономической безопасности, снижению уязвимости к внешним и внутренним угрозам и формированию конкурентных преимуществ в условиях трансформации всего финансового рынка и, в частности, банковского сектора.

Ключевые слова: зелёное финансирование, коммерческие банки, экономическая безопасность, ESG, устойчивое развитие, экологические риски, финансовые инновации.

Современное глобальное финансовое и экономическое пространство стремительно меняется и тому есть объективные причины:

- во-первых, деятельность как реального, так и финансового (включая банковский) сектора становится всё больше интеллектуалоёмкой и наукоёмкой, ключевой фактор роста — инновационная активность;
- во-вторых, цифровая трансформация всё больше масштабируется, что создаёт не только возможности, но и новые угрозы устойчивому и экономически безопасному развитию различных предприятий и организаций, включая коммерческие банки;
- в-третьих, сложился безальтернативный тренд не только социальной, но и экологической ответственности бизнеса и банковская деятельность в этом смысле точнее не является исключением.

Если коммерческие банки не адаптируются успешно к новым реалиям, то, соответственно, утрачивают конкурентоспособность, теряют инвесторов, клиентскую базу и деловую репутацию, несут дополнительные прямые и транзакционные издержки, сокращают доходность и прибыльность своей деятельности. В результате влияния всех перечисленных и многих других негативных факторов экономическая безопасность коммерческих банков деградирует до частичной или полной экономической уязвимости [9, 11].

При этом нужно понимать, что многие государства (и Российская Федерация в том числе) всё больше придерживаются Целей Устойчивого Развития (дали и везде ЦУР), заявленных ООН в 2015 году и на период до 2030 года [18]. Это на практике означает расширение базы углеродных налогов, квотирование норм выбросов

и приоритетное финансирование экологически дружественных отраслей сферы материального и нематериального производства. Коммерческие банки должны быть полностью вовлечены в «зелёную повестку», поскольку в обратном случае они утрачивают возможность увеличить и даже максимизировать собственные выгоды за счёт: выпуска «зелёных» и *ESG*-облигаций (*Environmental* — окружающая среда, *Social* — общество, *and Governance* — управление) и выдачи «зелёных» кредитов, участия в экологически дружественных институциональных и инвестиционных проектах, климатическом страховании и т.п. [2, 3].

Таким образом, цель данной статьи заключается в том, чтобы показать взаимосвязь между «зелёными» финансовыми инновациями и обеспечением экономической безопасности коммерческих банков. «Зелёные» финансовые инновации (синонимы: *Green Finance*, «зелёное» финансирование) — это направление в финансах и банковской деятельности, которое ориентировано на поддержку устойчивого развития за счёт инвестиций в экологически безопасные, экологически дружественные и климатически нейтральные проекты. Такие инновации включают в себя финансовые инструменты, инвестиции и стратегии, направленные на уменьшение негативного воздействия на окружающую среду и борьбу с изменением климата [12, 15].

К началу 2024 года глобальный рынок «зелёного» финансирования достиг 1,2 трлн долларов США, что соответствует 4 % от мирового ВВП (2023 год). При этом ожидается, что к 2033 году объём глобального рынка «зелёного» финансирования составит около 29 трлн долларов США, соответственно, ожидаемый среднегодовой темп роста будет не менее 21 % (в период с 2023 по 2033 год включительно) [14].

В настоящее время глобальном рынке «зелёного» финансирования лидирует Европейский Союз, доля которого составляет не менее 35 % от суммарного объёма этого рынка. Факторы, которые определяют лидерство ЕС в использовании выгод «зелёных» финансовых инноваций, состоят в следующем [14]:

- во-первых, в ЕС действуют жёсткие экологические нормативы, заставляющие предприятия и организации осваивать экологические инновации и расширять инвестиции в них;
- во-вторых, Европейский инвестиционный банк поддерживает не только экологические инновации и инвестиции в реальном секторе, но и вовлекает в этот процесс коммерческие банки;
- в-третьих, предприятия и организации реального сектора, а также розничные потребители демонстрируют высокий спрос на устойчивые финансовые продукты.

Это позволяет коммерческим банкам ЕС иметь наибольшую долю участия в «зелёном» финансировании, которая составляет не менее 38 % по данным на начало 2024 года. Основные продукты, которые предлагают европейские коммерческие банки, используя «зелёные» финансовые инновации, можно структурировать следующим образом [20]:

1) выпуск «зелёных» облигаций для корпоративного сектора (на «зелёные» облигации приходится до 40 % рынка);
2) выдачу «зелёных» кредитов предпринимателям и населению;
3) финансирование инфраструктурных и других проектов, в том числе с участием государства, в области возобновляемой энергетики (проекты в области возобновляемой энергетики имеют 45 % рынка «зелёного» финансирования).

В России рынок «зелёного» финансирования, во-первых, значительно меньше, чем в Европейском Союзе — объем рынка на начало 2024 года составляет около 6 трлн рублей, т.е. около 6–7 млрд долларов США по сравнению с 1,12 трлн долларов США в ЕС. Во-вторых, российский рынок «зелёного» финансирования структурно несбалансирован — более 90 % рынка приходится на *ESG*-кредиты. При этом рынок *ESG*-облигаций (это пул облигаций, включающий «зелёные», социальные облигации и облигации устойчивого развития) динамически волатилен (рисунок 1).

Общий тренд объёмов выпуска *ESG*-облигаций объективно понижательный. Коэффициент детерминации (R^2 = 0,7667), описывающий линию тренда, указывает на то, что с достаточно высокой вероятностью, объёмы выпуска *ESG*-облигаций в России будут сжиматься в силу влияния следующих негативных факторов и причин:

- во-первых, высокая ключевая ставка, установленная Банком России на уровне 21 %, практически полностью исключает привлечение инвесторов, т.к. при высокой стоимости заимствований период окупаемости вложений в различные финансовые инструменты существенно увеличивается;
- во-вторых, отсутствуют регуляторные стимулы со стороны государства и Банка России, которые мотивировали бы коммерческие банки на развитие направления «зелёного» финансирования;
- в-третьих, внешние шоки (после февраля 2022 года) продолжают оказывать высокое давление на российскую финансовую систему в целом и банковский сектор в частности. Это не позволяет коммерческим банкам расширять перечень устойчивых финансовых продуктов несмотря на то, что российские кредитные организации показывают опережающую инновационную активность по сравнению со сферой материального и нематериального производства.

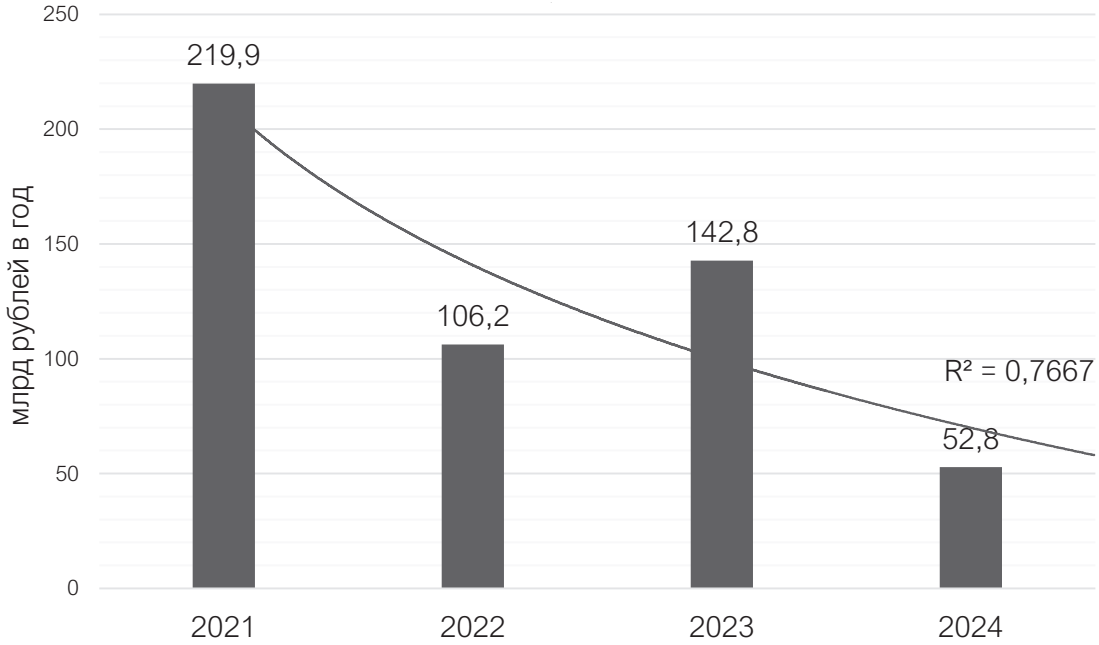


Рис. 1. Динамика объёмов выпуска ESG-облигаций в Российской Федерации [17]

Помимо вышеперечисленных ограничивающих факторов, в том числе характерных и для рынка «зелёного» кредитования, стоить отметить и две важнейших проблемы, одна из которых организационно-управленческая, а вторая — институциональная.

С организационно-управленческой точки зрения и коммерческие банки, и реального сектора слабо осведомлены о выгодах и преимуществах «зелёного» финансирования в свете экологизации экономики. Российские коммерческие банки редко проводят ESG-оценку рисков при выдаче корпоративных кредитов, поскольку не имеют и не разрабатывают для этого унифицированных шаблонов. Кроме того, российские коммерческие банки практически не предлагают стандартизированные «зелёные» продукты и не имеют в своём распоряжении систем верификации корпоративных проектов по критериям ESG [1, 4].

Поэтому на практике часто встречаются случаи, когда компании реального сектора используют *greenwashing* (мимикрию своих проектов под климатически нейтральные и экологически дружественные) в заявках на кредиты или выпуск облигаций.

С институциональной точки зрения практически отсутствуют механизмы стимулирования компаний реального сектора и коммерческих банков к использованию «зелёного» финансирования, поскольку [6, 7]:

a) отсутствуют налоговые льготы и иные преференции для эмитентов и инвесторов в «зелёные» финансовые инструменты;
b) отсутствует субсидирование процентных ставок или компенсаций издержек на подготовку климатически нейтральных и экологически дружественных проектов;
c) не созданы единые стандарты по верификации, отчётности и сертификации «зелёных» облигаций и любых других экологически ориентированных финансовых инструментов.

Вместе с тем «зелёные» финансовые инновации могут быть использованы российскими коммерческими банками для обеспечения своей экономической безопасности.

Прежде всего необходимо остановиться на основных отличительных чертах инноваций в сфере *Green Finance*. Основная цель таких финансовых инноваций — обеспечить денежно-кредитную и иную инструментарную поддержку проектов, реализуемых в реальном секторе экономики, и направленных на снижение (нивелирование) экологической нагрузки от различных видов экономической деятельности и социально-бытовых активностей населения. Это могут быть проекты по [5, 13]:

a) снижению выбросов парниковых газов и переходу к возобновляемым источникам энергии;
b) устойчивому сельскому хозяйству и повышению энергоэффективности;
c) устойчивому развитию транспортной инфраструктуры, управлению отходами, водными и другими природными и биологическими ресурсами.

Ключевые инструменты, которые опосредуют инновации в сфере *Green Finance*, представлены на рисунке 2.

Состав участников, которые вовлечены в процессы «зеленого» финансирования, в целом не отличается от других сегментов финансового рынка:

Рис. 2. Ключевые финансовые инструменты, опосредующие инновации Green Finance [составлено автором]

- во-первых, это государственные, регуляторные и международные финансовые институты (например, правительства, центральные банки, Всемирный банк, Банк международных расчётов и т.п.);
- во-вторых, это коммерческие банки, иные финансовые организации, включая финтех-компании, а также компании, предприятия, организации реального сектора экономики (включая индивидуальных предпринимателей);
- в-третьих, это инвесторы, как частные (в том числе венчурные), так и институциональные (фонды, в том числе венчурные).

Основные преимущества, проблемы и вызовы, обусловленные инновациями в сфере *Green Finance*, систематизированы в таблице 1.

Таблица 1.

Преимущества, проблемы и вызовы «зелёного» финансирования [составлено автором]

Преимущества	Проблемы и вызовы
Снижение экологических и климатических рисков	Недостаточная прозрачность (риск *greenwashing*)
Привлечение инвестиций в устойчивую («зелёную») экономику	Отсутствие универсальных стандартов и критериев оценки
Укрепление репутации компаний реального сектора и коммерческих банков	Низкая осведомлённость инвесторов и участников рынка
Поддержка ЦУР и распространение осведомленности о климатических и экологических проблемах	Высокие начальные издержки на внедрение зелёных проектов и механизмов отчётности

Далее необходимо перейти к описанию взаимосвязи между «зелёным» финансированием и экономической безопасностью коммерческих банков. Здесь можно выделить пять главных аспектов.

Аспект первый: управление экологическими и климатическими рисками. Экологические риски (например, техногенные и природные катастрофы, жёсткое регулирование выбросов CO_2, требования по климатической нейтральности инновационно-инвестиционных проектов) могут повлиять на платёжеспособность заёмщиков и стоимость залогов. Банки, активно внедряющие принципы «зелёного» финансирования, лучше управляют такими рисками, снижая потенциальные потери. Это повышает их экономическую безопасность, так как активы банка становятся менее уязвимыми к внешним шокам, обусловленным изменением климата и жёсткой институализацией экологически ответственного регулирования деятельности компаний реального сектора экономики.

Аспект второй: доступ к устойчивому финансированию и репутационным преференциям. Коммерческие банки, которые предлагают «зелёные» финансовые продукты (облигации, кредиты, фонды), имеют возможность, во-первых, улучшить свою деловую репутацию и нарастить её стоимость. Во-вторых, коммерческие банки получают доступ к новым источникам капитала (финансирования), включая доступ к государственным, институциональным (фондовым) инвестициям, «зелёному» сегменту рынка межбанковского кредитования. Следует, однако, отметить, что в настоящее время российские коммерческие банки полностью или частично ограничены в доступе к мировому рынку «зелёных» финансов. Но, по мнению, некоторых российских чиновников и государственных предпринимателей, если в ближайшей

перспективе установится геополитический статус-кво, то российский рынок «зелёного» финансирования может увеличиться до 500 млрд рублей [16] (видимо, здесь имеется ввиду рынок «зелёных» и ESG-облигаций). Доступ коммерческих банков к устойчивому финансированию означает получение ими новых конкурентных преимуществ, которые будут обеспечивать их устойчивое и экономически безопасное развитие.

Аспект третий: диверсификация активов и портфелей. Инвестиции в «зелёные» проекты реального сектора экономики посредством разнообразных финансовых инструментов («зелёные»: облигации, кредиты, фондирование) позволяют коммерческим банкам диверсифицировать риски, не ограничиваясь традиционными секторами экономики. Особенно важно это в условиях перехода экономики к углеродно-нейтральной модели развития [8, 10]. Диверсификация активов и портфелей (а, значит, и взаимосвязанных рисков) снижает вероятность дефолта коммерческих банков, и, соответственно, защищая капитал банков, увеличивает уровень их экономической безопасности.

Аспект четвёртый: снижение регуляторных рисков. Национальные макрорегуляторы и различные международные финансовые институты полностью вовлечены в «зеленую» повестку. Так, например, Банк России играет ключевую роль в формировании инфраструктуры и регулирования «зелёного» и устойчивого финансирования. Ниже приведены основные меры и инициативы, с помощью которых Банк России поддерживает развитие «зелёного» финансирования [19, 21]:

a) разработка таксономии «зелёных» проектов (экологически безопасные, климатически нейтральные и т.д.);
b) упрощение регулирования и пруденциального надзора для устойчивых финансовых инструментов;
c) развитие учётной и отчётной инфраструктуры — ведётся работа по внедрению *ESG*-стандартов раскрытия информации финансовыми организациями;
d) поддержка внедрения «зелёных» стандартов в финансовом секторе — ведётся разработка добровольных кодексов и стандартов для выпуска и оценки «зелёных» финансовых инструментов.

Коммерческие банки, которые не учитывают рекомендации, а будущем и обязательные требования макрорегулятора, могут столкнуться со штрафными санкциями, ограничениями в доступе к рынкам, более жёсткими нормативами. Адаптация банковской деятельности к новым реалиям через инновации в сфере *Green Finance* позволяет избежать регуляторных потерь и сохранить лицензии.

Аспект пятый: новая клиентская база и устойчивые заёмщики. Компании, организации и предприятия реального сектора экономики, стремящиеся соответствовать *ESG*-стандартам в своей операционной деятельности и реализующие климатически нейтральные проекты, обычно имеют транспарентную бизнес-модель, что делает их не только новыми клиентами для коммерческих банков, но и более надёжными заёмщиками, что также позитивно влияет на экономическую безопасность кредитных организаций.

Таким образом, инновации в сфере *Green Finance* напрямую взаимосвязаны с обеспечением экономической безопасностью коммерческих банков, позволяя последним: лучше управлять экологическими и регуляторными рисками, адаптироваться к новым финансовым и экономическим реалиям, поддерживать устойчивость своего развития через инвестиции в надёжные «зелёные» проекты.

Итак, современные финансовые институты работают в условиях усиливающихся климатических изменений, ужесточения нормативных требований и растущих ожиданий со стороны инвесторов и общества в целом. В связи с этим инновационная активность в сфере «зелёного» финансирования становится не просто желательной, а стратегически необходимой направлением устойчивого и экономически безопасного развития коммерческих банков.

Во-первых, «зелёное» финансирование представляет собой эффективный инструмент управления рисками. Интеграция оценки экологических и климатических факторов в процесс анализа кредитных рисков позволяет отбирать более надёжных заёмщиков и формировать устойчивый инвестиционный портфель. Такое позиционирование снижает вероятность значительных потерь, обусловленных экстраординарными экологическими событиями или регуляторными изменениями.

Во-вторых, развитие «зелёных» банковских продуктов способствует привлечению новых клиентов и инвесторов. В последние годы крупные международные компании ориентируются на финансовых партнёров с развитыми *ESG*-метриками, а институциональные фонды всё активнее включают в свои портфели эмитентов, отвечающих критериям устойчивого развития. Для коммерческого банка это означает приток дополнительного капитала и расширение клиентской базы за счёт акторов, ценящих экологическую ответственность.

В-третьих, внедрение «зелёных» финансовых инструментов укрепляет репутацию банка и повышает уровень доверия со стороны стейкхолдеров. Прозрачность «зелёных» инициатив и публичное раскрытие показателей устойчивости формируют у клиентов и партнёров образ

социально ответственной кредитной организации. Это особенно важно для привлечения молодёжной аудитории, установления долговременных партнёрских отношений с крупными корпоративными клиентами и получения поддержки со стороны государственных структур.

Использование финансовых инноваций в сфере *Green Finance* способствует укреплению экономической безопасности коммерческих банков по нескольким ключевым направлениям:

1) снижение доли рискованных активов. Устойчивые финансовые инструменты, разработанные с учётом экологических факторов, демонстрируют более низкий уровень дефолтов и волатильности, что способствует стабильности кредитного портфеля;
2) доступ к новым источникам капитала. «Зелёные» банковские продукты зачастую привлекают финансирование по более низким ставкам благодаря государственным субсидиям, а также устойчивому спросу со стороны ESG-ориентированных инвесторов;
3) снижение регуляторных рисков. Банки, предвосхищающие требования регуляторные требования в сфере *Green Finance*, уменьшают вероятность штрафов и ограничений, связанных с несоблюдением экологических норм и требований;
4) получение дополнительных конкурентных преимуществ. Инновационные «зелёные» продукты позволяют банку увеличить рыночную долю и повысить доходы за счёт диверсификации активов, портфелей и привлечения новых клиентов;
5) укрепление деловой репутации. Высокий уровень прозрачности и ответственности в вопросах устойчивого развития уменьшает отток клиентов и повышает лояльность партнёров, что является важным компонентом долгосрочной финансовой устойчивости коммерческих банков и экономической безопасности их банковской деятельности.

Внедрение «зелёного» финансирования становится неотъемлемым элементом стратегии устойчивого развития коммерческих банков, способным существенно повысить уровень их экономической безопасности. Как показано в статье, экологически ориентированные финансовые инструменты позволяют не только диверсифицировать продуктовую линейку, но и минимизировать экологические и репутационные риски, а также обеспечить доступ к более дешёвым и стабильным источникам капитала.

На российском рынке «зелёного» финансирования, несмотря на наличие позитивных тенденций, попрежнему сохраняется ряд структурных ограничений, включая отсутствие налоговых стимулов, слабую нормативную базу и ограниченный спрос на «зеленые» банковские продукты. Для преодоления данных барьеров необходим комплексный подход, включающий усиление государственной поддержки, развитие *ESG*-инфраструктуры, формирование единых стандартов экологической и социальной ответственности в управлении операционной деятельностью компаний, организаций и предприятий реального сектора экономики.

Таким образом, интеграция инноваций в сфере *Green Finance* в банковскую практику не только отвечает глобальным экологическим вызовам, но и способствует формированию устойчивой модели экономически безопасного развития коммерческих банков в долгосрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов Г.Ю., Горбунова О.А. Перспективы развития зеленого финансирования в России // Мировая экономика и мировые финансы. 2024. Т. 3. №. 2. С. 67–71.
2. Довбий И.П., Кобылякова В.В., Кондратов М.В., Минкин А.А. ESG-переход: зеленая повестка в глобальной экономике и финансах // Управление в современных системах. 2022. №. 1 (33). С. 21–33.
3. Доронин Б.А., Глотова И.И., Томилина Е.П. Проблемы развития ESG-банкинга и управления ESG-рисками в коммерческих банках // Kant. 2021. №. 4 (41). С. 46–50.
4. Лаврикова Ю.Г., Вегнер-Козлова Е.О., Бучинская О.Н. Организационно-экономические барьеры на пути развития устойчивого финансирования (на примере крупного промышленного бизнеса Уральского региона) // Финансовый журнал. 2025. Т. 17. №. 1. С. 108–125.
5. Лузгина А. Зеленый банкинг: сущность, инструменты и перспективы развития // Банковский вестник. 2021. №. 3. С. 31–42.
6. Максимова С.Ю. «Зеленое» финансирование: особенности, инструменты и проблемы развития // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. №. 4. — С. 368–375.
7. Санникова Л.В. Проблемы правового обеспечения «зеленого» финансирования в ЕС и России // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. №. 5. С. 29–43.
8. Селищева Т.А., Чжоу В. Экономико-климатические модели развития и страны Евразийского экономического союза // Актуальные проблемы экономики современной России. 2022. С. 78–81.
9. Шамас Н.В. Влияние турбулентности мировой экономики на развитие банковского сектора РФ как фактор обеспечения экономической безопасности // Современные проблемы развития экономики России и Китая. 2024. С. 241.
10. Шипкова О.Т., Вдовенко З.В. Сценарии развития нового миропорядка и переход к углеродно-нейтральной безотходной экономике–2050 // Экономика промышленности (Russian Journal of Industrial Economics). 2021. Т. 14. №. 1. С. 76–88.

11. Шкодинский С.В., Павлов А.А. Современные финансовые технологии и их влияние на экономическую безопасность банковской деятельности // Проблемы рыночной экономики. 2024. №. 1. С. 87–97.
12. Akomea-Frimpong I., Adeabah D., Ofosu D., Tenakwah E. J. A review of studies on green finance of banks, research gaps and future directions // Journal of Sustainable Finance & Investment. 2022. Т. 12. №. 4. С. 1241–1264.
13. Fu C., Lu L., Pirabi M. Advancing green finance: a review of sustainable development // Digital Economy and Sustainable Development. 2023. Т. 1. №. 1. С. 20.
14. Global Green Finance Market Report (2024). URL: https://market.us/report/green-finance-market/ (дата обращения 15.02.2025, свободный)
15. Ozili P.K. Green finance research around the world: a review of literature // International Journal of Green Economics. 2022. Т. 16. №. 1. С. 56–75.
16. Зеленые облигации ВЭБ.РФ (2025). URL: https://www.вэб.рф/investoram/zelenye-obligatsii/ (дата обращения 15.02.2025, свободный).
17. Российский рынок ESG-облигаций: период переосмысления. (АКРА, 2024). URL: https://www.acra-ratings.ru/research/2762/ (дата обращения 15.05.2025, свободный).
18. Цели в области устойчивого развития (ЦУР). ООН (2025). URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/ (дата обращения 15.02.2025, свободный).
19. XIV семинар по экономическим исследованиям. Банк России (2025). URL: https://www.cbr.ru/about_br/activity/26032025/ (дата обращения 15.02.2025, свободный).
20. Sustainable Finance Market Size (2025). URL: https://www.precedenceresearch.com/sustainable-finance-market (дата обращения 15.02.2025, свободный).
21. Sustainable financial instruments and infrastructure. Банк России (2024). URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/160249/press_4.pdf (дата обращения 15.02.2025).

© Ештокин Сергей Васильевич (sssr250505@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.12

HR-БРЕНДИНГ В ОБЕСПЕЧЕНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

HR-BRANDING IN ENSURING THE COMPETITIVENESS OF AN ORGANIZATION

T. Kurina

Summary. The relevance of the research is determined by the need to achieve a high level of competitiveness of the organization, depending on many factors, among which are high-quality competitive products, effective advertising and competent strategic management, creating conditions for product promotion to the market, as well as highly qualified personnel at all levels of management, ensuring attractiveness for potential and current employees of the organization. The article is devoted to the analysis of the essence of the employer's brand. Approaches to the rating assessment of employers are considered. The analysis of brand ratings of the best Russian organizations is presented. According to the results of the study, competitive advantages have been identified due to the presence of a strong employer brand. To solve the tasks set during the research, general scientific methods were used, among which methods of system analysis, observation and generalization, etc. can be distinguished.

Keywords: employer's brand, HR-branding, HR-brand, employer value proposition, recruitment, labor market, competitiveness of the organization, personnel.

Курина Татьяна Николаевна
кандидат экономических наук,
Российский новый университет (Москва)
tk19@rambler.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью достижения высокого уровня конкурентоспособности организации, зависящего от многих факторов, среди которых можно выделить высококачественную конкурентоспособную продукцию, эффективную рекламу и грамотное стратегическое управление, создающее условия для продвижения продукции на рынок, а также высококвалифицированный персонал всех уровней управления, обеспечивающий привлекательность для потенциальных и настоящих сотрудников организации.
Статья посвящена анализу сущности бренда работодателя. Рассмотрены подходы к рейтинговой оценке работодателей. Представлен анализ рейтингов брендов лучших российских организаций. По результатам исследования определены конкурентные преимущества, обусловленные наличием сильного бренда работодателя. Для решения задач, поставленных в ходе исследования, применялись общенаучные методы, среди которых можно выделить методы системного анализа, наблюдения и обобщение и др.

Ключевые слова: бренд работодателя, HR-брендинг, HR-бренд, employer value proposition, привлечение персонала, рынок труда, конкурентоспособность организации, персонал.

Введение

К числу ведущих аспектов развития организаций любого профиля относятся вопросы, связанные с обеспечением кадрами. Службы управления человеческими ресурсам уделяет повышенное внимание мотивации персонала, его подбору, удержанию. На протяжении последних лет конкурентная борьба за привлечение квалифицированных сотрудников все более обостряется, рынок труда характеризуется превышением спроса над предложением.

Следствием является влияние бренда организации на привлекательность работодателя. Ключевые составляющие бренда работодателя — HR и маркетинговая. Первая представлена в виде компенсаций, системы оплаты труда, организационной культуры, вторая — в виде известности продукта, его имиджа, занимаемого положения организации на рынке. Мероприятия, ориентированные на то, чтобы формировать позитивный имидж компании в качестве работодателя и на этой основе непрерывно привлекать лучших специалистов высокой квалификации [16].

Поскольку финансовые результаты организаций, успешность их развития определяются силой бренда, связанные с брендингом вопросы являются предметом повышенного внимания как теоретиков, так и практиков [1].

Службы управления человеческими ресурсами рассматривают сегодня накопленный опыт в сфере управления персоналом в качестве значимой составляющей обеспечения прочных конкурентных позиций компаний и в качестве основы стратегического развития. Все компании сегодня функционируют в условиях, когда конкурентное противостояние становится все более интенсивным, и в этих условиях специалисты по управлению персоналом активно используют систему сбалансированных показателей [25].

М. Хендерсон, специалист по организационному развитию Morgan and Bank, обоснованно отмечал еще три

десятилетия назад, что в условиях, когда ведущим конкурентным преимуществом любой компании является человеческий капитал, подразделения по управлению человеческими ресурсами должны обеспечивать привлечение работников, соответствующих организационной культуре, определять методы, обеспечивающие возможность объективно выявлять, насколько эффективно функционирует трудовой коллектив и насколько эффективной является деятельность каждого из сотрудников [23].

Связанные с формированием бренда работодателя вопросы актуализировались в отечественной бизнес-практике в начале текущего века.

В дальнейшем вопросы, относящиеся к привлечению специалистов высокой квалификации и их последующему удержанию, формированию условий для бесперебойного обеспечения компании необходимым персоналом стали еще более значимыми. Требования в отношении качественного уровня персонала постоянно растут, конкуренция за привлечение специалистов с рынка труда для заполнения возникающих вакансий становится все более острой.

Изучение практики деятельности российских компаний на современном этапе позволяет сделать следующий вывод — определяющая роль при обеспечении конкурентных преимуществ уделяется руководством компаний инновациям в сфере управления, в т.ч. внедрению современных технологических решений в управлении персоналом [6].

Сегодня компании сталкиваются со сложными вызовами внешней среды, в первую очередь с макроэкономической нестабильностью. Многим компаниям приходится решать проблему выживания, и в меньшей мере уделять внимание развитию. Однако необходимо принимать во внимание, что одним из аспектов не только развития, но и выживания является необходимость решения проблемы обеспечения кадровых ресурсов в условиях, когда спрос на специалистов в большинстве отраслей существенно выше предложения. Особенно актуальна данная проблема для организаций, функционирующих в сферах, где в отношении качественного уровня человеческого капитала предъявляются высокие требования. Таким образом, формирование сильного бренда работодателя для значительной части компаний сегодня является вопросом не только развития, но и выживания.

Цель исследования — выявить особенности формирования HR-бренда, определить влияние на конкурентные преимущества организации.

Формирование HR-бренда

Этимология понятия «brand» связана с норвежским языком, в котором соответствующее слово использовалось применительно к клейму, свидетельствующему о принадлежности того или иного домашнего скота [18].

Понятие бренда работодателя впервые использовал в начале последнего десятилетия прошлого века глава People in Business С. Бэрроу [21].

В дальнейшем он сформулировал дефиницию соответствующего термина в журнальной публикации 1996 г. совместно с Т. Эмблером [20].

В соответствующей работе были впервые охарактеризованы возможности использования при управлении человеческими ресурсами методологии управления брендом.

Бренд работодателя был охарактеризован исследователями в виде комплекса соотносящихся с работодателем преимуществ экономического, психологического, функционального характера.

В дальнейшем стал активно использоваться подход, предполагающий использование маркетинговых технологий в отношении претендентов на вакансии.

В соответствии с результатами проведенного Conference Board исследования [22], в начале 2000-х годов управление брендом работодателя осуществляли 40 % компаний.

При этом в первую очередь подобный брендинг был связан с осуществляемыми на рынке труда мероприятиями маркетингового характера, ориентированными на то, чтобы привлекать выпускников и учащихся, информировать о вакансиях нетрадиционным образом, развивать связанные с карьерой в компаниях сайты в глобальной сети.

В дальнейшем сформировался рынок управления брендом работодателей, лидерами на нем сегодня являются организации Employer Brand International, Greate Place To Work, AON Hewwitt, People in Business, Universum, Reputation Institute.

Соответствующие организации развивают бренды ведущих компаний, относящихся к различным отраслям. Данные организации также формируют рейтинги HR-брендов. Примером может являться рейтинг от Aon Hewitt — Best Employers Study, и др.

На современном этапе понятие HR-бренда работодателя рассматривается в качестве [4]:

- способа, посредством которого обеспечивается формирование идентичности организации, включая основные ценности;
- комплекса получаемых сотрудником организации выгод психологического, профессионального и экономического характера;
- образа организации в качестве места трудовой деятельности в представлении сотрудников — текущих и бывших, претендентов на вакансии, акционеров, клиентов, и др.

Анализируя положительному восприятию работодателя аспекты, следует отметить ключевые составляющие HR-бренда работодателя в виде:

1) подхода организации к предоставлению льгот, компенсаций;
2) силы продуктового бренда и его узнаваемость;
3) условий трудовой деятельности в организации;
4) соотношения между трудовой деятельностью работников организации и их жизнью вне работы;
5) организационной культуры.

Все указанные составляющие с точки зрения конкретных действующих работников или соискателей обладают собственной значимостью. Исходя из рыночной ситуации, тенденций на рынке, профиля компании роль данных составляющих является различной.

При формировании HR-бренда работодателя реализуются мероприятия, ориентированные на то, чтобы определить действенные механизмы, позволяющие привлекать и удерживать работников, являющихся значимыми для организации, формировать репутацию организации на рынке труда и отстраиваться от организаций — конкурентов.

Исследователи, анализирующие вопросы, относящиеся к формированию бренда работодателя, отмечают, что аналогично управлению потребительскими брендами, успешность управления HR-брендом определяется тем, насколько четко сформулировано связанное с соответствующим брендом предложение [21]. В данном отношении значимым является такое понятие, как EVP — ценностное предложение сотруднику — employer value proposition.

Данное понятие отражает получаемые работником от организации льготы, вознаграждения, обусловленные трудовой деятельностью работника в интересах организации.

Б. Минчингтон, один из основных специалистов в сфере управления HR-брендом работодателя, трактует соответствующее понятие в качестве комплекса предложений, получаемых работником от организации в качестве вознаграждения за опыт, способности, навыки работника.

Для того, чтобы успешно привлекать специалистов, обеспечивать их удержание, необходимо наличие убедительного, актуального, уникального EVP.

EVP, по замечанию руководителей Tandehill Human Capital, непосредственно соотносится с HR-брендом. Компании требуется четко определить обстоятельства, в силу которых компания как работодатель представляет для работников больший интерес в сопоставлении с компаниями — конкурентами [24].

EVP должно отражать политику вознаграждений, ориентацию компании на обеспечение карьерного продвижения, профессионального развития, и др. Грамотно сформулированное EVP позволяет специалистам по привлечению персонала быть актуальными и уникальными, чтобы привлекать, вовлекать и удерживать талантливых сотрудников.

В случае наличия грамотно сформулированного EVP компания получает комплекс преимуществ.

В числе подобных преимуществ — сокращение затрат связанных с наймом сотрудников, возможность вторичного привлечения сотрудников, покинувших организацию ранее, определение приоритетов в реализуемой организацией кадровой политике.

При этом основной позитивный эффект состоит в том, что компания четко определяет преимущества, которые имеются у нее перед конкурентами за привлечение специалистов на рынке труда, и имеет возможность более успешно привлекать и удерживать талантливых сотрудников. Сегодня проблема привлечения персонала обостряется не только в Российской Федерации, но и в мире в целом. Еще в конце прошлого столетия в США стали использовать девиз «Война за таланты». Наличие талантливых сотрудников является ведущим конкурентным преимуществом компании, и в дальнейшем значимость данного конкурентного преимущества будет только усиливаться. Речь идет о человеческом капитале, который обеспечивает результативность компании финансовую, управленческую, организационную и т.п. Организация, обладающая талантливым человеческим капиталом, может успешно функционировать и развиваться [9]. Отечественные работодатели сегодня также ориентированы на то, чтобы привлекать талантливых сотрудников [2]. Повышенная заинтересованность в привлечении подобных работников определяется стремлением компаний к упрочению собственных конкурентных позиций на основе формирования ценного человеческого капитала [10].

Взаимосвязь между HR-брендом и конкурентоспособностью организации

Факторы представляющие конкурентные преимущества, имеет особое значение для отечественных ком-

паний [17]. Одним из данных преимуществ является наличие эффективного человеческого капитала. В настоящее время на отечественном рынке труда преобладает ситуация, при которой рабочая сила необходимой квалификации, в отношении которой существует спрос со стороны работодателей, в необходимом количестве отсутствует. Подобная ситуация определяется многообразными обстоятельствами, в первую очередь такими, как кризисные тенденции в демографической сфере, сокращение численности населения трудоспособного возраста, рост ожиданий работников в отношении оплаты труда и карьерного развития, и др. Попытки компаний решить данную проблему за счет повышения оплаты труда не позволяют устойчиво добиваться желаемых результатов, т.к. не увеличивают численности доступных к найму специалистов на рынке труда, а у некоторых компаний нет финансовых возможностей удовлетворить зарплатные ожидания кандидатов на вакансии.

Решением может являться систематическое, целенаправленное построение HR-бренда работодателя, формирование устойчиво высокой репутации компании. Формирование HR-бренда и управление им предполагает разработку и реализацию долгосрочной стратегии, ориентированной на то, чтобы управлять восприятием организации — стейкхолдерами. В этом отношении уместно сделать вывод, что управление HR-брендом способствует упрочению конкурентных позиций организации как на рынке труда, так и в иных сферах, т.к. HR-бренд отражает, насколько стабильным, эффективным является бизнес.

Следует отметить, что весь комплекс процессов в сфере управления персоналом влияет на HR-бренд организации [3]. На стадии жизненного цикла, связанной с устойчивым развитием, когда ключевые бизнес-процессы уже отлажены, вопросы построения, развития HR-бренда становятся для отечественных компаний особенно значимыми. На данной стадии компания проявляет повышенный интерес к тому, чтобы улучшить собственную репутацию у потенциальных и действующих сотрудников. Согласно результатам проведенных зарубежных исследований, существует непосредственная связь финансовых результатов, капитализации, конкурентоспособности компании и ее репутацией на рынке труда.

В соответствии с результатами анализа, проведенного Interbran — ведущей организацией по бренд-консалтингу, 20% соискателей в возрасте до 30 лет предпочитает организации с сильным HR-брендом, в т.ч. и тогда, когда уровень оплаты труда в данных компаниях является меньшим в сопоставлении с конкурентами с более слабым HR-брендом.

Компании, имеющие более сильный HR-брендом, характеризуются следующими особенностями:

- вдвое больше число претендентов на открытые вакансии,
- более низкие затраты по привлечению талантливых сотрудников.

Данные сведения опубликованы по результатам исследования, проведенного компанией Aon Hewitt — одной из ведущих компаний в таких сферах, как аутсорсинг и HR-консалтинг.

Исследование HR-бренда российских компаний проводится компанией HeadHunter, лидером онлайн-рекрутмента в России.

Согласно проведенным исследованиям Head Hunter, развивающие бренд работодателя компании получили следующие позитивные результаты:

- рост количества резюме высокого качества (18 %);
- снижение сроков закрытия вакансий (24 %);
- рост числа откликов на вакансии компании от соискателей (39 %).

Подходы к оценке HR-бренда. Рейтинги HR-брендов российских организаций

Представляется необходимым охарактеризовать подход к оценке бренда работодателя на примере формируемого компанией HeadHunter рейтинга «HR-бренд».

Система оценки HR-бренда, применяемая HeadHunter, основана на анализе зарубежных подходов к решению вопроса оценки и адаптации соответствующих практик применительно к отечественному рынку труда.

Данная система включает различные виды оценки:

- Внешние соискатели на вакансии. Соискатели предоставляют в рамках опроса собственные мнения в отношении трех компаний той или иной отраслевой принадлежности;
- Специалистами в сфере управления человеческими ресурсами. Соответствующие специалисты фиксируют предоставляемой им анкете собственное мнение в отношении уровня развития компании в сопоставлении с отраслевыми конкурентами;
- Бывшими сотрудниками. Практически все претенденты на вакансии анализируют отзывы о компании как о работодателе, что обуславливает значимость мнения бывших сотрудников;
- Действующими сотрудниками. На основе получения соответствующей информации оценивается степень готовности работников предоставить рекомендации о компании как о потенциальном месте работы, степень лояльности к компании как к работодателю.

При определении результата суммирование указанных оценок осуществляется с весовыми коэффициентами:

30 % — оценка соискателей на вакансии;

20 % — оценка специалистов в сфере управления человеческими ресурсами;

20 % — оценка бывших работников;

30 % — оценка действующих работников.

Ранжирование осуществляется исходя из балльной оценки конкретных участников рейтинга (в рейтинге могут участвовать любые компании, штат которых превышает 100 сотрудников).

В табл. 1 представлены результаты рейтинга за 2024 г. Ведущие позиции принадлежат в нем не представительствам иностранных компаний, а крупным отечественным корпорациям. На основе анализа результатов видно, что победителями являются преимущественно российские компании. Следует отметить, что основные особенности состоят в ориентации на достижение бизнес-результатов на основе организационной культуры, а также в клиентоориентированности.

Таблица 1.

Рейтинг HR-бренд 2024 [19]

Номер в рейтинге	Название компании	Отраслевая принадлежность
1	Группа НЛМК	Обработка металлов, металлургическая отрасль
2	СИБУР	Нефтехимическая, химическая отрасли
3	X5 Group	Розничная торговля
4	AB InBev Efes	Производство напитков, пищевых продуктов, выпуск товаров массового спроса
5	Северсталь	Обработка металлов, металлургическая отрасль
6	МегаФон	Связь, телекоммуникации
7	Теле2	Связь, телекоммуникации
8	Альфа-Банк	Банковская отрасль
9	Ингосстрах	Аудиторские, страховые, финансовые услуги
10	BGS Group	Бизнес-услуги

Анализируя основные особенности имеющих сильный бренд работодателя компаний, требуется отметить значимое обстоятельство в виде стабильности компании. Данное обстоятельство существенным образом сказывается на конкурентных позициях компании на рынке труда. С точки зрения силы бренда работодателя устойчивость компании играет существенную роль в силу того, что ситуация в стране в социально-экономической, политической сферах характеризуется высокой изменчивостью, отсутствием стабильности. В подобных условиях компании, демонстрирующие устойчивое функционирование и развитие в течение продолжительного времени, являются значительно более привлекательными для сотрудников и соискателей на вакансии.

Следует обратить внимание на тенденцию, связанную с тем, что восприятие работодателя как устойчивого, стабильного соотносится не только с благополучием в финансовом отношении, но и с открытостью сведений в отношении планов развития компании, а также с тем, что компания распространяет информацию о собственном ценностном предложении — EVP.

Поскольку производство в сопоставлении с иными сферами характеризуется меньшими рисками и более высокой устойчивостью, представление об устойчивости соотносится у соискателей с компаниями, функционирующими в реальном секторе.

Необходимо обратить внимание, что вышеуказанный рейтинг HR-бренда, не полностью отражают реальную картину на отечественном рынке труда, так как участие в рейтинге носит добровольный характер. В этой связи в нем участвуют компании, которые уверены, что их положение в рейтинге будет высоким, компании, интенсивно за действующие современные технологические решения в области управления человеческими ресурсами. Немаловажным является и то обстоятельство, что соответствующие компании интенсивно взаимодействуют с ведущими зарубежными организациями в такой сфере, как HR-консалтинг.

Заключение

Проведенный анализ позволяет отметить, что для любой отечественной организации, стремящейся к успешному функционированию и развитию, определяющее значение имеет внедрение современных технологий в сфере управления персоналом [7]. Сложная макроэкономическая ситуация и дефицит рабочей силы на российском рынке труда актуализируют вопросы персонала. На современном этапе компании нуждаются в новых технологиях привлечения специалистов и их удержания. Соответствующие технологии связаны с интеграцией маркетинговых решений в сферу управления человеческими ресурсами. Одной из подобных технологий является управление HR-брендом, ориентированное на решение существующих в сфере управления персоналом проблемных вопросов в виде кадровых последствий негативной демографической ситуации,

завышенных ожиданий соискателей на вакансии в отношении карьерного продвижения и оплаты труда, высокой текучести персонала и др. Работодатели на основе применения соответствующей технологии имеют возможность обеспечения устойчивого привлечения специалистов высокой квалификации на основе улучшения репутации на рынке труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барлоу Джанелл, Стюарт Пол. Сервис, ориентированный на бренд. Новое конкурентное преимущество: пер. с англ. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2007. С. 7.
2. Баранова И.П. Образование в эпоху HumanAge. Аналитический обзор рекрутинга в России // Кадровый менеджмент. 2013. №1. С. 51.
3. Бахтин М.Б. HR-брендинг: мода или необходимость // Сборник материалов Девятого Международного научного конгресса «Роль бизнеса в трансформации российского общества — 2014». М.: «Эдитус», 2014. С. 291–293.
4. Бруковская О., Осовицкая Н. Как построить HR-бренд вашей компании. 53 способа повысить привлекательность компании-работодателя. СПб.: Питер, 2010. С. 11.
5. Громова Н.В. Роль человеческого капитала в обеспечении конкурентоспособности современных компаний // Современная конкуренция. 2014. №6. С. 124–132.
6. Громова Н.В., Самойлов В.А. Актуальные тренды рынка труда и их влияние на HR-менеджмент в российских компаниях // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 7. №1 (2015) http://naukovedenie.ru/PDF/43EVN115. pdf (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. DOI: 10.15862/43EVN115.
7. Касимова Э.Р., Кузнецова Е.В., Рувенный И.Я. HR-брендинг как инструмент стратегиче ского маркетингового управления // Бизнес. Образование. Право. — 2024. — № 2 (67). — С. 89–94.
8. Курина Т.Н. Теоретико-методологический аспект управления талантами как фактора повышения конкурентоспособности персонала // Креативная экономика. — 2018. — Том 12. — № 4. — С. 491–498. doi: 10.18334/ce.12.4.39047
9. Курина Т.Н. Технология управления талантами персонала как инновационный метод повышения конкурентоспособности организации // Креативная экономика. — 2018. — Том 12. — № 5. — С. 651–658. doi: 10.18334/ce.12.5.39053
10. Курина, Т.Н. Новые технологии управления талантами в крупных организациях рекламного бизнеса / Т.Н. Курина // Лидерство и менеджмент. — 2020. — Т. 7, № 1. — С. 79–88.
11. Курина, Т.Н. Методы оценки эффективности управления талантами в организациях рекламного бизнеса / Т.Н. Курина // Креативная экономика. — 2019. — Т. 13, № 4. — С. 837–846.
12. Курина, Т.Н. Инновационное развитие экономики на основе трансформации высокотехнологичного сектора / Т.Н. Курина // Креативная экономика. — 2024. — Т. 18, № 5. — С. 1109–1130.
13. Курина, Т.Н. Искусственный интеллект в управлении персоналом инновационного предприятия / Т.Н. Курина // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. — 2022. — № 2. — С. 19–26.
14. Лукашов Р.Б., Кузнецова Е.В. Конкурентоспособность организации на рынке мебели // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2024. — № 5-2 (111). — С. 20–23.
15. Мансуров Р.Е. HR-брендинг. Как повысить эффективность персонала. СПб.: БХВ-Петербург, 2011. — 224 с.
16. Орехова С.В. Человеческий капитал как источник устойчивого конкурентного преимущества фирмы: проблемы применения // Современная конкуренция. 2014. Т. 8. №6 (48). С. 99.
17. Рудая Е.А. Основы бренд-менеджмента: учеб. пособие для студентов вузов. М., 2006. С. 17.
18. Сайт HeadHunter.ru [http://rating.hh.ru] (дата обращения: 11.04.2025)
19. Ambler T., Barrow S. The employer brand // The Journal of Brand Management. 1996. Vol. 4. P. 185–206.
20. Barrow S., Mosley R. The Employer Brand: Bringing the Best of Brand Management to People at Work. Chichester: John Wiley & Sons, 2005. P. 232.
21. Dell D., Ainspan N. Engaging employees through your brand, Conference Board Report No. R-1288–01-RR. 2001. April, Conference Board, Washington, D.C.
22. Henderson M. Role Changes for Human Resources // Study Star Times, 1997, January 12.
23. Hill B., Tande C. The Employment Value Proposition 19–22. Tandehill Human Capital Consulting (October 2006). URL: http://www.tandehill.com/pdfs/TotalRewards.pdf
24. Kaplan R.S., Norton D.P. Using the Balanced Scorecard as a Strategic Management System // Harvard Business Review. 1996. January/February. P. 76.

© Курина Татьяна Николаевна (tk19@rambler.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.13

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ НА БИЗНЕС-ПРОЦЕССЫ

IMPACT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ECONOMY ON BUSINESS PROCESSES

G. Lukoshevichus
N. Trishkina
T. Goremykina

Summary. In this paper, the author focuses on the central role of digital tools and the impact of artificial intelligence on business processes. It is emphasized that digital transformation has gone beyond conventional technological trends and has become a prerequisite for the sustainability and competitiveness of companies in the modern economy.
The article analyzes the economic importance of digital transformation, as well as the risks associated with it, in particular, cyber threats, difficulties arising from the implementation of innovative technologies.
In conclusion, the article offers a comprehensive analysis of digital transformation in the business environment, highlighting both the opportunities and benefits, as well as the potential risks and challenges that organizations face in the process of adapting to new technologies.

Keywords: management, business, opportunities, factors, digital transformation, digital technologies.

Лукошевичус Галина Алексеевна
старший преподаватель,
Московский международный университет
gala.lukoshevichus@yandex.ru
Тришкина Надежда Антоновна
к.э.н., доцент, Московский международный университет
ntrishkina@list.ru
Горемыкина Татьяна Константиновна
к.э.н., доцент, Московский международный университет
5149611@mail.ru

Аннотация. В данной работе автор акцентирует внимание на центральной роли цифровых инструментов и воздействии искусственного интеллекта на бизнес-процессы. Подчеркивается, что цифровая трансформация вышла за рамки обычных технологических трендов и стала обязательным условием для устойчивости и конкурентоспособности компаний в современной экономике.
В статье анализируется экономическая важность цифровой трансформации, а также связанные с ней риски, в частности, киберугрозы, трудности, возникающие при внедрении инновационных технологий.
В заключение, статья предлагает всесторонний анализ цифровой трансформации в бизнес-среде, выделяя как возможности и преимущества, так и потенциальные риски и проблемы, с которыми сталкиваются организации в процессе адаптации к новым технологиям.

Ключевые слова: управление, бизнес, возможности, факторы, цифровая трансформация, цифровые технологии.

Быстрые изменения в современном мире делают традиционные методы управления бизнесом неэффективными. Для компаний, желающих не только сохраниться на рынке, но и добиться устойчивого роста, цифровая трансформация перестает быть опцией и превращается в абсолютную необходимость. Речь идет не о поверхностном внедрении отдельных цифровых инструментов, а о глубоком переосмыслении всей бизнес-модели. Необходимо не только автоматизировать рутинные операции, но и создать инновационные продукты и услуги, использовать большие данные для принятия стратегических решений, построить гибкие и масштабируемые информационные инфраструктуры, обеспечить кибербезопасность на высоком уровне. Только такой комплексный подход способен максимизировать эффективность и обеспечить устойчивое конкурентное преимущество.

Следует констатировать, что экономика государств, регионов и в целом мира развивается, причем очень стремительно используя современные информационные технологии. Активное развитие рыночной экономики и как ее части предпринимательства привело к появлению бизнес-систем, основанных на цифровых платформах с целью быстрого и гибкого удовлетворения спроса потребителей [5, с. 256].

В условиях цифровизации Российской экономики возникает необходимость формирования нового механизма управления бизнесом, поскольку кризисные явления сохраняются и существующий механизм не может обеспечить выживаемость компаний.

Традиционные компании доцифровой эпохи медленнее, чем цифровые компании, реагируют на изменения рынка и, как следствие, отличаются более ограниченным процессом движения своей продукции.

Цифровой сектор не следует рассматривать как изолированную отрасль национальной экономики. Его основой, безусловно, выступает отрасль информационных технологий (ИТ).

Однако в концепции новой индустриальной революции, цифровизация как основа глобальных перемен охватывает все сектора национальной экономики и отрасли общественного бытия. Об этом говорит и концепция «сквозных технологий цифровой эпохи», предполагающая, что разработка и внедрение новых цифровых инструментов, методов и средств, прежде всего таких, как искусственный интеллект (нейросетевые технологии), платформы интеллектуальной обработки «больших данных», облачные хранилища и др., направлена на применение во всех без исключения отраслях национальной экономики [1, с. 14].

В связи со стремительным развитием интернет-технологий и мобильной связи наблюдается экспоненциальный рост объёма доступной информации.

Рассмотрим следующие данные.

По информации отчёта Digital 2025, в начале 2025 года в мире насчитывалось уже 5,56 миллиарда интернет-пользователей, что соответствует уровню проникновения в 67,9 %. Уровень проникновения интернета в мире, по данным Statista с 1990 по 2024 гг., вырос с 0,05 % до 67,10 % [2, с. 28].

«Вклад флагмана цифровизации — сектора ИКТ — в экономику страны все более заметен: его доля в ВВП в 2023 г. составила 3,5 % (+0,4 п. п. к уровню 2022 г.). По всем основным показателям сохраняется положительная динамика: за год увеличился удельный вес реализуемых профильными организациями товаров, работ и услуг (+4,4 п. п.), численность работников (+0,1 п. п.) и инвестиции в сектор ИКТ (+0,3 п. п.)» [2].

«Вес цифровых технологий в общем объеме внутренних затрат на исследования и разработки, достигший в 2022 г. рекордного значения (70,1 млрд руб., или 4,9 %), остался на высоком уровне и в 2023 г. (67,5 млрд руб., или 4,1 %)» [2].

Распространение мобильного интернета на глобальном уровне привело к существенным преобразованиям, оказывающим влияние на бизнес-стратегии компаний.

Во-первых, мобильный интернет сделал вычислительные мощности и облачные сервисы доступными для широкого круга пользователей. Это фактически способствовало формированию информационной инфраструктуры, необходимой для развития в условиях всеобщей цифровой трансформации.

Во-вторых, снижение стоимости передачи и хранения информации привело к исчезновению барьеров для входа на рынок, сокращению расходов на хранение и передачу данных, а также развитию сетевых эффектов.

В-третьих, рост масштаба анализа данных открыл огромный потенциал получения прибыли из этой сферы.

Таким образом, основу бизнеса в условиях цифровой экономики составляют данные, вокруг которых выстраиваются все бизнес-процессы и на основе которых формируются новые бизнес-модели и экосистемы, предполагающие взаимодействие экономических агентов в киберпространстве.

В свою очередь, внедрение цифровых технологий позволяет компаниям существенно снизить издержки для бизнеса, а также стать клиенто-ориентированными.

Стремительное развитие цифровых технологий, с одной стороны, открывает перед российскими компаниями беспрецедентные возможности для роста и расширения географии деятельности, а с другой — создает серьезные риски.

Остановимся на возможностях цифровой трансформации в бизнес-среде, таких как:

- стимуляция инноваций: в этом случае высвобождается время и снижается количество рутинных процессов, в результате сотрудники могут переключиться на внедрение творческих инновационных задач, приносящих бизнесу прибыль;
- ускорение принятия решений: так как цифровые технологии могут обработать огромные объемы данных, то можно оперативно выявлять закономерности и точки роста;
- автоматизация и сокращение издержек: при использовании цифровизации ускоряется взаимодействие между отделами, снижается количество ошибок и повышается прозрачность отчетности;
- повышение качества: при сборе данных через социальные сети, мессенджеры, чат-боты и онлайн-платформы в реальном времени обеспечивается корректировка ассортимента или сервисных услуг.

К преимуществам цифровой трансформации также можно отнести:

- повышение гибкости: бизнес-структуры могут подстраиваться по конкретную ситуацию;
- повышение производительности при снижении затрат на персонал: цифровые технологии в бизнесе способны разгрузить рабочее время сотрудников, что позволит задействовать их на выполнение других задач или же можно оптимизировать штат;
- улучшение качества обслуживания клиентов: с помощью мобильных приложений, мессенджеров и социальных сетей потребители могут связаться с конкретной компанией, уточнить условия сотрудничества, ознакомиться с преимуществами товаров и услуг.

Кроме того, проект цифровой трансформации бизнеса должен иметь чёткий алгоритм действий, основываю-

щийся на стратегии цифровых технологий, и охватывать все бизнес-процессы компании. При полноценном или частичном внедрении цифровых технологий в систему управления необходимо учитывать опыт других компаний и обращать внимание на ошибки, совершенные ими и не допускать их у себя [6, с. 56].

Ключевой шаг в цифровой трансформации предполагает удовлетворение всех бизнес-потребностей компании. Чтобы идти в ногу со временем, необходимо отказаться от устаревших технологий и изменить культуру организации, которая должна поддерживать более быстрые процессы. Эффективно используя все соответствующие элементы, компании могут поддерживать рост, успех и конкурентоспособность на рынке [4, с. 35].

Однако, следует отметить, что неумелое внедрение технологий, а также недостаток компетенций в области цифрового управления могут привести к серьезным финансовым потерям и даже к банкротству бизнес-компаний.

В этой связи, в современном мире угрозы, связанные с процессами цифровизации, приобретают всё большую актуальность.

Среди них особое место занимают вопросы уязвимости систем защиты национальных данных в онлайн-среде и несоответствие существующих правовых норм требованиям регулирования и обеспечения безопасности социальных взаимодействий в цифровую эпоху.

Не менее острой проблемой является возрастающая автономизация военной робототехники, что повышает риски потери контроля над управляемыми военными системами.

Следующими негативными моментами цифровизации, которые нельзя не отметить — существенное ее влияние на рынок труда, способствующий росту безработицы, вызванной технологическим прогрессом; увеличение числа киберпреступлений и неспособности международных организаций обеспечить адекватную безопасность в киберпространстве.

Исследования показали, что среди различных видов угроз российские бизнес-компании более всего опасаются потенциальной утечки конфиденциальных данных. Такой вариант выбрали 20 % респондентов опроса компании «Гарда Технологии»; 19 % организаций ожидают атаки на сетевую инфраструктуру, 17 % — DDoS-атак [3, с. 74].

Существенно, на наш взгляд, могут помочь избежать или хотя бы своевременно реагировать на эти риски, позволяет анализ текущей ситуации, условий сделок, внешней среды и постоянная готовность к изменениям. Для успешного управления бизнесом на любом этапе его развития необходим четко структурированный бизнес-план, постоянное изучение конкурентов, контроль за внутренними операциями, управление кадровыми ресурсами, а также их квалификацией и мотивацией [7, с. 226].

Кроме этого, стоит отметить, что для преодоления вышеуказанных проблем также необходимо разработать эффективные правовые механизмы регулирования интернет-пространства и осуществить строгий государственный контроль за деятельностью в цифровой сфере.

В заключении отметим, что анализ экономических возможностей и угроз, сопряженных с переходом к цифровым технологиям и использованием искусственного интеллекта, приводит к ряду важных заключений, значимых для предпринимательства, государственных структур и всего социума. Переход к цифровым технологиям предоставляет широкий спектр возможностей для оптимизации работы, создания инновационных товаров и сервисов, охвата новых потребителей и повышения уровня жизни населения. Вместе с тем, это влечет за собой определенные опасности и сложные задачи, требующие тщательного изучения и выработки стратегического подхода к управлению преобразованиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горемыкина Т.К., Тришкина Н.А., Лукошевичус Г.А. Цифровизация экономики России, цифровой суверенитет, их взаимосвязь и влияние на экономический рост / Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2023. — № 6. — С. 13–16.
2. Индикаторы цифровой экономики: 2025: статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др. — М.: НИУ ВШЭ, 2025. — 296 с.
3. Интернет в России в 2022–2023 годах. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. — М.: Дизайн-студия RE-FORM, 2023. — 207 с.
4. Онанко Н.А., Харченко А.С. Особенности реализации человеческого капитала в цифровой экономике / Проблемы и перспективы развития экономики и управления в современных условиях. Сборник научных статей. — М.: Изд-во «Научные технологии», 2024. — 408 с.
5. Толмачева И.В., Филатова В.В. Инновационная деятельность предпринимательских структур в условиях цифровизации / Проблемы и перспективы развития экономики и управления в современных условиях. Сборник научных статей. — М.: Изд-во «Научные технологии», 2024. — 408 с.
6. Ульбашева Ф.Д., Подольская Т.В. Проекты цифровой трансформации компаний как составляющая антикризисного управления / Научные исследования и разработки. Российский журнал управления проектами. — М.: Изд-во «Научно-издательский центр Инфра-М», 2024. — 59 с.
7. Щербакова Н.С., Нагаев С.А. Предпринимательские риски: способы их предотвращения и минимизации / Проблемы и перспективы развития экономики и управления в современных условиях. Сборник научных статей. — М.: Изд-во «Научные технологии», 2024. — 408 с.

© Лукошевичус Галина Алексеевна (gala.lukoshevichus@yandex.ru); Тришкина Надежда Антоновна (ntrishkina@list.ru);
Горемыкина Татьяна Константиновна (5149611@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.16

УПРАВЛЕНИЕ ПРОДВИЖЕНИЕМ КОМПАНИИ В УСЛОВИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

COMPANY PROMOTION MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Yu. Nozdrina
N. Shcherbakova
V. Shchennikova

Summary. In modern conditions, the company's market promotion directly depends on the effectiveness of the management tools used in this area. Today, digital technologies have become one of the main means of promoting products and services, due to their numerous advantages for both consumers and companies. The article discusses the main types of communication for the promotion of goods and services — personal sales, advertising, product promotion and interaction with the public. They can be used separately or in combination, including on the basis of digital technologies. The emergence and necessity of using digital technologies to promote products and services are due to a host of advantages. These included: reaching a large audience, high speed in the dissemination of marketing information, the possibility of increasing the effectiveness of control and current management of organizational processes, improving the efficiency of the process of receiving feedback from the consumer, the possibility of reducing the cost of marketing communications. The management of the promotion of goods and services through digital technologies is not associated with any external factors and has no physical, geographical or racial restrictions at a high rate of distribution. Such promotion helps to increase sales by attracting more customers and increasing the company's sales volume.

Keywords: promotion management, digitalization, digital technologies, promotion tools, business efficiency.

Ноздрина Юлия Ивановна
кандидат экономических наук, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет»
nojuiv@yandex.ru
Щербакова Наталья Сергеевна
кандидат экономических наук, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет»
shcherbakova-n@yandex.ru
Щенникова Валерия Николаевна
старший преподаватель, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет»
vs129@rambler.ru

Аннотация. В современных условиях продвижение компании на рынке напрямую зависит от эффективности используемых инструментов управления в данной сфере. На сегодняшний день цифровые технологии стали одним из главных средств продвижения продукции и услуг, что связано с их многочисленными преимуществами, как для потребителей, так и для компаний. В статье рассмотрены основные типы коммуникацией для продвижения товаров и услуг — личные продажи, реклама, продвижение продукции и взаимодействие с общественностью. Они могут быть использованы отдельно или в сочетании, в том числе на базе цифровых технологий. Возникновение и необходимость применения цифровых технологий для продвижения продукции и услуг обусловлены массой преимуществ. К ним были отнесены: охват большой аудитории, высокая скорость в распространении маркетинговой информации, возможность повышения эффективности контроля и текущего управления организационными процессами, повышение эффективности процесса получения обратной связи от потребителя, возможность снижения стоимости маркетинговых коммуникаций. Управление продвижением товаров и услуг с помощью цифровых технологий не связано с какими-либо внешними факторами и не имеет физических, географических или расовых ограничений при высокой скорости распространения. Такое продвижение помогает увеличить продажи, привлекая больше клиентов и увеличивая объем продаж компании.

Ключевые слова: управление продвижением, цифровизация, цифровые технологии, инструменты продвижения, эффективность деятельности.

Введение

Продвижение компании на рынке напрямую зависит от эффективности используемых инструментов управления в данной сфере. На сегодняшний день цифровые технологии стали одним из главных средств продвижения продукции и услуг, что связано с их многочисленными преимуществами, как для потребителей, так и для компаний [11]. Целью статьи является выявление особенностей и преимуществ управления продвижением товаров и услуг в условиях использования цифровых технологий.

Материалы и методы исследования

Статья основана на работах российских экономистов, исследовавших продвижение товаров и услуг, в том числе с использованием цифровых технологий в современ-

ных условиях. Среди них можно отметить: Е.В. Исаенко, Е.Е. Тарасова, Г.А. Теванян, Е.С. Ловкова, Р.Р. Насыров, К.К. Примжарова, А. Сарыев, П.В. Сергеев, С.М. Тхамокова, А.С. Варитлова и др.

Результаты и обсуждения

Большинство исследователей выделяет четыре вида маркетинговых коммуникаций для продвижения товаров и услуг [5, 6, 8]: личная продажа; реклама; методы стимулирования сбыта; связи с общественностью.

Реклама, личная (персональная) продажа, стимулирование сбыта и пропаганда совместно формируют комплекс маркетинговых стимулов или интегрированную коммуникационную стратегию. Правильный баланс и эффективное использование всех компонентов этого комплекса позволяют успешно продвигать продукт.

Персональная продажа осуществляется в форме диалога между продавцом и покупателем, что позволяет выстраивать доверительные отношения. Она предполагает индивидуальный подход к каждому клиенту, что позволяет учитывать его потребности, предпочтения и вопросы. Личное общение позволяет продавцу аргументированно убеждать покупателя, что существенно повышает вероятность совершения продажи. Инструменты стимулирования персональных продаж характеризуются разной эффективностью, в зависимости от типа рынка (потребительский или промышленный). Компании, производящие продукты массового потребления, по большей части вкладываются в рекламу, а затем и в организацию персональных продаж. Производители промышленной продукции в основном инвестируют в персональные продажи, а далее распределяют финансовые ресурсы на стимулирование продаж, рекламу и PR. Как правило, персональные продажи активнее используется для продажи дорогих товаров и продажи на рынках, где действует небольшое число крупных поставщиков, в том числе на рынке промышленной продукции [8, 12].

Реклама — это способ информирования, привлечения внимания и убеждения аудитории с целью продвижения товаров, услуг, идей или брендов. Она представляет собой средство коммуникации, которое используется компаниями, организациями или частными лицами для достижения определённых маркетинговых целей. Популярный специалист в области маркетинга и профессор Северо-Западного университета США, Ф. Котлер дает свое определение рекламы: он считает, что это обобщенные формы общения, которые осуществляются через оплачиваемые каналы распределения информации, при этом источник финансирования ясно указан [5].

В России понятие рекламы регулируется на законодательном уровне, в частности, Федеральным законом от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе», согласно которому реклама представляет собой информацию, распространенную любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованную неопределенному кругу лиц и направленную на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке [1].

Реклама бывает разной: коммерческая, социальная, политическая, а также может быть направлена на формирование лояльности или популярности определённого бренда, идеи или продукта. Объектом при этом может стать сам товар, способ его уникализации, производитель, продавец, результаты творческой работы или события (к примеру, спортивная гонка, концерт, фестиваль или рискованные игры и ставки), которые хотят привлечь внимание с помощью рекламы. В отдельных случаях основной целью рекламного сообщения может быть желание знакомить потребителей с продуктом или компанией, однако большинство рекламных акций стремятся уговорить потребителя на что-то или повлиять на его решение, то есть убедить его что-то сделать [7].

Выделяют следующие виды и средства рекламы (предложены Международной рекламной ассоциацией) (рис. 1).

Таким образом, разнообразие средств рекламы позволяет сделать оптимальный выбор.

Следующий вид коммуникаций — стимулирование сбыта. Оно повышает эффективность рекламы и личной продажи. Под методами стимулирования сбыта понимаются краткосрочные поощрительные меры, способствующие увеличению продаж. Стимулирование сбыта включает следующие виды деятельности (рис. 2).

Стимулирование сбыта представляет собой набор мер, направленных на увеличение реализации продуктов, не являющихся новинками на данном рынке. Главные цели этой такой системы включают стимулирование повторных продаж, расширение продаж на новые рыночные сегменты и укрепление постоянных деловых отношений между клиентом и продавцом.

Следующий вид коммуникаций — связи с общественностью (public relations). Термин «Public relations» (с английского — общественные связи) имеет американское происхождение. Современное понимание термина «паблик рилейшнз» подразумевает стратегический процесс управления коммуникацией между организацией и её целевой аудиторией (или общественностью) для формирования взаимопонимания, доверия и положительного имиджа. По сути, это искусство и наука создания сильных, долговременных отношений с обществом и заинтересованными сторонами. Сегодня PR активно исполь-

1. Реклама в прессе	•рекламные объявления, обзоры, статьи.
2. Печатная реклама	•рекламно-каталожные издания: каталоги, проспекты, буклеты, плакаты, листовки, афиши; •рекламно-подарочные издания: фирменные настенные и настольные календари, поздравительные карточки и т.д.
3. Аудиовизуальная реклама	•рекламные кинофильмы, видеофильмы, слайд фильмы, рекламные ролики.
4. Радиореклама	•радио объявления, радио ролики, радиожурналы, рекламные радиопередачи.
5. Телевизионная реклама	• телефильмы, телевизионные ролики, телезаставки, рекламные объявления, телерепортаж.
6. Выставки и ярмарки	• международные ярмарки и выставки, национальные ярмарки и выставки, постоянно действующие экспозиции.
7. Рекламные сувениры	• фирменные сувенирные изделия, серийные сувенирные изделия, подарочные изделия, фирменные упаковочные материалы.
8. Прямая почтовая реклама (директ мейл)	• специальные (адресные) рекламно-информационные письма, специальные (адресные) рекламные материалы.
9. Наружная реклама	• рекламные щиты, панно, рекламные транспаранты, световые вывески, электронные табло, экраны, фирменные вывески, указатели, оконные витрины, рекламно-информационное оформление фасадов магазинов, прочие виды оформительской рекламы.
10. Реклама на транспорте	•реклама, размещаемая на внешней стороне транспорта и внутри него
11. Интернет-реклама	• реклама, размещаемая в сети интернет

Рис. 1. Виды и средства рекламы

Источник: составлено автором по данным [5, 8, 13]

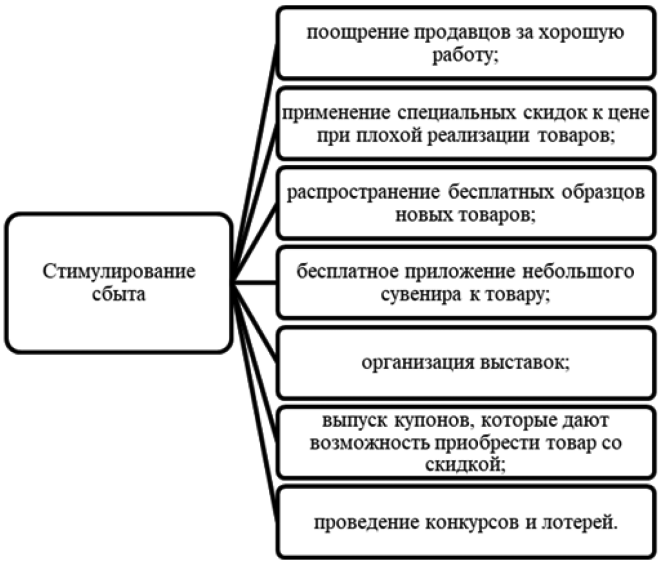


Рис. 2. Виды стимулирования сбыта

Источник: составлено автором по данным [3, 12]

зует цифровые платформы, такие как социальные сети, блоги, веб-сайты, а также традиционные медиа (газеты, телевидение и радио), чтобы достичь широкой аудитории [5, 8].

Организация продвижения с использованием цифровых технологий включает в себя создание и размещение рекламы, а также продвижение, как носителей информации, так и самой информации, товаров и услуг [4, 7].

Особенности и преимущества продвижения с использованием цифровых технологий представлены на рисунке 3.

Рассмотрим данные преимущества продвижения с использованием цифровых технологий более подробно:

— охват большой аудитории. Интернет-маркетинг дает доступ к огромной глобальной аудитории, например, как аудитория телевидения;
— высокая скорость в распространении маркетинговой информации. Контент в Интернете легко

Рис. 3. Особенности и преимущества продвижения с использованием цифровых технологий
Источник: составлено автором по данным [2–4, 6, 10]

становится вирусным, что может быстро и эффективно расширить охват бренда;

— возможность повышения эффективности контроля и текущего управления организационными процессами. Например, возможности Интернет-технологий, в том числе цифровых технологий, позволяют упростить и ускорить процедуры контроля и управления, прежде всего, в результате автоматизации, а также других преимуществ новейших технологий;

— повышение эффективности процесса получения обратной связи от потребителя благодаря возможности непосредственного взаимодействия с ним. Например, применяя Интернет-рекламу в блогах, по комментариям к конкретной публикации легко увидеть мнение потребителя без каких-либо дополнительных вложений. Эффективность интернет-маркетинга повышается в результате высокой скорости отклика. Кроме того, повышается доступность информации от потребителя для проведения исследований, опросов и построения прогнозов продаж;

— возможность снижения стоимости маркетинговых коммуникаций. Например, расходы на PR-продвижение Интернет-сайта, поисковую оптимизацию (SEO-продвижение) и контекстную рекламу в совокупности составят меньшую величину, чем реклама на телевидении.

Цифровые технологии предоставляют большое количество возможностей для общения и распространения информации о компании (или рекламных материалов). При этом имеется возможность публиковать данные в удобное время и легко настраивать параметры статей — от изменения времени публикации до корректировки текста уже опубликованного материала. Малый и средний бизнес часто прибегает к онлайн-продвижению, так как это способ привлечения клиентов с минимальными затратами. Продвижение достигается через определение семантического ядра — это список наиболее эффективных запросов, которые целевые и продающие. Так на сайт компании будут приходить только потенциальные клиенты и покупатели.

Выводы

Главные типы коммуникаций — личные продажи, реклама, продвижение продукции и взаимодействие с общественностью — могут быть использованы отдельно или в сочетании. Они совместно формируют комплекс маркетинговых стимулов или интегрированную коммуникационную стратегию. Правильный баланс и эффективное использование всех компонентов этого комплекса позволяют успешно продвигать продукт. Возникновение и необходимость применения цифровых технологий для продвижения продукции и услуг обосновывается сокращением эффективности классических маркетинговых коммуникаций, что обусловлено массой преимуществ цифровых технологий. К ним были отнесены: охват большой аудитории, высокая скорость в распространении маркетинговой информации, возможность повышения эффективности контроля и текущего управления организационными процессами, повышение эффективности процесса получения обратной связи от потребителя, возможность снижения стоимости маркетинговых коммуникаций. Продвижение с помощью цифровых технологий не связано с какими-либо внешними факторами и не имеет физических, географических или расовых ограничений при высокой скорости распространения. Такое продвижение помогает увеличить продажи, привлекая больше клиентов и увеличивая объем продаж компании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе».
2. Бирюков, А.Н. Инновационные технологии совершенствования таргетирования в комплексе маркетинговых коммуникаций // Прикладные экономические исследования. — 2023. — №3. — С. 110–116.
3. Исаенко, Е.В. Направления маркетингового продвижения организаций сферы услуг в сети Интернет / Е.В. Исаенко, Е.Е. Тарасова, Г.А. Теванян // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. — 2023. — № 1(98). — С. 120–134.
4. Исаенко, Е.В. Направления маркетингового продвижения организаций сферы услуг в сети Интернет / Е.В. Исаенко, Е.Е. Тарасова, Г.А. Теванян // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. — 2023. — № 1(98). — С. 120–134. — DOI 10.21295/2223-5639-2023-1-120-134.
5. Котлер, Ф. Основы маркетинга: краткий курс: / Ф. Котлер. — Москва: Вильямс, 2019. — 496 с. — ISBN 978-5-907114-39-5.
6. Ловкова, Е.С. Преимущества и недостатки маркетинговых инструментов продвижения продукции в интернет-среде / Е.С. Ловкова // Наука Красноярья. — 2024. — Т. 13, № 1-3. — С. 93–96.
7. Магомадова, М.М. Интернет-маркетинг как один из цифровых инструментов продвижения на рынке / М.М. Магомадова // Тенденции развития науки и образования. — 2024. — № 115-5. — С. 98–100. — DOI 10.18411/trnio-11-2024-217.
8. Мазилкина, Е.И. Условия успешного продвижения товара: практическое пособие/ Е.И. Мазилкина. — 2-е изд.. — М.: Дашков и К, 2021. — 172 с
9. Миндлин, Ю.Б. Партнерство малого и крупного агробизнеса как условие устойчивого развития отечественного АПК / Ю.Б. Миндлин // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. — 2020. — № 4. — С. 49–52. — EDN HQJCFY.
10. Насыров, Р.Р. Интернет-маркетинг как инструмент для продвижения продукции / Р.Р. Насыров, К.К. Примжарова // Вестник науки. — 2024. — Т. 4, № 5(74). — С. 308–314.
11. Сарыев, А. Роль интернет-технологий в продвижении товаров и услуг в эпоху цифровой коммерции / А. Сарыев // Матрица научного познания. — 2024. — № 4-2. — С. 342–346.
12. Сергеев, П.В. Анализ методов оценки эффективности продвижения в интернете: научный подход / П.В. Сергеев // Интернаука. — 2025. — № 2–3(366). — С. 42–43.
13. Тхамокова, С.М. Интернет-маркетинг в коммуникациях эффективного продвижения / С.М. Тхамокова, А.С. Варитлова // Индустриальная экономика. — 2024. — № 6. — С. 146–151. — DOI 10.47576/2949-1886.2024.6.6.021.

© Ноздрина Юлия Ивановна (nojuiv@yandex.ru); Щербакова Наталья Сергеевна (shcherbakova-n@yandex.ru);
Щенникова Валерия Николаевна (vs129@rambler.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.18

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

Свирина Людмила Николаевна
Кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник,
Институт экономики Российской Академии Наук
ludasvirina@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется ряд вопросов, связанных с влиянием на процесс трансформации и развития института государственного контроля риск-ориентированного подхода, который представляет собой действенный инструмент повышения эффективности его осуществления. Отдельно в статье представлены результаты анализа основных концептуальных аспектов, раскрывающих сущность риск-ориентированного подхода. Также выделены предпосылки перехода от исчерпавшей себя модели сплошных проверок огромного перечня субъектов контроля к модели концентрации контрольно-надзорных мероприятий на той части из них, которые относятся к организациям с высокой степенью риска отклонения от предъявляемых к ним требованиям. Анализируются нормативно-правовые документы, регламентирующие новые положения поэтапного внедрения этого подхода, возникающие проблемы по ходу внедрения и пути к их разрешению.

Ключевые слова: государственное управление, институт государственного контроля, контрольно-надзорная деятельность, риск-ориентированный подход.

MODERN ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF A RISK-ORIENTED APPROACH IN THE IMPLEMENTATION OF CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES IN THE PROCESS OF TRANSFORMATION OF THE STATE CONTROL INSTITUTION

L. Svirina

Summary. The article is devoted to highlighting key issues related to the risk-oriented approach as a tool for improving the efficiency of its functioning on the process of transformation and development of the state control institution in modern socio-economic conditions. The article analyzes the theoretical foundations of the risk-oriented approach, the prerequisites for the transition from the exhausted model of continuous inspections of a huge list of control entities to the model of concentrating control and supervisory activities on that part of them that relate to organizations with a high risk of deviation from the requirements imposed on them. The article analyzes the regulatory documents governing the new provisions for the phased implementation of this approach, the problems that arise during the implementation and the ways to resolve them.

Keywords: public administration, state control institution, control and supervisory activities, risk-oriented approach.

Введение

Совершенствование функционирования института государственного контроля на современном этапе является одной из приоритетных задач органов власти в сфере государственного управления, направленное на повышение эффективности контрольной деятельности и снижение административной нагрузки на добросовестные подконтрольные субъекты. В предшествующие годы модель контрольно-надзорной деятельности была ориентирована на сплошные проверки, проводимые с определенными затратами трудовых и финансовых ресурсов [1].

С целью повышения эффективности функционирования института государственного контроля в последние годы в России активно внедряется риск-ориентированный подход (РОП), направленный, прежде всего, на оптимизацию государственного контроля с целью перераспределения контрольных ресурсов в зависимости от уровня риска нарушений. Такой механизм также способствует снижению избыточного вмешательства в деятельность субъектов и повышению прозрачности контрольно-надзорной деятельности. В данной статье рассмотрены теоретические основы РОП, его нормативно-правовое регулирование, процесс внедрения и перспективы дальнейшего развития.

Теоретические основы сущности риск-ориентированного подхода в качестве приоритетного направления осуществления государственного контроля

Впервые понятие РОП в законодательной интерпретации появилось в Законе РФ от 26.12.2008 №294-ФЗ [2]. Согласно данному закону РОП является целостной системой мер, цель реализации которых заключается в выявлении, проведении оценки и минимизации рисков в процессе функционирования подконтрольных субъектов. Отличительная черта РОП заключается в том, что контрольные мероприятия сфокусированы на тех областях деятельности и объектах, которые в большей степени являются уязвимыми и подверженными высокому риску нарушений и злоупотреблений. Это, в свою очередь, предопределяет уменьшение числа государственных проверок и снижение нагрузки по отношению к добросовестным организациям, которые не несут никакой угрозы [3].

Несмотря на то, что практика управления рисками в сфере государственного контроля со временем улучшилась, волатильность, сложность и неоднозначность современной операционной среды возросли, как и требования к большей прозрачности и подотчетности в управлении рисками. Это в свою очередь предопределяет необходимость дальнейшего развития и уточнения теоретических основ РОП. И в данном случае речь идет не о добавлении новых концепций, а об обеспечении того, чтобы эффективное управление рисками было интегрировано в методы руководства, управления, менеджмента и работы. Являясь неотъемлемой частью систем управления и проходя через обычный поток информации, система управления рисками должна обеспечивать деятельность по выявлению и управлению неопределенностями, а также систематическое прогнозирование и подготовку успешных ответных мер.

Теоретическая основа РОП базируется на нескольких ключевых концепциях:

1. *Теория управления рисками*, в соответствии с которой все объекты контроля классифицируются по категориям риска, а меры воздействия дифференцируются в зависимости от вероятности и последствий негативных событий, и на этой основе в выборочном порядке определяются интенсивности (формы, продолжительности, периодичности) проведения мероприятий по контролю. В Законе РФ от 28.12.2024 № 540-ФЗ [4] определен четкий порядок установления периодичности проведения проверок, в зависимости от уровня риска объекта контроля [5, с. 151].
2. *Принцип пропорциональности* — контрольные мероприятия должны быть соразмерны потенциальной опасности, которая может быть спровоцирована деятельностью подконтрольного субъекта. Данный принцип нашел свое отражение в статье 9 Закона РФ от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ [6].
3. Система управления рисками поддерживает *последовательное и надежное выявление и управление возможностями и рисками* на желаемом уровне в рамках всей организации, поддерживая открытость, инновации и превосходство в достижении целей. Система контроля рисков может рассматриваться как подмножество системы управления рисками. Для того чтобы система управления рисками считалась эффективной, должны выполняться следующие требования:

— управление рисками должно быть неотъемлемой частью руководства и лидерства, а также основополагающим принципом руководства организацией на всех уровнях;
— управление рисками должно быть неотъемлемой частью всей организационной деятельности для поддержки принятия решений по достижению целей;
— управление рисками должно быть совместным и основываться на наилучшей доступной информации и опыте;
— процессы управления рисками должны быть структурированы.

Основными инструментами риск-ориентированного подхода являются:

— классификация объектов контроля по категориям риска (значительный, высокий, средний, низкий). Чем выше риск, тем чаще проводятся контрольные мероприятия;
— мониторинг и анализ данных, позволяющий корректировать уровень риска в зависимости от поведения подконтрольного субъекта;
— проактивные меры — использование превентивных механизмов для снижения вероятности нарушений, таких как рекомендации, консультирование и профилактические мероприятия;
— автоматизация процессов контроля, включая цифровизацию контрольно-надзорной деятельности и использование информационных систем для оценки рисков.

В мировой практике, также как и в России, РОП активно применяется в таких сферах, как финансовый контроль, санитарный и эпидемиологический надзор, промышленная безопасность и экологический контроль. В России его внедрение направлено на снижение административных барьеров, повышение прозрачности контрольно-надзорной деятельности и снижение издержек бизнеса.

Поэтапное закрепление внедрения РОП в нормативно-правовых актах

Риск-ориентированный подход получил нормативное закрепление в ряде законодательных актов и подзаконных документов, определяющих его правовой статус и механизмы реализации. Из числа основных документов можно выделить следующие нормативно-правовые акты: Закон РФ от 26.12.2008 № 294-ФЗ, Закон РФ от 13.07.2015 №246-ФЗ [8], Закон РФ 31.07.2020 № 248-ФЗ [6]. В рамках приоритетных проектов реформирование государственного контроля охватывало практически все подконтрольные сферы и такие важные направления как внедрение РОП при осуществлении контрольно-надзорной деятельности, повышение квалификации и подготовки кадров, внедрение и усовершенствование системы управления рисками с использованием передовых технологий и инноваций, внедрение системы оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности.

За реформу контрольно-надзорной деятельности, согласно поручению Президента РФ, отвечает Правительство РФ. Значимым документом является Постановление Правительства РФ №806 от 29.06.2017., устанавливающее методику категорирования рисков, регулирующего нюансы установления классов риска для ИП и ЮЛ, детализирующее порядок и формы применения РОП в отдельных сферах контроля, для которых актуален РОП [9]. С принятием Распоряжения от 21.12.2023 № 3745-р была утверждена Концепцию совершенствования контрольно (надзорной) деятельности до 2026 года [10].

Внедрение на практике РОП в ходе осуществления контрольно-надзорной деятельности осуществляется в соответствии с приоритетным проектом «Внедрение риск-ориентированного подхода при осуществлении контрольно-надзорной деятельности» [12]. Целью данного проекта является реформирование системы государственного контроля с целью повышения его эффективности и снижения административной нагрузки на предпринимателей.

Основные этапы реализации проекта:

1. 2016–2018 годы — разработка и нормативное закрепление РОП: внесены изменения в законодательство, в том числе в Федеральный закон № 294-ФЗ, регулирующий проведение проверок. Также на протяжении отмеченного периода были разработаны критерии категорирования объектов контроля и регламентированы ключевые принципы РОП. Отдельно удалось реализовать ряд пилотных проектов в некоторых сферах государственного контроля.
2. 2019–2021 годы — разработка и практическая апробация механизмов управления рисками. В эти годы вступил в силу Закон РФ № 248-ФЗ, систематизирующий контрольную деятельность и внедряющий профилактические меры; внедрена практика дистанционного контроля и анализа данных с использованием цифровых технологий; расширено применение рейтинговых систем для оценки рисков подконтрольных субъектов.
3. 2022–2025 годы — завершение реформы и интеграция новых методов контроля: полный переход к риск-ориентированному регулированию во всех надзорных органах; масштабирование цифровых платформ для автоматизированного управления рисками; усиление роли профилактических мер, снижение числа проверок за счет внедрения самоконтроля субъектов.

На текущий момент достигнуты значительные успехи в реализации проекта. Внедрение РОП позволило сократить количество плановых проверок, что снизило нагрузку на предпринимателей. Вместе с тем остаются проблемы, которые требуют решения и активных действий со стороны уполномоченных органов.

Сложности в модернизации института государственного контроля при внедрении риск-ориентированного подхода и перспективы его развития

Отдавая должное и высоко оценивая достигнутые успехи в реформировании контрольно-надзорной деятельности, процесс внедрения риск-ориентированного подхода, на наш взгляд, сталкивается с рядом проблем:

1. Недостаточная унификация методик оценки рисков. В разных ведомствах применяются различные критерии категорирования рисков, что затрудняет эффективное взаимодействие между надзорными органами.
2. Низкий уровень цифровизации процессов. В некоторых сферах контроль по-прежнему осуществляется в традиционном формате, что снижает оперативность и эффективность надзорных мероприятий.
3. Переход к риск-ориентированному регулированию требует новых компетенций у специалистов, в том числе навыков анализа данных и работы с цифровыми инструментами.
4. Недоверие. Несмотря на снижение количества проверок, предприниматели опасаются субъективности при определении категорий риска и возможных злоупотреблений со стороны контролирующих органов.
5. Сложность взаимодействия между различными государственными ведомствами и структурами. Внедрение эффективного и комплексного РОП предполагает необходимость четкой координации и организации деятельности всех заинтере-

сованных сторон на государственном уровне. Однако достижение этой цели затруднено имеющимися пробелами и несовершенствами в правовом поле.

Для устранения указанных проблем и дальнейшего совершенствования государственного контроля необходимы следующие меры:

1. Разработка единой методологии оценки рисков. Унификация подходов к категорированию рисков обеспечит согласованность работы разных надзорных органов.
2. Расширение цифровых инструментов. Автоматизация процессов, внедрение искусственного интеллекта и больших данных позволят оперативно выявлять и предотвращать нарушения.
3. Повышение квалификации государственных инспекторов. Необходимы образовательные программы и тренинги, направленные на освоение новых методов работы.
4. Развитие механизмов самоконтроля и консультирования снизит число нарушений без необходимости проведения проверок.
5. Внесение изменений в законодательство поможет устранить пробелы в регулировании РОП и повысить его прозрачность.

Риск-ориентированный подход — это перманентно актуальная и динамичная тема. Регулирование и государственный контроль, основанный на рискованности и уязвимости поднадзорных субъектов, должны оставаться гибкими и учитывать новые идеи, методы, социально-экономические процессы и технологические разработки. По мере появления новых зон риска правительству, контрольным и регулирующим органам необходимо быстро устранять любые уязвимости, используя расширяющиеся цифровые возможности, аналитику и эффективное межведомственное взаимодействие.

Заключение

Поскольку риски постоянно меняются, правильный подход, основанный на их оценке, играет решающую роль в обеспечении своевременного, оперативного и адекватного реагирования регулирующих органов России и реализуемого ими контроля на выявленные и возникающие риски. Этот подход позволяет перераспределить контрольные ресурсы, сократить административные барьеры для бизнеса и повысить эффективность государственного надзора. Несмотря на определенные проблемы, такие как неоднородность применения РОП, недостаточная цифровизация и необходимость доработки нормативной базы, перспективы его развития связаны с дальнейшей автоматизацией процессов, унификацией методик оценки рисков и усилением профилактических мер. В конечном итоге успешная реализация риск-ориентированного подхода приведет к созданию более гибкой и эффективной системы государственного контроля, соответствующей современным требованиям экономики и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Риск-ориентированный подход: приоритет реформы госконтроля [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/article/1406579/?ysclid=m8hl76gwlm122012997
2. Федеральный закон от 26.12.2008 №294-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/28698
3. Риск-ориентированный подход при организации государственного контроля [Электронный ресурс]. URL: https://assistentus.ru/vedenie-biznesa/risk-orientirovannyj-podhod-pri-organizacii-goskontrolya/
4. Федеральный закон от 28.12.2024 № 540-ФЗ о внесении изменений в Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51551
5. Свирина Л.Н. Трансформация института государственного контроля в новых социально-экономических условиях: теоретический аспект, современное состояние и проблемы, тенденции к их разрешению // Менеджмент и Бизнес-Администрирование. 2025. № 1. DOI: 10.33983/2075-1826-2025-1-144-152
6. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45790
7. Закутнев С.Е., Закипнев С.А. Риск-менеджмент в секторе государственного управления: содержание и перспективы развития [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/risk-menedzhment-v-sektore-gosudarstvennogo-upravleniya-soderzhanie-i-perspektivy-razvitiya
8. Статья 8.1 Применение риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/58672404e5897f38d20be06de33c4570c75d2897/
9. Постановление Правительства РФ №806 от 29.06.2017 «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [Электронный
10. Утверждена Концепция совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/83121.html
11. Правительство Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://asmobel.ru/media/site_platform_media/2023/11/14/proekt-kontseptsii-do-2026.pdf
12. Паспорт приоритетного проекта «Внедрение риск-ориентированного подхода при осуществлении контрольно-надзорной деятельности» [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/law/pasport-prioritetnogo-proekta-vnedrenie-risk-orientirovannogo-podkhoda-pri/

© Свирина Людмила Николаевна (ludasvirina@mail.ru)

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.20

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ВУЗОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО И ЗАПАДНОГО КИТАЯ: ПЕРСПЕКТИВА РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

ASSESSMENT OF THE ECONOMIC EFFICIENCY OF INVESTMENTS IN HUMAN CAPITAL OF UNIVERSITIES IN CENTRAL AND WESTERN CHINA: THE PROSPECT OF REGIONAL ECONOMIC GROWTH

Ta Na
Liu Jianpeng

Summary. This article examines the economic efficiency of investments in human capital of universities in Central and Western China in terms of their impact on regional economic growth. Based on panel data for 2010-2022, a quantitative analysis is carried out, including the production function taking into account human capital, the results show that increased investment in higher education leads to an increase in regional GDP. At the same time, significant regional differences were revealed: the elasticity of output in terms of human capital is higher for the central region compared to the western one. The main limiting factors in the western regions are the outflow of qualified personnel and the weak integration of universities with the local economy. Based on the results obtained, recommendations are proposed for optimizing educational policy, including differentiated financing, the development of innovation clusters, and measures to retain graduates in the region.

Keywords: human capital, higher education, economic growth, regional development, China, investment efficiency.

Та На
Соискатель, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
995015488@qq.com
Лю Цзяньпэн
Соискатель, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
yibaoxiaoyugan@qq.com

Аннотация. В данной статье исследуется экономическая эффективность инвестиций в человеческий капитал вузов Центрального и Западного Китая с точки зрения их влияния на региональный экономический рост. На основе панельных данных за 2010–2022 годы проводится количественный анализ, включающий производственную функцию с учётом человеческого капитала, Результаты показывают, что увеличение инвестиций в высшее образование приводит к росту регионального ВВП. При этом выявлены значительные региональные различия: эластичность выпуска по человеческому капиталу выше для центрального региона по сравнению с западным. Основными ограничивающими факторами в западных регионах являются отток квалифицированных кадров и слабая интеграция вузов с местной экономикой. На основании полученных результатов предлагаются рекомендации по оптимизации образовательной политики, включая дифференцированное финансирование, развитие инновационных кластеров и меры по удержанию выпускников в регионе.

Ключевые слова: человеческий капитал, высшее образование, экономический рост, региональное развитие, Китай, эффективность инвестиций.

Введение

В условиях глобализации и усиления конкуренции за высококвалифицированные кадры инвестиции в человеческий капитал становятся ключевым фактором устойчивого экономического роста. Особую актуальность эта проблема приобретает в контексте регионального развития Китая, где наблюдаются значительные диспропорции между восточными и западными регионами [1]. Центральный и Западный Китай, несмотря на активную государственную поддержку, продолжают отставать по уровню экономического развития, что во многом связано с дефицитом квалифицированных специалистов и недостаточным финансированием образования [2].

Современные исследования [3–5] показывают, что человеческий капитал является одним из основных драйверов экономического роста, однако большинство работ фокусируются на национальном уровне или развитых восточных регионах Китая, тогда как специфика Центрального и Западного Китая остаётся недостаточно изученной.

Цель исследования заключается в оценке влияния инвестиций в высшее образование на экономический рост Центрального и Западного Китая, а также в выявлении ключевых факторов, определяющих отдачу от этих вложений. Полученные результаты могут быть полезны для разработки образовательной и экономической политики, направленной на сокращение регионального неравенства и стимулирование долгосрочного роста.

Теоретические основы: человеческий капитал и экономический рост

Концепция человеческого капитала, разработанная в работах Шульца [6] и Беккера [7], рассматривает знания, навыки и здоровье индивидов как форму капитала, способную генерировать доход и стимулировать экономическое развитие. В отличие от физического капитала, человеческий капитал обладает кумулятивным эффектом, поскольку его накопление приводит к росту производительности труда и инновационной активности [8]. В контексте региональной экономики инвестиции в образование, профессиональную подготовку и здравоохранение способствуют сокращению неравенства и ускорению темпов роста, особенно в менее развитых регионах [9].

Связь между человеческим капиталом и экономическим ростом подтверждается многочисленными эмпирическими исследованиями. Например, Ханушек и Вёссманн [10] продемонстрировали, что качество образования оказывает более значимое влияние на долгосрочный рост, чем просто количество лет обучения. В китайском контексте исследования Чжана и Чжуана [11] показали, что регионы с более высоким уровнем инвестиций в высшее образование демонстрируют более высокие темпы ВВП на душу населения. Однако в случае Центрального и Западного Китая этот эффект может быть ослаблен из-за миграции квалифицированных кадров в более развитые восточные провинции.

Особую роль в формировании человеческого капитала играют вузы, которые не только обеспечивают подготовку специалистов, но и способствуют созданию инновационной инфраструктуры через исследования и разработки. Вузы выступают катализаторами регионального развития, привлекая инвестиции, стимулируя предпринимательство и формируя центры знаний [12].

Таким образом, теоретическая база исследования опирается на идеи о ключевой роли человеческого капитала в экономическом росте, с учётом специфики регионального развития и институциональных факторов.

Анализ текущего состояния инвестиций в человеческий капитал вузов центральных и западных регионов

В последние десятилетия китайское правительство активно инвестирует в развитие высшего образования, однако распределение ресурсов между регионами остаётся неравномерным. Центральный и Западный Китай, несмотря на государственные программы поддержки, продолжают отставать от восточных провинций по объёму финансирования вузов, качеству преподавательского состава и научно-исследовательскому потенциалу [13].

Согласно данным Министерства образования КНР, в 2022 году расходы на высшее образование в восточных провинциях (таких как Гуандун, Цзянсу и Чжэцзян) составили в среднем 15000 юаней на студента, тогда как в западных (Сычуань, Шэньси, Ганьсу) лишь 9800 юаней, а в центральных (Хэнань, Хубэй, Хунань) около 11200 юаней [14]. Это неравенство отражается и на других показателях, таких как количество научных публикаций, патентов и уровень трудоустройства выпускников [15].

Одной из ключевых проблем остаётся отток талантов, так как выпускники ведущих университетов Западного и Центрального Китая (например, Уханьского университета или Сычуаньского университета) чаще мигрируют в Пекин, Шанхай или Гуанчжоу, где выше зарплаты и больше возможностей для карьеры. Это снижает отдачу от инвестиций в образование для региональной экономики. Результаты анализа формирования человеческого капитала в системе высшего образования в центрально-западных и восточных регионах приведено в таблице 1.

Таблица 1.

Результаты анализа формирования человеческого капитала в системе высшего образования в центрально-западных и восточных регионах (2020 г.)

Показатель	Центрально-западные регионы	Восточные регионы
Общий выпуск (млн чел.)	3,72	4,98
Доля выпускников СПО (%)	45,7	32,1
Доля выпускников магистратуры/аспирантуры (%)	16,1	28,6
Выпуск магистратуры/аспирантуры на 10000 чел.	8,3	21,4

Таким образом, несмотря на сохраняющийся разрыв между регионами, инвестиции в человеческий капитал вузов Центрального и Западного Китая постепенно увеличиваются, однако их эффективность требует дальнейшего анализа с учётом факторов миграции, структуры занятости и инновационной активности.

Методы оценки экономической эффективности

Для оценки экономической эффективности инвестиций в человеческий капитал вузов Центрального и Западного Китая применяется комплекс количественных методов, позволяющих измерить влияние образовательных инвестиций на региональный экономический рост. Основу методологии составляет панельная регрессия с фиксированными эффектами, а также анализ отдачи от образования.

Для учёта региональной неоднородности и динамики применяются модели панельных данных [16]. Оценивается уравнение:

$$\ln(Y_{it}) = \beta_0 + \beta_1 \ln(H_{it}) + \beta_1 \ln(K_{it}) + \\ + \beta_3 \ln(L_{it}) + \delta X_{it} + \alpha_i + \lambda_t + \epsilon_{it} \quad (1)$$

где Y — региональный ВВП, K — физический капитал, L — трудоустройство, H — человеческий капитал (измеряемый через долю выпускников вузов в общей численности занятых или через средний уровень образования), α_i — фиксированные эффекты регионов, λ_t — временные эффекты, X_{it} — контрольные переменные (уровень урбанизации, государственные расходы на НИОКР). Для устранения эндогенности используется метод инструментальных переменных, где в качестве инструментов выступают лагированные значения человеческого капитала и государственные образовательные субсидии.

Индивидуальная отдача оценивается через модифицированное уравнение Минсера [17]:

$$\ln(\omega_i) = \beta_0 + \beta_1 S_i + \beta_2 E_i + \beta_3 E_i^2 + \gamma Z_i + \epsilon_i \quad (2)$$

где ω_i — заработная плата, S_i — годы обучения, E_i — опыт работы, Z_i — контрольные переменные (отрасль, пол). Данные берутся из национальных обследований рабочей силы [14].

Эмпирические результаты

Проведённый эконометрический анализ позволил получить значимые результаты, демонстрирующие влияние инвестиций в человеческий капитал вузов на экономический рост центральных и западных регионов Китая.

Результаты панельной регрессии с фиксированными эффектами за период 2010–2022 гг. показывают, что увеличение расходов на высшее образование на 1 % приводит к росту регионального ВВП на 0,23 % в центральных провинциях и на 0,18 % в западных ($p < 0{,}01$). При этом эластичность выпуска по человеческому капиталу (γ) составила 0,31 для центрального региона и 0,25 для западного, что свидетельствует о более высокой отдаче инвестиций в центральных провинциях. Эти результаты согласуются с выводами [9] и подтверждают ключевую роль человеческого капитала в региональном развитии. Результаты анализа влияния инвестиций в человеческий капитал на экономический рост регионов приведены в таблице 2.

Анализ уравнения Минсера на данных 85000 выпускников показал, что дополнительный год обучения в вузах центрального Китая увеличивает индивидуальные доходы больше, чем в западных регионах. При этом отдача от образования в столичных вузах (Пекин, Шанхай) остаётся существенно выше, что объясняет сохраняющийся отток квалифицированных кадров. Результаты регрессии экономического эффекта инвестиций в человеческий капитал вузов центрально-западных регионов приведены в таблице 3.

Таблица 2.

Результаты анализа влияния инвестиций в человеческий капитал на экономический рост регионов (2010–2022 гг.)

Показатель	Центральный Китай	Западный Китай	Восточный Китай (контрольная группа)
Эластичность ВВП по НС	0,31*** (0,04)	0,25*** (0,03)	0,38*** (0,05)
Предельная отдача	8,2 %	6,5 %	10,1 %
Лаг максимального эффекта	5 лет	7 лет	4 года
Доля объяснённой дисперсии (R^2)	0,67	0,59	0,72

Примечание: *** p <0,01, стандартные ошибки в скобках

Таблица 3.

Результаты регрессии экономического эффекта инвестиций в человеческий капитал вузов центрально-западных регионов

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	p -значение
Инвестици в образование	0,086 ***	0,021	0,000
Выпускники СПО	0,923 ***	0,185	0,000
Выпускники бакалавриата	0,572 **	0,234	0,015
Выпускники магистратуры / аспирантуры	0,314	0,297	0,292
Технологический трансфер	0,426 ***	0,098	0,000
Контроль за миграцией	–0,381 *	0,201	0,058

Примечание: *** p <0,01, ** p <0,05, * p <0,1

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что инвестиции в человеческий капитал вузов действительно способствуют экономическому росту центральных и западных регионов Китая, однако их эффективность остаётся ниже, чем в восточных провинциях, что требует корректировки образовательной и экономической политики.

Рекомендации по политике

На основании проведённого анализа экономической эффективности инвестиций в человеческий капитал вузов Центрального и Западного Китая можно сформулировать рекомендации для политиков и администраций образовательных учреждений, связанные с увеличением целевого финансирования вузов в западных и центральных регионах. Учитывая более низкую отдачу от инвестиций в западных провинциях по сравнению

с центральными и восточными, следует разработать дифференцированные механизмы финансирования, компенсирующие структурные ограничения.

Развитие технологических парков и инновационных кластеров на базе университетов (по примеру Чэнду и Сианя) поможет сократить разрыв между образованием и производством. Также необходимо внедрение программ кооперации с предприятиями, включая стажировки, совместные проекты и трудоустройство выпускников в регионе.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило значимое влияние инвестиций в человеческий капитал вузов на экономический рост Центрального и Западного Китая, однако выявило существенные региональные различия в эффективности этих вложений. Несмотря на положительную динамику, западные регионы продолжают отставать из-за структурных ограничений: меньшего объёма финансирования, оттока кадров и слабой интеграции образования с производством.

Ключевым выводом работы является необходимость адаптации образовательной политики к региональным особенностям. Универсальные меры поддержки высшей школы недостаточны для сокращения диспропорций требуются точечные инвестиции в инфраструктуру, науку и кооперацию с бизнесом. Реализация предложенных рекомендаций позволит усилить вклад вузов в развитие локальной экономики и сократить разрыв между восточными и западными провинциями Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chen X. Funding disparities in Chinese higher education / X. Chen // Journal of Higher Education Policy. — 2021. — Vol. 44, № 3. — P. 301–318.
2. Huang L. Innovation hubs in Western China / L. Huang // China Economic Review. — 2023. — Vol. 78. — P. 101–115.
3. Li Y. Regional inequality in higher education / Y. Li, R. Chen // Education Economics. — 2021. — Vol. 29, № 4. — P. 456–470.
4. Zhang M. Graduate migration patterns in China / M. Zhang, K. Li // Applied Geography. — 2022. — Vol. 138. — P. 102–115.
5. Li X. Brain drain and regional inequality in China / X. Li // China Economic Review. — 2017. — Vol. 44. — P. 112–125.
6. Schultz T.W. Investment in human capital / T.W. Schultz // American Economic Review. — 1961. — Vol. 51, № 1. — P. 1–17.
7. Becker G.S. Human capital: a theoretical and empirical analysis / G.S. Becker. — Chicago: University of Chicago Press, 1964. — 187 p.
8. Romer P.M. Endogenous technological change / P.M. Romer // Journal of Political Economy. — 1990. — Vol. 98, № 5. — P. S71–S102.
9. Barro R.J. Human capital and growth / R.J. Barro // American Economic Review. — 2001. — Vol. 91, № 2. — P. 12–17.
10. Hanushek E.A. The economic benefit of educational reform in the EU / E.A. Hanushek, L. Woessmann // European Journal of Education. — 2012. — Vol. 47, № 2. — P. 218–234.
11. Zhang J. Human capital and regional growth in China / J. Zhang, L. Zhuang // China & World Economy. — 2011. — Vol. 19, № 2. — P. 22–40.
12. Chen Y. Higher education and regional development in China: the case of Western provinces / Y. Chen, S. Feng // Journal of Development Studies. — 2019. — Vol. 55, № 3. — P. 456–472.
13. Wang T. Human capital and regional growth in China / T. Wang, H. Liu // Asian Economic Papers. — 2020. — Vol. 19, № 2. — P. 89–104.
14. Statistical Yearbook of Chinese Education 2023 / Ministry of Education of China. — Beijing, 2023. — 342 p.
15. Wu J. Brain drain in Central China / J. Wu // Journal of Regional Science. — 2022. — Vol. 62, № 1. — P. 134–150.
16. Hausman J.A. Panel data and unobservable individual effects / J.A. Hausman, W.E. Taylor // Econometrica. — 1981. — Vol. 49, № 6. — P. 1377–1398.
17. Mincer J. Schooling, Experience, and Earnings / J. Mincer. — New York: NBER, 1974. — 152 p.

© Та На (995015488@qq.com); Лю Цзяньпэн (yibaoxiaoyugan@qq.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.21

БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИЙ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

TERRITORIAL BRANDING AS A FACTOR IN DEVELOPING THE TOURIST POTENTIAL OF A REGION

D. Tkacheva

Summary. The article examines territorial branding as an effective tool for increasing the tourist attractiveness of regions. The author focuses on the importance of forming a positive image and a unique territorial brand to attract tourists, investments and develop the local economy. It is emphasized that the perception of the territory — both inside and outside the region — plays a decisive role in tourist positioning. The study shows that a territorial brand is not only a marketing tool, but also a resource capable of increasing investment attractiveness, strengthening the subjectivity of the region and forming its sustainable competitive advantage. In conclusion, the role of territorial branding in revealing the tourist potential is substantiated, which is understood as a set of resources, conditions and opportunities that, with a strategic approach, can turn into a full-fledged tourist product.

Keywords: tourist attractiveness, territorial branding, image, region, competitiveness.

Ткачева Дарья Сергеевна
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
dartkach@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается брендинг территорий как эффективный инструмент повышения туристической привлекательности регионов. Автор акцентирует внимание на значении формирования положительного имиджа и уникального бренда территории для привлечения туристов, инвестиций и развития местной экономики. Подчёркивается, что восприятие территории — как внутри региона, так и извне — играет решающую роль в туристическом позиционировании. Исследование показывает, что бренд территории — это не только инструмент маркетинга, но и ресурс, способный повышать инвестиционную привлекательность, усиливать субъектность региона и формировать его устойчивое конкурентное преимущество. В заключение обосновывается роль территориального брендинга в раскрытии туристического потенциала, который понимается как совокупность ресурсов, условий и возможностей, способных при стратегическом подходе превратиться в полноценный туристский продукт.

Ключевые слова: туристическая привлекательность, брендинг территорий, имидж, регион, конкурентоспособность.

Сегодня развитие регионов всё чаще строится на эффективном использовании их внутренних ресурсов, и туризм играет в этом процессе важную роль. Он не только приносит доход и создаёт рабочие места, но также способствует оживлению культурной жизни, развитию инфраструктуры и улучшению качества жизни коренного населения. Туристический потенциал региона — это не просто наличие красивых пейзажей или известных достопримечательностей. Это целый комплекс факторов: природные и историко-культурные ресурсы, уровень сервиса, развитость инфраструктуры, разнообразие туристических продуктов, а также комфортные социально-экономические условия. Всё это в совокупности определяет, насколько интересным и удобным будет регион для путешественников.

В России существует огромный запас таких ресурсов — от уникальной природы до богатого историко-культурного наследия. Тем не менее, этот потенциал далеко не всегда используется в полной мере. Наличие природных красот, культурного наследия или интересной истории само по себе ещё не гарантирует туристического успеха — важно уметь правильно представить и «упаковать» все эти преимущества. Во многих регионах пока не налажена системная работа по продвижению туристических возможностей, не хватает чёткого позиционирования и привлекательного образа, который можно было бы показать широкой аудитории. Только в последние годы, на фоне роста внутреннего туризма, россияне стали чаще открывать для себя малоизвестные маршруты, узнавать историю своих регионов и путешествовать по стране. Это создаёт благоприятные условия для нового этапа развития, где важную роль начинает играть формирование образа и бренда территории [1].

Именно здесь на первый план выходит брендинг территорий — инструмент, который помогает сформировать яркий, узнаваемый образ региона. Такой образ делает регион привлекательным для туристов, помогает вызвать интерес, установить эмоциональную связь и желание приехать. Бренд становится своего рода «лицом» территории, через которое она общается с внешним миром. В данной статье рассматривается, как создание и развитие бренда может повлиять на раскрытие туристического потенциала региона и стать стимулом для его устойчивого роста.

Понимание и развитие туристического потенциала невозможно без чёткого представления о том, как территория воспринимается как внутри региона, так и за

его пределами. В этом контексте брендинг территорий выступает не только как маркетинговый инструмент, но и как способ формировать устойчивое, эмоционально окрашенное представление о регионе — его имидж. Именно имидж становится основой для формирования бренда, задаёт тон коммуникации с аудиторией и влияет на выбор туриста ещё до его поездки.

Однако, прежде чем говорить о создании бренда, необходимо глубже разобраться в самой сущности понятия «имидж территории». Без чёткого понимания, что именно включает в себя этот термин, какие факторы на него влияют и как он воспринимается различными аудиториями, невозможно выстроить эффективную стратегию продвижения региона.

Анализ имиджа территории является междисциплинарным направлением, охватывающим политическую психологию, культурологию, маркетинг, социологию, географию, СМИ и другие области знания. Рассмотрим ключевые исследовательские подходы, выделяемые в научной литературе.

Одним из важнейших направлений является политико-психологический подход, разработанный в работах Е.Б. Шестопал, Н.С. Виноградовой, Л.А. Габдрахмановой и др. В рамках данного подхода образ территории трактуется как результат взаимодействия объективных характеристик политической власти и субъективных ожиданий граждан. Имидж формируется на основе знаний, представлений, оценок, эмоций и требований массового сознания к власти и социальным институтам. Ключевые методы исследования включают фокус-группы, интервью, экспертные оценки, проективные методики и контент-анализ. Особое значение в этом контексте приобретает метод семантической дифференциации, позволяющий выявить интуитивные ассоциации и эмоциональные маркеры образа территории. Также применяется анализ факторов привлекательности региона, при котором значения ранжируются и взвешиваются в соответствии с приоритетами целевых групп. Широко используется психосемантическое моделирование, позволяющее реконструировать скрытые представления респондентов через моделирование семантического пространства [2-4].

Культурологический подход к исследованию образа территорий представлен трудами А.В. Федорова, И.В. Журавлевой и других. Этот вектор акцентирует внимание на восприятии территорий через культурные медиаторы — кино, карикатуру, художественные образы. Здесь важным является национальный и культурный контекст восприятия, а также дихотомия «свой–чужой», формирующая устойчивые социальные образы союзника или врага. Исследования в этом ключе сосредоточены преимущественно на содержательном анализе визуальных и текстовых репрезентаций, формирующих образы территорий в общественном сознании [5–6].

Экономико-маркетинговый подход делает акцент на восприятии территории как бренда или товара, подлежащего стратегическому позиционированию. Исследования А.П. Панкрухина, Е.А. Бритиковой, В.Г. Кудрякова и др. демонстрируют, как регион может выступать в роли субъекта брендирования. Имидж в этом случае отождествляется с образом, вызывающим у потребителя (жителя, туриста, инвестора) определённую рациональную или эмоциональную реакцию. Наиболее распространённые методы включают анкетирование и интервьюирование — как количественные, так и качественные формы сбора данных. Также широко применяется метод семантической дифференциации и анализ факторов привлекательности, что позволяет объединять глубинные и статистические данные в комплексной маркетинговой стратегии [7–8].

Особое место занимает теоретико-методологический подход, развиваемый Э.А. Галумовым, Д.Н. Замятиным. Э.А. Галумов выделяет три группы факторов, влияющих на формирование имиджа: условно-статичные, условно-динамичные социологические и институциональные. Д.Н. Замятин вводит концепцию метагеографии, или образной географии, согласно которой географический образ — это устойчивая когнитивная модель пространства, возникающая в результате бытового или профессионального взаимодействия с ним. Исследования в этом русле опираются преимущественно на качественные методы — фокус-группы и глубинные интервью, направленные на выявление причинно-следственных связей и ключевых имиджевых характеристик территорий. Применяются также проективные методики: ассоциативные (анализ ассоциаций), незавершённые задания (brand mapping), тематические апперцепционные тесты, метод коллажа и проективные вопросы, позволяющие оценить эмоционально-смысловые образы территории. Методы ролевых игр и ранжирования (по степени важности имиджевых факторов) дополняют арсенал инструментов [9–10].

Наконец, медийный подход к изучению имиджа страны и региона реализуется в работах Л.Г. Егоровой, И.В. Сидорской, Ю.В Тарановой и др. В рамках этого направления анализируется роль средств массовой информации в формировании массового восприятия территорий. СМИ интерпретируются как агенты смыслопроизводства, способные структурировать общественное мнение через оценочные средства языка, выбор сюжетов, героев и тематических акцентов. Особенно важна роль местных СМИ, которые транслируют и формируют образ региона как для внутренней, так и для внешней аудитории. Анализ проводится преимущественно с применением методов дискурс-анализа, контент-анализа и социолингвистических подходов [11–13].

Таким образом, каждый подход вносит вклад в более полное понимание механизмов формирования имиджа территории, подчеркивая его динамичность и зависимость от политического, культурного, социального и медийного контекстов. Комплексное использование представленных методик позволяет получить всестороннюю картину восприятия региона и наметить эффективные стратегии его позиционирования.

Наиболее обобщающим и системообразующим является определение имиджа территории, данное Всемирной туристической организацией (UNWTO). Согласно этому подходу, имидж территории представляет собой совокупность эмоциональных и рациональных представлений, формирующихся в результате сопоставления объективных характеристик местности, индивидуального опыта, а также опосредованных источников информации, включая слухи и средства массовой коммуникации [14]. Такое понимание позволяет охватить все ключевые составляющие имиджа — от фактических особенностей региона до субъективных восприятий, формирующихся под влиянием культурных, социальных и информационных факторов. Именно это определение отличается системностью и универсальностью, так как интегрирует элементы всех существующих исследовательских подходов — психологического, культурологического, маркетингового и медийного — и тем самым служит методологической основой для комплексного анализа имиджа как ресурса развития территории.

Продолжая анализ сущности и значения имиджа территории, опираясь на исследование Н.К. Сердюковой и Л.А. Белослутцевой, необходимо подчеркнуть, что формирование положительного туристического имиджа выступает не просто как задача рекламно-информационного характера, а как комплексная стратегия территориального развития. Авторы акцентируют внимание на том, что отсутствие позитивного имиджа территории существенно снижает ее привлекательность, ослабляет интерес к ней со стороны потенциальных туристов, инвесторов и деловых партнеров [15, с. 555]. Таким образом, регион, не обладающий узнаваемым и ценностно нагруженным образом, оказывается в менее выгодном положении в условиях усиливающейся конкуренции между туристскими дестинациями.

Одним из ключевых положений исследования является идея о том, что позитивный имидж территории способствует не только увеличению туристических потоков, но и выступает механизмом привлечения инвестиций, укрепления экономического потенциала региона и повышения его международного престижа. Имидж в данном контексте рассматривается как управляемый ресурс, обладающий значительным социально-экономическим эффектом.

Н.К. Сердюкова и Л.А. Белослутцева выделяют ряд свойств туристического имиджа, характеризующих его как сложное социально-психологическое образование: он является динамичным, гибким, ситуативным, способным меняться в зависимости от внешней среды и внутреннего позиционирования региона. Существенно, что имидж включает в себя как рациональные, так и эмоциональные составляющие, формируя у целевой аудитории определенное восприятие через образы, символы и эмоциональную окраску представленной информации.

Особое внимание в исследовании Н.К. Сердюковой и Л.А. Белослутцевой уделяется функциональной нагрузке туристического имиджа, включающей такие функции, как:

1. Экономическая (повышение инвестиционной привлекательности территории).
2. Политическая (укрепление субъектности региона в национальном и международном пространстве).
3. Эстетическая и номинативная (создание визуально и концептуально привлекательного образа),
4. Идентификационная (помощь в самоопределении территории и ее жителей),
5. Противопоставляющая и идеализирующая (выделение региона на фоне конкурентов за счёт уникальности и позитивных ассоциаций).

На основании анализа можно сделать вывод, что авторы предлагают рассматривать имидж не как нечто поверхностное и декоративное, а как стратегический инструмент управления территорией. С их точки зрения, создание уникального, привлекательного и устойчивого имиджа требует системного подхода, включающего изучение целевых аудиторий, разработку визуальной и смысловой символики (логотипов, слоганов), формирование информационной политики и координацию усилий всех заинтересованных сторон — от органов власти до бизнеса и местных сообществ.

Таким образом, исследование Н.К. Сердюковой и Л.А. Белослутцевой позволяет рассматривать туристский имидж как важнейший фактор устойчивого развития региона, усиливающий его конкурентные преимущества на внутреннем и международном туристском рынке, формирующий долгосрочные положительные ассоциации и способствующий не только росту турпотока, но и повышению качества жизни местного населения.

Еще одним важным термином становится бренд. Понятие «бренд» с древненорвежского трактуется как «поставленное клеймо». Бренд формирует у потребителя определенные ассоциации, связанные с товаром, услугой, местом или чем-либо еще. Любой новый продукт неизбежно создает у потребителя как положительное, так

и отрицательное впечатление [16, с. 71]. Понятия «бренд территорий» и «брендинг территорий» активно используются в современных научных, медийных и деловых контекстах. Несмотря на их широкое распространение, в научной среде по-прежнему ведутся дискуссии о сущности этих терминов. Сложность заключается в междисциплинарном характере понятий, охватывающих маркетинг, экономику, политику, туризм, социологию и культурологию. Это требует системного анализа современных подходов к определению и реализации территориального брендинга.

Одним из первых исследователей, обратившихся к теме брендинга территорий, является Ф. Котлер. Он рассмотрел бренд как совокупность людей, товаров, институтов и процессов, репрезентирующих конкретную территорию. Ключевыми элементами бренда Ф. Котлер называет идентичность, ресурсы и репутацию региона. При этом он подчеркивает различие между внутренними и внешними стейкхолдерами — местными жителями и потребителями бренда (туристами, инвесторами) [17].

А.П. Панкрухин определяет бренд территории как прикладной инструмент территориального маркетинга, направленный, прежде всего, на формирование чувства единения у местных жителей и укрепление региональной идентичности. Его цель — привлечение ресурсов, необходимых для развития местной экономики [18]. По мнению В.А. Васиной, бренд территории — это символ, в основе которого лежит система привлекательных идей, ценностей и образов, отражающих территориальную идентичность. Он может быть как виртуальным, так и визуальным и выполнять функцию товарного знака региона [19, с. 33]. Интересное определение предложили Т.Р. Тэор и В.В. Кулибанов, характеризующие территориальный бренд как «зонтичный бренд», объединяющий суббренды, что позволяет гибко продвигать различные аспекты региона [20, с. 36].

Исходя из проведенного исследования, можно сделать вывод, что в научной среде по-прежнему нет единого подхода к их трактовке. Это обусловлено как разной теоретической базой, так и практическими задачами, которые ставятся в рамках каждого конкретного исследования. В связи с этим можно выделить несколько ключевых подходов к определению бренда территорий, каждый из которых акцентирует внимание на определённых составляющих.

Маркетинговый (инструментальный) подход рассматривает бренд территории как инструмент территориального маркетинга, ориентированный на повышение узнаваемости региона, привлечение инвесторов и туристов, а также формирование позитивного имиджа. Данный подход делает упор на практическую реализацию и визуальную репрезентацию бренда через маркетинговые инструменты. Например, А.П. Панкрухин рассматривает бренд территории с точки зрения прикладного инструмента территориального маркетинга, который ориентирован в первую очередь на местных жителей [18]. По мнению Т.А. Атаевой, он включает в себя продвижение территориальных товаров и проведение рекламных кампаний, направленных на формирование привлекательного образа региона [21].

Второй подход — социокультурный, делает акцент на идентичности, символике и ценностях, присущих территории. Бренд воспринимается как форма выражения уникального культурного кода региона. Так, В.А. Васина считает бренд региона воплощением территориальной идентичности, выраженной в системе символов, образов и ценностей [19, с. 33]. И.С. Важенина определяет бренд как совокупность «вечных» ценностных ориентиров и уникальных характеристик, известных и признаваемых потребителями [22]. Таким образом, бренд в рамках социокультурного подхода — это не просто маркетинговый инструмент, а глубинная репрезентация смысла и духа территории.

Системный подход основывается на концепции «Шестиугольника Анхольта», предложенная С. Анхольтом. В его модели бренд территории включает: экспорт, внутреннюю и внешнюю политику, культуру и наследие, население, туризм, бизнес и инвестиции. Такой подход рассматривает бренд как целостную систему, охватывающую все сферы жизни региона. Он подчеркивает необходимость одновременной работы по всем направлениям для создания устойчивого и конкурентоспособного имиджа [23].

С точки зрения экономического подхода бренд территории играет роль экономического ресурса, влияющего на конкурентоспособность региона. О.Е. Афанасьев считает брендинг стратегией роста и способом захвата внешних рынков [24, с. 95]. Таким образом, здесь бренд территории становится инструментом экономического позиционирования на внутреннем и внешнем рынках.

Анализ подходов к определению понятия бренда территорий показывает, что это явление выходит за рамки узкого маркетингового или визуального восприятия. Оно включает в себя социальную идентичность, экономическую стратегию, политические интересы и культурные смыслы. Формирование бренда территории требует комплексного подхода, учитывающего интересы как внутренних, так и внешних стейкхолдеров, и основанного не только на визуальной привлекательности, но и на решении реальных социальных и экономических задач.

В рамках нашего исследования имидж территорий и брендинг региона следует рассматривать в рамках интегративного (комплексного). Это объясняется многоу-

ровневой природой самого феномена территориального бренда, включающего в себя элементы социального восприятия, культурной идентичности, маркетинговых стратегий и экономической целесообразности. Такой подход позволяет объединить плюсы каждого из вышеперечисленных направлений выстроить эффективную модель брендинга территории, способную учитывать как внутренние ресурсы и идентичность региона, так и запросы внешней аудитории, в первую очередь туристов.

Для туристического потенциала брендинг может выступать как фактор развития. Сущность туристического потенциала региона следует рассматривать как совокупность ресурсов, возможностей и условий, способных при грамотной мобилизации обеспечить создание, продвижение и реализацию туристического продукта, а также формировать устойчивую мотивацию у реальных и потенциальных потребителей. В этом контексте особенно важна роль брендинга территории, поскольку именно он позволяет структурировать и упаковать уникальные особенности региона в целостный и привлекательный образ, который вызывает доверие, интерес и эмоциональный отклик у целевой аудитории.

В научной литературе выделяется несколько концептуальных подходов к определению туристического потенциала, каждый из которых предлагает собственное понимание факторов и механизмов его формирования.

Рекреационный подход — один из наиболее распространенных, преимущественно географически ориентированных, акцентирует внимание на природно-климатических и ландшафтных ресурсах региона [25, с. 96]. Однако его ограниченность заключается в игнорировании инфраструктурных и социально-экономических условий, что приводит к искажённой оценке реального туристического потенциала.

Подход от оценки предложения — основывается на количественной и качественной характеристике существующих туристических объектов и инфраструктуры. Он акцентирует внимание на возможностях региона «предоставлять» услуги и продукты [25, с. 96], но недостаточно учитывает запросы и поведение целевой аудитории.

Подход от оценки спроса — базируется на анализе мотивации туристов и динамики туристических потоков. Сторонники этого направления полагают, что именно потребности туристов и тенденции их поведения являются определяющими в формировании туристического потенциала [25, с. 96].

Синтетический подход — признан наиболее сбалансированным и объективным. Он объединяет элементы двух предыдущих подходов и акцентирует внимание на взаимосвязи между спросом и предложением, а также на управляемости туристическим развитием со стороны региона. Такой подход признаёт, что туристический потенциал региона формируется не только наличием ресурсов, но и возможностями их интеграции и управления в интересах развития отрасли [25, с. 96]. В соответствии с этим подходом, туристический потенциал — это возможность рационально использовать туристические ресурсы региона для формирования устойчивых мотивов у целевой аудитории на основе сбалансированного управления ресурсами, в первую очередь — инфраструктурой. В таком понимании потенциал обретает динамическое измерение, зависящее от уровня стратегического планирования, маркетинга территорий и включенности в межрегиональные и международные туристические цепочки [25, с. 96].

Брендинг способствует институционализации туристического потенциала, превращая разрозненные элементы — природные достопримечательности, культурные символы, гастрономию, традиции — в узнаваемый и целенаправленно транслируемый бренд. Это, в свою очередь, формирует мотивационную базу туристов, опирающуюся не только на фактические ресурсы региона, но и на его символическую капитализацию.

Исследование А.В. Кузнецовой и О.Л. Тетенькиной подчеркивает, что определение туристического потенциала региона может быть проанализировано с трёх позиций: структурной, функциональной и системной [26, с. 54].

Структурный подход рассматривает туристический потенциал как совокупность природных, культурно-исторических, социально-экономических и инфраструктурных ресурсов, причём акцент делается на уникальность и возможность использования этих ресурсов для развития туризма.

Функциональный подход акцентирует внимание на способности территории предоставлять условия для формирования конкурентоспособного туристского продукта, обеспечивая комфорт и безопасность туристов без ущерба для природного и социального баланса.

Системный подход трактует туристический потенциал как динамическую, организованную систему, где ресурсы и инструменты взаимодействуют, формируя условия для устойчивого развития туризма и социально-экономического роста региона.

В рамках этих подходов бренд территории может выступать как: ресурс (в структуре потенциала) — как часть внутреннего содержательного наполнения, отражающая идентичность и ценности территории, её культурный код; внешний инструмент — как средство продвижения и формирования интереса со стороны туристов и инвесторов [26, с. 55].

Таким образом, бренд может быть как статичным отражением смысла и ценностей территории, так и динамичным механизмом, способствующим росту туристического потенциала через усиление её конкурентных преимуществ.

А.В. Кузнецова и О.Л. Тетенькина также выделяют четыре вида эффективности брендирования, каждый из которых прямо влияет на развитие туристического потенциала:

1. Социокультурная эффективность — усиление идентичности и культурной привлекательности территории;
2. Коммуникативная эффективность — повышение узнаваемости и информационной насыщенности бренда;
3. Экономическая эффективность — рост доходов от туристических услуг, повышение инвестиционной привлекательности;
4. Экологическая эффективность — укрепление позитивного экологического имиджа региона, развитие устойчивых форм туризма [26, с. 55].

Так, согласно исследованию А.В. Кузнецовой и О.Л. Тетенькиной брендинг территории неразрывно связан с раскрытием туристического потенциала, так как он трансформирует набор ресурсов в ценностное предложение, способное привлечь внимание и стимулировать устойчивый поток туристов. Тем самым брендинг становится не просто вспомогательным инструментом, а необходимым условием устойчивого и конкурентного развития туристической сферы региона.

Н.Л. Рогалева в своем исследовании обосновывает значимую связь между брендингом территории и её туристическим потенциалом, предлагая комплексный подход к формированию привлекательного имиджа региона. Исследование опирается на анализ существующих теоретических подходов к геобрендингу, а также на эмпирическое изучение практик, реализуемых в различных субъектах Российской Федерации. Н.Л. Рогалева исходит из предпосылки, что территориальный брендинг представляет собой стратегический инструмент, способствующий формированию уникального имиджа региона, который, в свою очередь, влияет на восприятие его туристической привлекательности как со стороны потенциальных посетителей, так и со стороны инвесторов и местных жителей. Подчёркивается, что при эффективной реализации геобрендинг позволяет «вывести» регион на конкурентоспособный уровень на рынке туристских услуг [27].

В качестве выводов авторы утверждают, что устойчивый туристический интерес к региону напрямую зависит от того, насколько последовательно и профессионально выстраивается его бренд. Эффективный геобрендинг предполагает разработку уникального визуального и смыслового образа территории, подкреплённого инфраструктурными и маркетинговыми решениями. Таким образом, бренд региона становится не только элементом визуальной идентичности, но и реальным инструментом экономического развития через привлечение туристов [27].

Н.Л. Рогалева приходит к заключению, что геобрендинг представляет собой синтетическую категорию, находящуюся на стыке маркетинга, территориального планирования и культурной политики, и именно благодаря этому междисциплинарному подходу он способен усиливать туристический потенциал региона [27]. Следовательно, формирование туристической привлекательности региона невозможно без грамотного позиционирования на основе сильного бренда.

В этом же направлении проводят исследования А.А. Певнева и А.А. Фетисова. Брендинг территории рассматривается не просто как маркетинговый инструмент, а как стратегическая основа формирования позитивного имиджа региона, обеспечивающего его инвестиционную и туристическую привлекательность. Авторы подчеркивают, что в условиях усиливающейся конкуренции между регионами за внимание инвесторов, туристов и талантов, создание сильного территориального бренда становится необходимым условием устойчивого развития. В статье отмечается: «Брендинг территорий — это стратегический подход к созданию и укреплению имиджа определенной территории с целью повышения ее инвестиционной привлекательности» [28, с. 261], что логически включает в себя и формирование туристической привлекательности, поскольку она является важным компонентом инвестиционного климата. Согласно авторам, сильный бренд позволяет территории выразить свою уникальность, подчеркнуть конкурентные преимущества и вызвать положительные эмоциональные ассоциации у целевой аудитории. Это способствует росту интереса к региону со стороны туристов. Успешный брендинг территории, как утверждается в тексте «способствует привлечению инвестиций, развитию туризма, увеличению экспорта и другим положительным изменениям для региона» [28, с. 261].

Связь между брендингом и туризмом наглядно демонстрируется на примере Мельбурна, где после запуска новой брендовой стратегии город стал «международным центром туризма», что привело к увеличению доходов от внешнего туризма на 5% и росту валового продукта города на 10%. Это служит эмпирическим подтверждением эффективности брендинга как инструмента повышения туристической активности [28, с. 262].

А.А. Певнева и А.А. Фетисова акцентируют внимание и на российском контексте, указывая, что в большинстве

городов имеется нераскрытый потенциал для формирования сильного бренда. Например, Волгоград уже обладает мощным символическим капиталом, основанным на историческом наследии, однако недостаточная транспортная инфраструктура сдерживает развитие въездного туризма. Следовательно, для реализации туристического потенциала необходимо не только формировать бренд, но и подкреплять его реальными улучшениями городской среды [28, с. 263].

Таким образом, с позиции маркетинга брендинг способствует продвижению региона на конкурентном туристском рынке, увеличению узнаваемости и повышению лояльности со стороны потребителей туристических услуг. Социокультурный аспект обеспечивает подлинность и эмоциональную вовлеченность, что особенно важно в контексте внутреннего туризма и укрепления локальной идентичности. Экономическая составляющая фокусируется на бренде как инструменте привлечения инвестиций и стимулирования локального развития. Системный же подход помогает увязать между собой разнородные направления и выстроить стратегию брендинга как часть долгосрочной политики устойчивого развития.

Следовательно, территориальный брендинг предстает не просто как набор маркетинговых практик, а как стратегически выверенный и междисциплинарный инструмент формирования и продвижения регионального имиджа, направленный на раскрытие туристического потенциала, активизацию экономических процессов и повышение качества жизни местного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Величкина, А.В. Оценка развития туристской инфраструктуры региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — № 2. — С. 239.
2. Шестопал, Е.Б. Образы государств, наций и лидеров. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 288 с.
3. Виноградова, Т.Г. Маркетинг и брендинг территорий / Т.Г. Виноградова, Я.И. Семилетова // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. — 2014. — №37. — С. 81–85.
4. Габдрахманова Л.А. Механизмы формирования и продвижения положительного имиджа Республики Татарстан в России и мире // Имидж страны/региона как стратегия интеграции России и АТР в XXI веке. — 2010. — С. 105–110.
5. Федоров, А.В. Трансформация образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2010). — М.: Изд-во МОО «Информация для всех», 2010. — 202 с.
6. Журавлева, И.В. Маркетинговые технологии в формировании имиджа туристской территории Севастополя //СибСкрипт. — 2015. — №. 2-7 (62). — С. 172–176.
7. Панкрухин, А.П., Игнатьев А.Ю. Имидж страны: смена парадигмы. Взгляды из Канады, России, Великобритании и Латвии // Корпоративная имиджеология. — 2008. — № 2. — С. 8–15.
8. Бритикова, Е.А., Кудряков В.Г. Применение маркетинговых технологий в формировании имиджа Краснодарского края //Экономика и предпринимательство. — 2021. — №. 7. — С. 597–601.
9. Галумов, Э.А. Имидж против имиджа. — М.: Известия, 2005. — 551 с.
10. Замятин, Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. — М.: Аграф, 2004. — 512 с.
11. Егорова, Л.Г. Особенности презентации имиджа республики Крым в местных СМИ (2015–2017) // Вестник Челябинского государственного университета. — 2018. — № 10. — С. 104–109
12. Сидорская, И.В. Об употреблении терминов «образ» и «имидж» в русскоязычных исследованиях проблемы медиарепрезентации территорий //Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2021. — №. 3. — С. 173–197.
13. Таранова, Ю.В. Формирование имиджа территорий с помощью иммерсивных медиапроектов //Российская школа связей с общественностью. — 2024. — №. 34. — С. 93–104.
14. UNWTO World Tourism Barometer and Statistical Annex, November 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-unwto.org/doi/epdf/10.18111/wtobarometereng.2021.19.1.6 (дата обращения 06.03.2025).
15. Сердюкова, Н.К., Белослутцева, Л.А. Социально-экономические эффекты гэмблингтуризма и его влияние на развитие туристской дестинации // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). — 2015. — № 6 (50). — С. 555.
16. Покровский Н.Е. Туризм: от социальной теории к практике потребления. — М.: Логос, 2008. — С. 71.
17. Маркетинг мест: привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн, Д. Хайдер; Пер. с англ. М. Аккая; при участии В. Мишучкова; Ред. Г. Ивашевская. — СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. — 376 с.
18. Панкрухин, А.П. Маркетинг территорий. 2-е изд. — СПб.: Питер, 2006. — 413 с.
19. Васина, В.А. Брендинг территорий // Научный журнал. — 2019. — № 10 (44). — С. 32–35.
20. Тэор, Т.Р., Кулибанова, В.В. Брендинг территорий как инструмент повышения конкурентоспособности региона в современной экономике России // Современные тенденции и технологии развития потенциала регионов: сб. ст. нац. научно-практ. конф. — 2019. — С. 35–40.
21. Атаева, Т.А. Маркетинг территорий как фактор развития инфраструктуры региона //Маркетингът—реалност и проекции в бъдещето: материалы конференции (Варна, 28–29 июня 2012 г.). —Варна. — 2012. — 8 с.

22. Важенина, И.С. Имидж, репутация и бренд территории. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. — 408 с.
23. Анхольт, С. Брендинг: дорога к мировому рынку / ; [пер. с англ. Ю.В. Алабина]. — М.: КУДИЦ-ОБРАЗ, 2004. — 270 с.
24. Афанасьев, О.Е. Бренд как фактор формирования туристического образа страны //Брендинг территорий. Международный и отечественный опыт. — Воронеж, 2010. — С. 94–96.
25. Печинская, Я.В., Додонов, О.В., Ананьева, В.Н. Концептуальные подходы к формированию туристического потенциала региона. — 2021. — С. 95–97.
26. Кузнецова, А.В., Тетенькина, О.Л. Бренд как фактор развития туристического потенциала территории //Казанская наука. — 2015. — №. 12. — С. 53–55.
27. Рогалева, Н.Л. Основные мероприятия, способствующие развитию бренда Камчатского края и туристического потенциала в целом / Н.Л. Рогалева // Экономика Камчатки. Прошлое, настоящее, будущее: Коллективная монография / Под общей редакцией Д.А. Коростелева. — Петропавловск-Камчатский: Издательство «Новая книга», 2020. — С. 169–185.
28. Певнева, А.А. Брендинг территорий в повышении инвестиционной привлекательности региона. // Менеджмент и финансы производственных систем: Сборник научно-практических статей Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Волгоград, 12 декабря 2023 года. — Волгоград: ЗАО «Университетская книга», 2024. — С. 261–264.

© Ткачева Дарья Сергеевна (dartkach@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.24

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В МАСЛОЖИРОВОМ ПОДКОМПЛЕКСЕ АПК

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF ECONOMIC RELATIONS IN THE OIL AND FAT SUBCOMPLEX OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

P. Cherednichenko

Summary. The article examines the composition and structure of the fat and oil subcomplex of the agroindustrial complex, identifies the features of the formation of economic relations between its subjects based on economic interests. In the structure of the economic interests of the subjects of the fat and oil subcomplex of the agroindustrial complex, the following are highlighted: need as an internal state of resource scarcity, value as the predominance of certain certain modes of action over others, motive as an incentive for any action, incentive as a benefit when performing certain actions, as well as the specifics of their formation. It is concluded that the most difficult and problematic issues remain the formation and development of economic relations between economic entities-agricultural producers and rural population with other entities of the fat and oil subcomplex. This is due, firstly, to the specifics and complexity of the type of activity of agricultural producers, as the main producers of oilseeds and vegetable oils, compared with the activities of subjects of the I, II industries and enterprises of industrial and social infrastructure, and secondly, the conditions and quality of life of the rural population, as opposed to urban. It is established that the formation and development of economic relations in the fat and oil subcomplex of the agroindustrial complex is carried out on the basis of a state-market regulatory mechanism. At the same time, the state implements the effectiveness of regulating economic relations in the fat and oil subcomplex based on the application of various administrative and financial measures of influence on its subjects.

Keywords: fat and oil subcomplex, composition and structure, economic relations, economic interests, development features, regulatory mechanism.

Чередниченко Павел Андреевич
аспирант, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I»
89050491246@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены состав и структура масложирового подкомплекса АПК, выявлены особенности формирования экономических взаимоотношений между его субъектами на основе экономических интересов. В структуре экономических интересов субъектов масложирового подкомплекса АПК выделены: потребность как внутреннее состояние недостаточности ресурсов, ценность как преобладание одних определенных способов действия над другими, мотив как побудительную причину любого действия, стимул как выгоду при выполнении определенных действий, а также специфика их формирования. Сделан вывод о том, что наиболее сложными и проблемными остаются вопросы формирования и развития экономических взаимоотношений хозяйствующих субъектов-сельскохозяйственных товаропроизводителей и сельского населения с другими субъектами масложирового подкомплекса. Это обусловлено, во-первых, спецификой и сложностью вида деятельности сельскохозяйственных производителей, как основных производителей масличных культур, растительных масел по сравнению с деятельностью субъектов I, II сферами промышленности и предприятиями производственной и социальной инфраструктуры, во-вторых, условиями и качеством жизнедеятельности сельского населения в отличие от городского. Установлено, что формирование и развитие экономических взаимоотношений в масложировом подкомплексе АПК осуществляется на основе государственно-рыночного механизма регулирования. При этом эффективность регулирования экономических взаимоотношений в масложировом подкомплексе государство осуществляет на основе применения различных административно-финансовых мер воздействия на его субъектов.

Ключевые слова: масложировой подкомплекс, состав и структура, экономические взаимоотношения, экономические интересы, особенности развития, механизм регулирования.

Особенности экономических взаимоотношений в масложировом подкомплексе АПК должны включать в себя специфику формирования и развития масложирового подкомплекса АПК и специфику непосредственно экономических взаимоотношений в нем. При этом состав и структуру масложирового подкомплекса следует рассматривать в соответствии с функционально-отраслевой структурой АПК, продуктовой структурой АПК, производственно-технологической структурой АПК, территориально-производственной структурой АПК, организационно-управленческой структурой АПК и социально-экономической структурой АПК [1, с. 6–7].

Исходя из функционально-отраслевой структуры, масложировой подкомплекс АПК включает в себя три производственные сферы, осуществляющих процесс воспроизводства материальных благ, и две инфраструктурные части, обслуживающих производственные сферы (Рисунок 1).

Рис. 1. Состав и структура масложирового подкомплекса АПК

Источник: составлено автором.

Экономические интересы в масложировом подкомплексе строятся на основе экономических интересов, к исследованию которых необходим системный подход, предполагающий рассматривать совокупность экономических интересов субъектов данного подкомплекса как сложную экономическую систему экономических отношений между субъектами по поводу воспроизводства ресурсов и материальных благ (работ, услуг). Сложность системы экономических взаимоотношений масложирового подкомплекса, на наш взгляд, заключается в том, что здесь постоянно переплетаются входы и выходы системы, поскольку входы одних субъектов (например, ресурсы сельскохозяйственных предприятий или сырье маслоэкстракционных заводов и др.) подкомплекса являются выходами других (в частности, сельскохозяйственные машины, удобрения, средства защиты масличных культур от вредителей и болезней и др.).

В процессе исследования установлено, что взаимоотношения между субъектами масложирового подкомплекса, как и других подкомплексов АПК, формируются и реализуются на основе экономических интересов, сущность которых, с одной стороны, определяют как форму необходимости удовлетворения потребностей, а с другой — как свойство статуса субъекта, показывающего степень выгоды в принятии управленческих решений или влияния окружающей среды на его изменение [2, 3]. В рамках нашего исследования экономические интересы следует рассматривать как статус субъекта, демонстрирующего степень выгодности или не выгодности определенных действий в системе экономических отношений.

В отличие от общепринятого рассмотрения системы экономических взаимоотношений масложирового подкомплекса как совокупности отношений между субъектами производственной сферы и инфраструктуры, считаем целесообразным с учетом экономических интересов дополнить состав субъектов *органами власти и населением*.

В экономической литературе в структуре экономических интересов выделяют *потребность* как внутреннее состояние недостаточности ресурсов, *ценность* как преобладание одних определенных способов действия над другими, *мотив* как побудительную причину любого действия, *стимул* как выгоду при выполнении определенных действий [4].

Потребности, как внутренние побудители экономической деятельности, каждого из субъектов масложирового подкомплекса АПК определяются объективными и субъективными условиями их функционирования в соответствии с разделением труда, целевой направленности и ресурсным обеспечением. Для сельскохозяйственных предприятий, специализирующихся на производстве маслосемян, следует выделить потреб-

ности в природных ресурсах (обусловленных особенностями климата, рельефа, растительного мира, расположением в природной зоне), земельных (обусловленных почвенными условиями), трудовых (обусловленных качеством человеческого капитала), материальных (обусловленных наличием и состоянием основных и оборотных средств), финансовых (обусловленных количеством денежных средств), информационных (обусловленных определенной совокупностью данных и информации) и других ресурсах. При этом особенностями природных ресурсов являются бесплатность, экзогенность, ограниченность или редкость, неэластичность предложения, незаменимость, качественная неоднородность, материальных ресурсов — мобильность, взаимодополняемость, взаимозамещение, трудовых ресурсов — возобновляемость, многообразие, взаимозаменяемость, деградация при их невостребованности, финансовых — ограниченность, ликвидность, устойчивость, рискованность и др.

Среди потребностей предприятий I сферы АПК, производящих средства производства для сельскохозяйственных предприятий, предприятий по хранению маслосемян и предприятий по их переработке и предприятий инфраструктуры выделяют потребности в производственном капитале, труде, информации, инновациях и инвестициях. Наряду с особенностями природных, материальных и трудовых ресурсов, спецификой информационных ресурсов являются нерасходуемость, неисчерпаемость, потенциальность, многоразовое и многоцелевое использование и др., инновационных — повышенная информационная емкость, уникальность, многогранность, детерминированность, долговременность, рискованность, инвестиционных — накопляемость, воспроизводимость, цикличность, долговременность, рискованность и др.

Потребности органов власти основаны на формировании и реализации властных полномочий в регулировании предпринимательской деятельности субъектов масложирового подкомплекса и жизнеобеспечения населения. Для органов власти прежде всего следует выделить потребности в финансах, пополнение которых возможно за счет регулирования налоговых поступлений, и в информации, которая должна соответствовать рациональному объему и высокому качеству и обеспечивать принятие эффективных управленческих решений по координации экономических взаимодействий и взаимоотношений между субъектами масложирового подкомплекса, а также по более полному обеспечению жизнедеятельности населения.

К потребностям населения можно отнести физиологические потребности в растительных маслах и продукции, произведенной с их включением (пищевой, кондитерской, парфюмерной и др.) и социальные потребности, формирующиеся не только под влиянием экономических условий, создаваемых субъектами подкомплекса, но и властными органами, наделенных регулирующими функциями условий жизнеобеспечения.

Ценности, как и мотивы и стимулы аналогично потребностям, можно рассмотреть в разрезе субъектов масложирового подкомплекса АПК. Ценности хозяйствующих субъектов определяются выбором предпринимательской деятельности, прежде всего самостоятельным выбором организационно-правовой формы и отраслевой направленности, способа организации производства с целью формирования прибыли и повышения конкурентоспособности и эффективности произведенной продукции. В системе ценностей хозяйствующих субъектов масложирового подкомплекса особо следует выделить такие ценности предпринимательства, как предприимчивость, инициативность, рациональность, самостоятельность, независимость, социальная ответственность, рискованность и др. По мнению Васянина М.С., «По мере своего развития отечественное предпринимательство формирует новую систему ценностей, в основе которой лежат индивидуализм, личная свобода, принцип равенства возможностей и т.д.» [5, с. 87].

Ценности органов власти выражаются в необходимости создания оптимальных условий обеспечения эффективного функционирования хозяйствующих субъектов и жизнедеятельности населения, и как следствие самосохранения самой власти. При этом основной целью органов власти остается объективное регулирование способов формирования и реализации экономических интересов всех субъектов масложирового подкомплекса и обеспечение эффективности координирующих функций.

К ценностям населения можно отнести возможность осуществления труда и сохранение семьи и духовности. Формирование ценностей населения осуществляется на основе наличия различных ресурсов (земельных, материальных, финансовых, социальных, информационных и др.) и возможности их использования, а реализация их — на основе сохранения и развития жизненных приоритетов, интеллектуализации трудовой деятельности и многообразия духовной жизни.

Основными мотивами хозяйствующих субъектов, как побуждения к достижению поставленной цели, выступают максимизация прибыли, рост капитала и имущественного комплекса, расширение бизнеса и устранения конкурентов. В экономической литературе различают внутреннюю и внешнюю мотивацию экономической деятельности. Внешняя мотивация образуется преимущественно под воздействием издержек, а внутренняя «формируется благодаря определенной спецификации прав собственности. Каждый вид мотивации обладает собственными информационными и контролирующими составляющими и характеризуется своим набором поведенческих паттернов.» [6, с. 737–738].

Мотивы органов власти, как внутреннее содержание власти, в масложировом подкомплексе выражаются через экономический механизм регулирования взаимодействия и взаимоотношений его субъектов, направленный на приобретение и сохранение источников власти ради оказания влияния на деятельность субъектов и сознание населения. Эти мотивы должны быть адекватными современным рыночным условиям функционирования предприятий данного подкомплекса и ориентированными на создание оптимального количества рабочих мест, на повышение производительности труда и рост доходов хозяйствующих субъектов и населения.

Мотивы населения к достижению благополучия и повышению качества жизни можно рассматривать как систему, включающую эвдемоническую мотивацию, характеризующую стремление к таким целям, как смысл, подлинность, совершенство и рост, гедонистическую мотивацию удовольствия, то есть влечение к наслаждению и веселью, к комфорту, в частности, стремление к расслаблению, легкости и безболезненности и внешнюю мотивацию, предполагающую поиск денег, власти, статуса, популярности и имиджа [7, 8].

Мотивы населения в масложировом подкомплексе, да и в целом АПК находятся под влиянием геополитических изменений и кризисных явлений, наблюдаемых за последние годы, и поэтому существенно трансформируются их структура, поведение граждан и потребительские предпочтения [9]. Отсюда характерные изменения претерпевает и образ жизни индивида, как тип жизнедеятельности человека, включая профессиональную, трудовую, общественную, бытовую, социально-культурную и др. [10].

При этом мотивы населения, как субъекта масложирового подкомплекса, формируются в соответствии с его функционально-отраслевой структурой, в частности, мотивы занятых на предприятиях I, III сфер и инфраструктуры и на сельскохозяйственных предприятиях и мотивы населения в зависимости от приобретения материальных благ — продукции масложирового подкомплекса (растительных масел, жмыха, шрота и т.д.), в определенных случаях они имеют разнонаправленный вектор, поэтому необходимо регулирование их с целью выравнивания возможностей наращивания инвестиций в собственный капитал.

Стимулы, как внешние факторы развития экономических интересов, хозяйствующих субъектов заключаются в создании благоприятного делового климата для организации предпринимательской деятельности в масложировом подкомплексе с целью обеспечения экономического роста. «Реализация комплекса мер по стимулированию деловой активности хозяйствующих субъектов», по мнению Сорочинского А.В., «будет иметь результатом увеличение платежеспособного спроса — ключевого драйвера экономического роста» [11, с. 42]. Он считает необходимым, и мы с ним согласны, формировать экзогенные факторы функционирования хозяйствующих субъектов, ориентируясь «…на проактивную политику, связанную с формированием и поддержанием эффективного спроса, с максимизацией мультипликативных эффектов для экономики» [11, там же].

Как известно, наиболее важными стимулами для хозяйствующих субъектов, являются финансовые стимулы, включая инвестиции, субсидии, дотации, налоговые льготы и др. В российской практике финансовые стимулы хозяйствующих субъектов масложирового подкомплекса включают поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей масличных культур (субсидии на возмещение затрат по ставке из расчета на 1 тонну прироста объема производства рапса и сои), научных организаций, профессиональных образовательных организаций, образовательных организаций высшего образования, осуществляющих в процессе научной, научно-технической и образовательной деятельности производство масличных культур, их первичную и последующую переработку, организации и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих производство, первичную и последующую переработку масличных культур и их реализацию. Однако на сегодня в научной общественности и практике координации предпринимательской деятельности сложилось мнение о ненужной поддержке их в связи с высокой рентабельностью.

Стимулы органов власти в масложировом подкомплексе взаимосвязаны со стимулами хозяйствующих субъектов, так как, с одной стороны, предпринимательская деятельность хозяйствующих субъектов предопределяет налоговые и другие поступления в бюджет, а с другой — она строится на установленной государством нормативно-правовой основе и системе государственной поддержки. При этом стимулы органов власти могут быть как положительного характера, когда за выполнение налоговых поступлений и реализацию субсидий предусматриваются поощрительные меры персоналу властных структур, так и отрицательного — когда за невыполнение предопределены меры наказания (как правило административного воздействия за отклонения от критериев выделения субсидий, налоговых поступлений и т. д.).

Среди форм проявления стимулов населения в масложировом подкомплексе можно выделить стимулы материального (заработная плата, премии, гранты, налоговые льготы, субсидии, социальная помощь и др.) и нематериального характера (различные виды морального поощрения, создание благоприятных условий труда и отдыха, формирование социально-культурного и здорового образа жизни и т. д.).

Особенности формирования экономических интересов субъектов масложирового подкомплекса АПК представлены в таблице 1.

Следует отметить, что особенности формирования экономических интересов субъектов масложирового подкомплекса АПК проявляются через их реализацию, процесс которой имеет свою специфику. Это обусловлено тем, что субъекты масложирового подкомплекса функционируют в различных регионах и находятся в специфических центр-периферийных отношений. Отсюда возможны как эффективная, так и неэффективная формы осуществления экономических интересов. В зависимости от регионального размещения масложирового подкомплекса имеют место различный уровень использования ресурсного потенциала, неэквивалентность в распределении доходов от предпринимательской деятельности, специфика в налоговых отчислениях, монополизм субъектов I, II, IV и V сфер подкомплекса, значительно дифференцированный уровень доходов населения и др.

Важно отметить, что проведенный анализ специфики экономических интересов субъектов масложирового подкомплекса, обуславливающих экономические взаимоотношения, позволяет сделать вывод о том, что наиболее сложными и проблемными остаются вопросы формирования и развития экономических взаимоотношений хозяйствующих субъектов — сельскохозяйственных товаропроизводителей и сельского населения с другими субъектами подкомплекса.

Это обусловлено, во-первых, спецификой и сложностью вида деятельности сельскохозяйственных производителей, как основных производителей масличных культур, растительных масел по сравнению с деятельностью субъектов I, II сферами промышленности и предприятиями производственной инфраструктуры, во-вторых, условиями и качеством жизнедеятельности сельского населения в отличие от городского.

Нам представляется, что формирование и развитие экономических взаимоотношений сельскохозяйственных товаропроизводителей с другими субъектами масложирового подкомплекса должны учитывать факторы, обусловленные особенностями отрасли сельского хозяйства. К основным из них можно отнести:

- высокий уровень зависимости сельского хозяйства от природно-климатических условий воспроизводства;
- сезонность аграрного производства;
- неограниченный рост концентрации земли и аграрного капитала;
- деформированность рынка аграрного труда и, как следствие, дефицит трудовых ресурсов;
- многоотраслевой характер сельскохозяйственных товаропроизводителей;
- приоритетность государственной поддержки крупных интегрированных формирований;
- высокий удельный вес в структуре аграрного сектора субъектов малого и среднего агробизнеса и их низкая инновационная активность;
- отток предпринимательски активного населения из сельской местности и др. [12, с. 61].

В процессе исследования установлено, что отечественные сельскохозяйственные товаропроизводите-

Таблица 1.

Особенности формирования экономических интересов в масложировом подкомплексе АПК

	Элементы экономического интереса			
Субъекты	Потребности	Ценности	Мотивы	Стимулы
I, V III, IV и V сферы	Потребности в производственном капитале, труде, информации, инновациях и инвестициях	Возможность выбора вида и организационно-правовой формы предпринимательской деятельности	Максимизация прибыли, рост капитала и имущественного комплекса	Создание благоприятного делового климата для организации предпринимательской деятельности
II сфера	Потребности в производственном капитале, земельных и трудовых ресурсах, в информации, инновациях и инвестициях	Возможность выбора вида и организационно-правовой формы предпринимательской деятельности	Максимизация прибыли, рост капитала и имущественного комплекса	Создание благоприятного делового климата для организации предпринимательской деятельности
Органы власти	Потребности в финансах, информации и в кадрах	Возможность создания оптимальных условий обеспечения функционирования субъектов МП	Приобретение и сохранение источников власти	Содействие эффективному развитию субъектов МП
Население	Физиологические и социальные	Возможность осуществления труда, сохранение семьи и духовности	Достижение благополучия и повышение уровня и качества жизни	Материальные и нематериальные стимулы

Источник: составлено автором.

ли-субъекты масложирового подкомплекса в основном производят подсолнечник, сою, рапс, удельный вес которых в общем производстве масличных культур достиг 90 %. За последние годы наблюдается освоение таких масличных культур как лен, конопля, горчица, рыжик и прочие, доля их в производстве пока сравнительно мала. При этом продукция масличных культур выступает как сельскохозяйственное сырье и продовольствие на масложировом рынке, который остается как наиболее прогрессирующий в динамике регулирования отрасли сельского хозяйства.

По содержанию жиров и белков масличные культуры значительно отличаются. Так, подсолнечник содержит 51–63 % жиров и 15–23 % белков, соя — 20–24 % жиров и 37–43 % белков и рапс — 35–50 % жиров и 19–31 % белков, то есть подсолнечник превосходит сою более чем в два раза, а по содержанию белка, наоборот соя.

Подсолнечное масло высших сортов используется в пищевых целях и при производстве консервов, майонеза, маргарина, хлеба и хлебобулочных продуктов, а также кондитерских изделий (подсолнечное масло низких сортов применяется при выработке линолеума, лаков, красок, олифы, клеенки, водонепроницаемых тканей, а также в мыловарении и для изготовления электроаппаратуры), из сои производят свыше 400 видов промышленных продуктов и изделий (из продукции переработки сои производят маргарин, сырки, простоквашу, кефир, соевый паштет, творог и другие пищевые продукты, она служит сырьем для маслобойной промышленности, соевое масло, кроме пищевых целей, применяется в мыловарении, в лакокрасочной промышленности), рапсовое масло применяют при производстве маргарина, а также в мыловаренной, металлургической, текстильной, лакокрасочной, полиграфической, кожевенной и химической промышленности [13].

Жмыхи и шроты, как побочные продукты при переработке подсолнечник, сои и рапса, находят широкое применение не только как высококонцентрированный корм для скота и птицы, но и в кондитерской промышленности. При этом рапсовые жмых и шрот рекомендуется использовать на корм в качестве составной части комбикормов, поскольку в них содержатся некоторое количество глюкозидов горчичного масла, вызывающих у животных воспаление кишечника, почек и мочевых путей [13].

Мировая потребность в растительных жирах покрывается за счет бобов сои, подсолнечника, рапса, хлопчатника, льна, различных видов пальм, содержащих пищевое масло, в России — за счет семян подсолнечника, сои, рапса. Масличные культуры, в частности подсолнечник, рапс, конопля и лен размещены в основном в европейской части и на юге страны, соя — на Дальнем Востоке. При этом их новые сорта и гибриды могут приспосабливаться к различным природно-климатическим условиям, поэтому на сегодня нет ограничений в местах их размещения в посевах.

Россия занимает наибольший удельный вес в мировом производстве подсолнечника — 31,4 %, рапса — 4,8 %, сои — 1,7 % (2023 г.), остается лидером в мировом экспорте подсолнечника, четвертое место занимает по рапсу, восьмое — по сое, в мировом импорте растительных масел доля незначительна [14].

В процессе исследования установлено, что формирование и развитие экономических взаимоотношений в масложировом подкомплексе АПК осуществляется на основе государственно-рыночного механизма регулирования. С одной стороны, экономические взаимодействия и взаимоотношения между субъектами по поводу приобретения производственных ресурсов и произведенной продукции подкомплекса осуществляются путем купли-продажи, а с другой — ни один акт купли-продажи не происходит без государственного воздействия на него с помощью системы договоров.

Прежде всего следует отметить, что экономические взаимоотношения между субъектами масложирового подкомплекса формируются на основе цен на семена масличных культур и продукцию их переработки (масло, жмых, шрот, лузга), стоимости услуг и тарифов на транспортировку, хранение и переработку маслосемян, условий взаиморасчетов при купле-продаже соответствующей продукции, ответственности сторон за установленные обязательства в договорах. При этом устойчиво взаимовыгодные взаимоотношения между участниками масложирового подкомплекса предопределяют их экономическую эффективность и конкурентоспособность.

Эффективность регулирования экономических взаимоотношений в масложировом подкомплексе государство осуществляет на основе применения различных административно-финансовых мер воздействия на его субъектов. Среди административных мер можно выделить правовое регулирование, протекционистскую политику, упрощение сертификации и лицензирование и т.д., а среди финансовых — субсидирование, программы страхования, льготные инвестиционные кредиты и др.

В последние годы государством определены ориентиры по созданию высокопродуктивных гибридов подсолнечника, устойчивых к заразихе и толерантных к гербицидам на основе имазамокса и сульфонилмочевины с определённым уровнем урожайности и масличности, и конкурентоспособных сортов сои [15]. В 2023 г. был создан Национальный селекционно-семеноводческий консорциум, включающий Федеральное государственное бюджетное научное учреждение центр

«Федеральный научный «Всероссийский научно исследовательский институт масличных культур имени В.С. Пустовойта» (ФГБНУ ФНЦ ВНИИМК), ООО «Русид», ООО Компания «Био-Тон», ООО «ЭФКО-семеноводство», деятельность которого направлена на соединение агробизнеса и науки по обеспечению сельскохозяйственных товаропроизводителей отечественными семенами масличных культур [16].

С целью улучшения продовольственной безопасности страны в постановлении Правительства Российской Федерации от 27 января 2024 г. № 72 «О введении временного количественного ограничения на ввоз отдельных видов семян сельскохозяйственных растений» [17] в отношении семян масличных культур с 1 октября 2023 г. по 31 декабря 2025 г. были установлены квоты на ввоз из иностранных государств и территорий, совершающих к Российской Федерации недружественные действия, в следующих объемах:

— семена рапса для посева, за исключением семян рапса для посева гибридных — 0 тыс. т;
— семена рапса для посева гибридные — 2 тыс. т;
— семена подсолнечника для посева, за исключением семян подсолнечника для посева гибридных, в том числе высокоолеиновых — 0 тыс. т;
— семена подсолнечника для посева гибридные, за исключением высокоолеиновых — 7 тыс. т;
— семена подсолнечника для посева гибридные, высокоолеиновые — 0,5 тыс. т. При этом ввоз семян сои полностью запрещён.

Таким образом, особенности экономических взаимоотношений между субъектами масложирового подкомплекса выступают условием его устойчивого развития, их учет способствует активизации интеграционных процессов в нем, повышению конкурентоспособности и эффективности производства продукции и улучшению качества жизни населения. Взаимовыгодность экономических взаимоотношений в масложировом подкомплексе, учитывая его место и роль в системе продуктовых подкомплексов, в определенной степени предопределяет эффективность развития АПК в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загайтов И.Б., Терновых К.С. Основы аграрной теории (изд. 3-е). Учебное пособие. Воронеж: Истоки. 2010. 242 с.
2. Новоселова Н.Н., Шульга К.В. Экономические интересы: сущность и классификация // Всероссийский журнал Вестник академии знаний. 2018. № 27(4) С. 185–189.
3. Аршинов Г.А., Аршинов В.Г., Майнулов И.А. Управление отношениями между организациями переработки сырья и его производителями // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 79. С. 486–497.
4. Калафатов Э.А. Особенности формирования системы экономических интересов и их реализации в сельской местности // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2024. Т. 17, № 1(80). С. 162–172.
5. Васянин М.С. Ценности предпринимательского слоя современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012 № 1 (21). С. 87–97.
6. Щербаков И.В. Мотивация хозяйственной деятельности индивида с позиций новой институциональной экономической теории // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2017. Т. 16, № 5. С. 727–743.
7. Hudders L., Pandelaere M. The silver lining of materialism: The effects of luxury consumption on subjective well-being // Journal of Happiness Studies. 2012. № 13(3). p. 411–437.
8. Kasser T., Ryan R. M. Further examining the American Dream: Differential correlates of intrinsic and extrinsic goals // Personality and Social Psychology Bulletin. 1996. № 22(3). p. 280–287.
9. Городнова Н.В., Самарская Н.А. Повышение качества жизни граждан России в процессе реализации инновационных проектов // Вопросы инновационной экономики. — 2019. — № 3. — С. 721–734.
10. Устинова О.Е. Инструменты формирования системы мотивации населения к повышению качества жизни // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 3. С. 929–940.
11. Сорочинский А.В. Стимулирование деловой активности хозяйствующих субъектов: роль институциональной среды на микроуровне // Проблемы современной экономики. 2016. № 2 (58). С. 40–45.
12. Макаревич Л.О., Улезько А.В. Агропромышленная интеграция в системе сбалансированного развития агропродовольственных систем: монография. Воронеж: ВГАУ, 2021. 381 с.
13. Фирсов И.П., Соловьев А.М., Трифонова М.Ф. Технология растениеводства. М.: КолосС, 2006. 472 с.
14. Макарская Е.Ю., Кривошлыков К.М. Тенденции развития рынка масличных культур и основные меры государственной поддержки отечественной селекции в современных геополитических условиях // Масличные культуры. 2024. Вып. 2 (198). С. 108–113.
15. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.09.2023 № 1614 «О внесении изменений в Федеральную научно-техническую программу развития сельского хозяйства на 2017–2030 годы». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/do c/407687870 /#review (дата обращения: 06.05.2025).
16. В РФ создан консорциум по селекции и производству семян подсолнечника // Сетевое издание «Интерфакс.ру». URL: https://www.interfax.ru/russia/885144 (дата обращения: 06.05.2025).
17. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 января 2024 г. № 72 «О введении временного количественного ограничения на ввоз отдельных видов семян сельскохозяйственных растений». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/do c/408352807/ (дата14.05.2025).

© Чередниченко Павел Андреевич (89050491246@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.26

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

MODERN ENTERPRISE MANAGEMENT TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

E. Shchennikova
Yu. Nozdrina
N. Stukalina

Summary. The digital transformation of enterprises is an important part of the global trend of introducing innovative technologies to increase efficiency and competitiveness through the use of digital technologies. The article discusses the concept of digital transformation, modern technologies and tools of digital transformation in enterprise management: the Internet of things, big data and analytics, artificial intelligence and machine learning, automation and robotics, digital twins, cloud technologies. The advantages and benefits of using modern digital technologies in enterprise management have been identified: increased productivity, reduced costs, improved product quality, increased flexibility and adaptability, increased decision-making efficiency, increased safety, environmental sustainability, increased competitiveness, improved customer interaction, the ability to innovate and develop new business models. The features of the use of digital technologies in the management of Russian enterprises are identified and systematized. These included: active government support, digitalization in conditions of an underdeveloped digital infrastructure, import substitution, digitalization in conditions of a shortage of qualified specialists, integration with outdated management systems, a high level of cybercrime, a variety of economic sectors requiring specialized digital solutions, cultural and organizational resistance to change.

Keywords: digital transformation, digitalization, management technologies, digital technologies, management efficiency.

Щенникова Елена Ивановна
кандидат экономических наук, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет»
e_sn@mail.ru
Ноздрина Юлия Ивановна
кандидат экономических наук, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет»
nojuiv@yandex.ru
Стукалина Наталья Абековна
кандидат педагогичных наук, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет»
nataonanko@mail.ru

Аннотация. Цифровая трансформация предприятий является важной частью мировой тенденции внедрения инновационных технологий для повышения эффективности и конкурентоспособности через применение цифровых технологий. В рамках статьи рассмотрены понятие цифровой трансформации, современные технологии и инструменты цифровой трансформации в управлении предприятием: интернет вещей, большие данные и аналитика, искусственный интеллект и машинное обучение, автоматизация и роботизация, цифровые двойники, облачные технологии. Выявлены преимущества и выгоды применения современных цифровых технологий в управлении предприятием: увеличение производительности, снижение затрат, улучшение качества продукции, повышение уровня гибкости и адаптивности, повышение эффективности принятия решений, повышение уровня безопасности, достижение экологической устойчивости, повышение конкурентоспособности, улучшение взаимодействия с клиентами, возможность внедрения инноваций и развития новых бизнес-моделей. Выявлены и систематизированы особенности применения цифровых технологий в управлении российскими предприятиями. К ним были отнесены: активная государственная поддержка, цифровизация в условиях недостаточно развитой цифровой инфраструктуры, импортозамещение, цифровизация в условиях дефицита квалифицированных специалистов, интеграция с устаревшими системами управления, высокий уровень киберпреступности, разнообразие отраслей экономики, требующих специализированных цифровых решений, культурное и организационное сопротивление изменениям.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровизация, технологии управления, цифровые технологии, эффективность управления.

Введение

Конкурентоспособность экономики страны определяется её устойчивостью и способностью противостоять внутренним и внешним угрозам, а также набором условий, которые защищают национальные экономические интересы и способствуют экономическому развитию. Одной из главных проблем, препятствующих эффективному социально-экономическому развитию России, является значительное технологическое отставание различных отраслей и секторов экономики. Поэтому цифровизация стала одним из приоритет-

ных направлений государственной политики в России, а цифровая трансформация рассматривается как один из основных факторов для достижения конкурентоспособности на мировом рынке. В 2017 года на государственном уровне осуществляется ряд преобразований для поддержки цифрового развития в стране, принимаются соответствующие нормативные документы и стратегии [1–3]. Эти документы стали основой для успешного внедрения цифровых преобразований в России.

Материалы и методы исследования

Работа построена на нормативно-правовых актах в области информатизации и цифровизации экономики, научных статьях зарубежных и российских экономистов, исследовавших технологии управления в условиях цифровой трансформации. Методы исследования: нормативно-правовой метод, графический метод, логический метод, системный подход.

Результаты и обсуждения

В литературе не существует единого определения цифровой трансформации. Летунов Е.А. определяет цифровую трансформацию бизнеса как применение цифровых технологий для трансформации и улучшения деятельности предприятия, в т.ч. бизнес-модели, продуктов и услуг и др. [7].

В свою очередь, Джамай Е.В. считает, что цифровая трансформация — это изменение бизнес-модели предприятия для разработки новых продуктов или организации выхода на новые рынки [5].

Panda V., Sjödin D., Reim W. определяют цифровые технологии как основанные на цифровом коде инструменты и методы для работы с цифровой информацией с целью удовлетворения потребностей человека [11].

Обобщая мнения разных авторов, отметим, что цифровая трансформация представляется как процесс внедрения цифровых технологий в любые аспекты работы организации, что приводит к фундаментальным изменениям в том, как бизнес функционирует и как он создает ценность для своих клиентов.

Рассмотрим инструменты и технологии процесса цифровой трансформации, представленные на рисунке 1.

Применение каждой из них имеет свои особенности, обусловленные их сущностью. Интернет вещей (IoT) включает в себя сеть подключенных устройств, которые

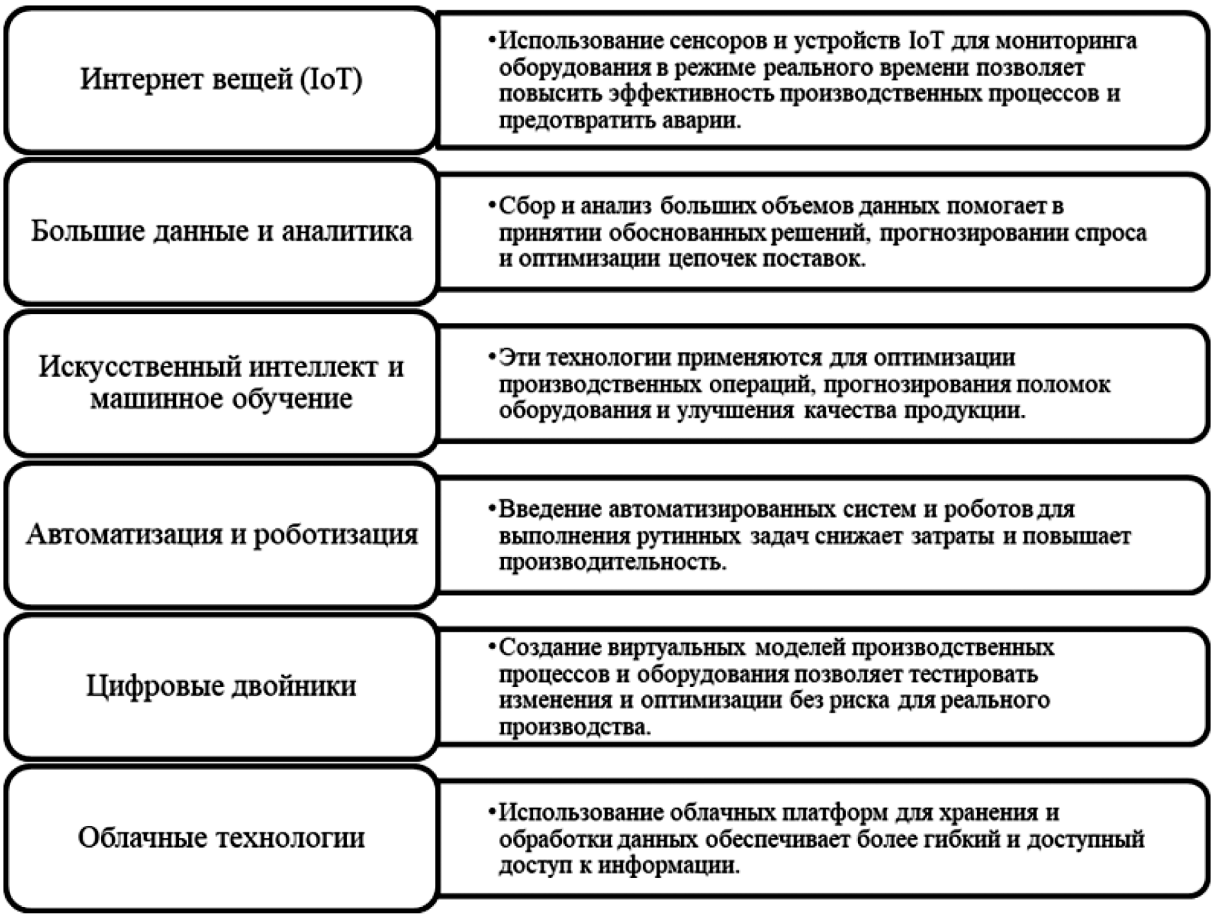


Рис. 1. Виды цифровых технологий, используемых в управлении современным предприятием

могут собирать и обмениваться данными друг с другом. В промышленности это могут быть датчики, машины и другие устройства, интегрированные в производственные процессы. В России IoT используется для мониторинга и оптимизации производственных процессов, например, для отслеживания состояния оборудования и прогнозирования его поломок [9].

Большие данные представляют собой огромные объемы информации, которые анализируются для выявления закономерностей, тенденций. На промышленных предприятиях анализ больших данных помогает оптимизировать производственные процессы, управлять запасами и улучшать качество продукции, а также более точно прогнозировать спрос и адаптировать производственные мощности [12].

Искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение позволяют системам обучаться на основе данных и принимать решения без непосредственного вмешательства человека. Они применяются для прогнозирования производственных сбоев, улучшения качества продукции, оптимизации логистики и управления энергоэффективностью, для автоматизации рутинных задач и повышения точности производственных операций [6].

В российской промышленности автоматизация и роботизация применяются в автомобилестроении, металлургии и других отраслях для повышения производительности, снижения затрат и улучшения качества продукции. Роботы используются для выполнения сложных и опасных задач, что повышает безопасность труда [8].

Цифровые двойники — это виртуальные модели физических объектов или систем, которые используются для их анализа и оптимизации. В России цифровые двойники применяются для моделирования и оптимизации производственных процессов, тестирования новых продуктов и прогнозирования производительности оборудования. Это позволяет снизить затраты на прототипирование и повысить эффективность производственных операций [4].

Облачные технологии предоставляют доступ к вычислительным ресурсам и данным через интернет, что позволяет организациям использовать мощность удаленных серверов. В российской промышленности облачные технологии используются для хранения и обработки данных, обеспечения удаленного доступа к системам и совместной работы над проектами. Это особенно актуально для крупных предприятий с распределенными филиалами и подразделениями [5].

Каждая из рассмотренных технологий способствует повышению эффективности, снижению затрат и улучшению качества продукции в российской промышленности, а также помогает предприятиям адаптироваться к быстро меняющимся условиям рынка.

Обобщая вышесказанное, представим преимущества и выгоды применения современных цифровых технологий в управлении предприятием на рисунке 2.

Обзор источников позволил выявить особенности цифровой трансформации промышленных предприятий в России, обусловленные историческими, экономическими, технологическими и другими факторами (рис. 3).

Рис. 2. Преимущества и выгоды применения современных цифровых технологий в управлении предприятием

Рис. 3. Особенности применения цифровых технологий в управлении российскими предприятиями

Так, российское правительство активно поддерживает цифровую трансформацию через национальные программы и инициативы, такие как нацпроект «Цифровая экономика» [2]. Это включает субсидии, гранты и налоговые льготы для предприятий, внедряющих цифровые технологии. В ряде регионов России существует недостаточно развитая цифровая инфраструктура, что затрудняет внедрение передовых технологий, что особенно актуально для отдаленных и труднодоступных районов.

В условиях санкционного давления и ограниченного доступа к зарубежным технологиям, российские предприятия вынуждены развивать собственные решения и продукты в рамках программ импортозамещения, что стимулирует развитие отечественных IT-компаний. При этом существует дефицит квалифицированных специалистов в области цифровых технологий, что требует от предприятий инвестиций в обучение и переподготовку персонала. Исторически многие промышленные предприятия имеют устаревшие системы управления производством, что создает дополнительные сложности при интеграции новых цифровых решений. С развитием цифровизации возрастает необходимость в защите данных и систем от киберугроз, что требует дополнительных инвестиций и внимания со стороны предприятий. Разные отрасли экономики в России имеют свои уникальные требования и особенности, что требует разработки специализированных решений для каждой из них. Вместе с тем, цифровая трансформация требует изменений в корпоративной культуре и организационной структуре, что может встречать сопротивление со стороны сотрудников. Рассмотренные особенности делают процесс цифровой трансформации в России сложным, но одновременно открывают новые возможности для роста и повышения конкурентоспособности промышленных предприятий.

Выводы

Таким образом, рассмотрены понятие цифровой трансформации, основные технологии и инструменты цифровой трансформации в управлении предприятием: интернет вещей, большие данные и аналитика, искусственный интеллект и машинное обучение, автоматизация и роботизация, цифровые двойники, облачные технологии. Выявлены преимущества и выгоды применения современных цифровых технологий в управлении предприятием. Выявлены и систематизированы особенности применения цифровых технологий в управлении российскими предприятиями. К ним отнесены: активная государственная поддержка, цифровизация в условиях недостаточно развитой цифровой инфраструктуры, импортозамещение, цифровизация в условиях дефицита

квалифицированных специалистов, интеграция с устаревшими системами управления, высокий уровень киберпреступности, разнообразие отраслей экономики, требующих специализированных цифровых решений, культурное и организационное сопротивление изменениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС Гарант. — URL: https://base.garant.ru/71670570/ (дата обращения: 02.06.2025).
2. Национальный проект «Цифровая экономика РФ» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. — URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/ (дата обращения: 02.06.2025).
3. Стратегия цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности в целях достижения их «цифровой зрелости» до 2024 года и на период до 2030 года // СПС Гарант. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401415210/?ysclid=m2wqzt2dlc300390099 (дата обращения: 02.06.2025).
4. Арифулин, Н.А. Технология «цифровых двойников» и ее применение в процессе автоматизации основных процессов промышленного предприятия // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». — 2022. — №1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-tsifrovyh-dvoynikov-i-ee-primenenie-v-protsesse-avtomatizatsii-osnovnyh-protsessov-promyshlennogo-predpriyatiya (дата обращения: 02.06.2025).
5. Джамай, Е.В. Комплексный анализ основных тенденций цифровой трансформации промышленных предприятий / Е.В. Джамай, Д.А. Фокина, Л.В. Михайлова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. — 2023. — № 2. — С. 85–92.
6. Жуков, А.О. Автоматизация и цифровая трансформация основных бизнес-процессов промышленных предприятий с помощью искусственного интеллекта / А.О. Жуков, С.В. Пономарева, Н.А. Мерзлякова // Вестник евразийской науки. — 2023. — Т. 15. — № 2. — С. 15–24.
7. Летунов, Е.А. Цифровая трансформация как ключевая стратегия роста конкурентоспособности предприятия / Е.А. Летунов // Наука XXI века: актуальные направления развития. — 2023. — № 2-1. — С. 449–451.
8. Мечикова, М.Н. Практика и перспективы внедрения технологий индустрии 4.0 на российских промышленных предприятиях в неблагополучных внешнеэкономических условиях / М.Н. Мечикова, Т.Д. Климачев // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2023. — Т. 12, № 2. — С. 100–106.
9. Мотькин, И.Д. Особенности применения интернета вещей в промышленности / И.Д. Мотькин, М.И. Кондрашов // Технологии. — 2023. — № 2-2(214). — С. 5–7.
10. Региональное управление и территориальное планирование: Учебник и практикум / Ю.Б. Миндлин, Р.Г. Погребняк, Ю.А. Симагин [и др.]. — 1-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2017. — 503 с. — (Бакалавр. Академический курс). — ISBN 978-5-534-00416-8. — EDN ZRZEIP.
11. Panda, V., Sjödin D., Reim W. Reviewing Literature on Digitalization, Business Model Innovation, and Sustainable Industry: Past Achievements and Future Promises // Sustainability. — 2019. — V. 11. — № 2. — pp. 391–395.
12. Thinakaran J., Paul S., Christudas B.C. L., Jacob G. Blockchain in Big Data for Agriculture Supply Chain // Studies in Big Data. — 2023. — №3. — pp. 257–291.

© Щенникова Елена Ивановна (e_sn@mail.ru); Ноздрина Юлия Ивановна (nojuiv@yandex.ru);
Стукалина Наталья Абековна (nataonanko@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.27

ПРОЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ КОМПАНИИ

PROJECT MANAGEMENT AS A TOOL FOR IMPLEMENTING THE COMPANY'S STRATEGY

E. Shchennikova
N. Stukalina
A. Yurasov

Summary. Project management plays an important role in the implementation of the company's strategy, providing a structured approach to achieving strategic goals. The purpose of the article is to identify the features of project management as a tool for implementing the company's strategy. This article presents the definition of a project in its general sense, as well as the general features of the project. Various approaches to the definition of project management are also considered, including the strategic approach, which defines project management as a tool for implementing the company's strategy, linking project goals with the long-term goals of the organization and ensuring the consistency of projects with common strategic priorities. The article also presents a classification of project management according to different criteria, depending on some aspects and characteristics of the projects. It is noted that project management, as a tool for strategy implementation, inevitably faces many potential risks, which are classified according to various criteria in the article. Based on the results of the study, the stages of project risk management in the process of implementing the company's strategy are proposed: the stage of risk identification, the stage of risk assessment, the stage of developing risk management strategies, the stage of monitoring and control. Effective risk management in the above steps will help minimize negative impacts on the project and increase the likelihood of its successful completion.

Keywords: project, project management, strategy, strategic management, project risks, project risk management.

Щенникова Елена Ивановна
кандидат экономических наук, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет»
e_sn@mail.ru
Стукалина Наталья Абековна
кандидат педагогичных наук, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет»
nataonanko@mail.ru
Юрасов Александр Борисович
кандидат педагогичных наук, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет»
jurasow@mail.ru

Аннотация. Проектное управление играет важную роль в реализации стратегии компании, обеспечивая структурированный подход к достижению стратегических целей. Целью статьи является выявление особенностей реализации проектного управление как инструмента реализации стратегии компании. В данной статье представлено определение проекта в его общем смысле, а также общие признаки проекта. Также рассмотрены различные подходы к определению проектного управления, в том числе стратегический подход, определяющий проектное управление как инструмент реализации стратегии компании, связывая проектные цели с долгосрочными целями организации и обеспечивая согласованность проектов с общими стратегическими приоритетами. В статье также представлена классификация проектного управления по разным критериям в зависимости от некоторых аспектов и характеристик проектов. Отмечено, что проектное управление, как инструмент реализации стратегии, неизбежно сталкивается с множеством потенциальных рисков, которые в статье классифицированы по различных признакам. По результатам исследования предложены этапы управления проектными рисками в процессе реализации стратегии компании: этап идентификации рисков, этап оценки рисков, этап разработки стратегий управления рисками, этап мониторинга и контроля. Эффективное управление рисками по предложенным выше этапам поможет минимизировать негативные воздействия на проект и увеличить вероятность его успешного завершения.

Ключевые слова: проект, проектное управление, стратегия, стратегической управление, риски проекта, управление рисками проекта.

Введение

Тема исследования является весьма актуальной, так как современные компании функционируют в условиях высокой неопределенности и постоянных изменений, а проектное управление позволяет гибко реагировать на внешние вызовы и корректировать стратегию в ответ на изменяющиеся условия. Также оно акцентирует внимание на достижении конкретных, измеримых результатов в установленные сроки и с учетом ограниченных ресурсов, что особенно важно в антикризисных условиях, когда эффективность использования ресурсов критически важна. Вместе с тем, проектное управление предоставляет структурированный подход

к управлению изменениями, что помогает минимизировать риски и сопротивление со стороны сотрудников. Следует отметить, что оно включает методы и инструменты для оценки и минимизации рисков, что помогает компании более уверенно достигать стратегических целей. Следовательно, проектное управление не только способствует эффективной реализации стратегии компании в стабильных условиях, но и является мощным инструментом для преодоления кризисов и обеспечения устойчивости бизнеса.

Материалы и методы исследования

Статья основана на материалах научных статей и изданий отечественных авторов в области проектного управления и управления рисками проектов. Методы исследования: описание, классификация, сопоставление, сравнение, аналогия, логика, графический метод исследования.

Результаты и обсуждения

Под проектом в общем смысле понимают временное предприятие, направленное на создание уникального продукта, услуги или результата, имеющее четко определенные цели, ограничения по времени и ресурсам [1]. На рисунке 1 представлены признаки проекта.

Определение проектного управления имеет несколько подходов в источниках литературы [1, 2, 4, 8, 10]. Во-первых, это классический подход, который основан на традиционных методологиях управления проектами, таких как PMBOK (Project Management Body of Knowledge). При таком подходе проектное управление рассматривается как система процессов и знаний, включающая инициацию, планирование, исполнение, мониторинг и завершение проекта. При этом основное внимание уделяется планированию, управлению сроками, бюджетом и качеством.

Во-вторых, проектное управление с точки зрения гибких методологий, к которым относятся Agile, Scrum и Kanban. В этом контексте проектное управление рассматривается как итеративный процесс, который позволяет быстро адаптироваться к изменениям и фокусироваться на потребностях клиента. Основное внимание уделяется взаимодействию, сотрудничеству и быстрой доставке результатов.

Рис. 1. Общие признаки проекта

Источник: составлено автором по данным [1, 2, 4, 10]

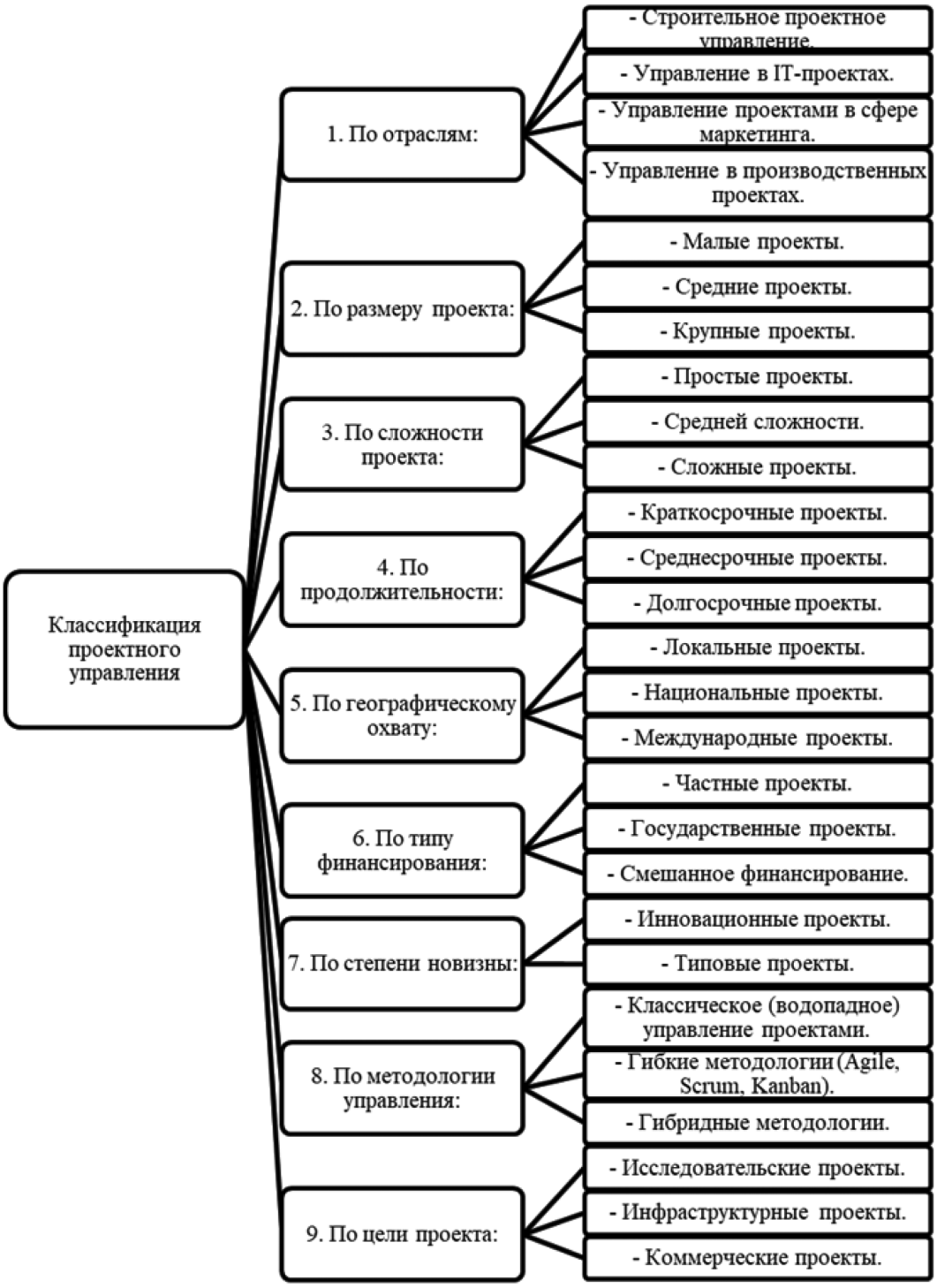


Рис. 2. Классификация проектного управления

Источник: составлено автором по данным [1, 9, 10]

В-третьих, с точки зрения системного подхода, проектное управление рассматривается как комплексная система, интегрирующая различные аспекты организации и внешней среды. Она включает управление заинтересованными сторонами, внутренними и внешними коммуникациями, а также учёт множества взаимосвязанных факторов, влияющих на проект.

В-четвертых, стратегический подход рассматривает проектное управление как инструмент реализации стратегии компании. Оно связывает проектные цели с долгосрочными целями организации, обеспечивая согласованность проектов с общими стратегическими приоритетами. В рамках данного исследования именно стратегический подход к определению проектного управления представляет наибольший интерес.

Далее представим классификацию проектного управления по разным критериям в зависимости от некоторых аспектов и характеристик проектов (рис. 2).

Также следует отметить, что проектное управление как инструмент реализации стратегии неизбежно сталкивается с множеством потенциальных рисков, которые могут повлиять на его успешную реализацию. Риски в проектах можно классифицировать по различным признакам (рис. 3).

Понимание и управление этими рисками является ключевым элементом успешного управления проектами, позволяя минимизировать негативные последствия и максимально использовать потенциальные возможности в реализации стратегии компании.

Управление рисками в проектном менеджменте — это процесс идентификации, оценки и минимизации потенциальных рисков, которые могут повлиять на успех проекта [5, 11]. Основная ответственность за управление рисками лежит на менеджере проекта, который координирует процесс оценки и минимизации рисков. Члены команды участвуют в идентификации и оценке рисков, так как они обладают специфическими знаниями и опытом в своих областях. В крупных проектах может быть выделен отдельный специалист или группа, занимающаяся исключительно управлением рисками [5–7]. Также управление рисками может частично возлагаться на заинтересованные стороны, которые включают клиентов, поставщиков и других участников, имеющих возможность внести свой вклад в идентификацию и управление рисками.

В заключение исследования представим разработанные этапы управления проектными рисками в процессе реализации стратегии компании (см. рис. 4).

Таким образом, эффективное управление рисками по предложенным выше этапам поможет минимизировать негативные воздействия на проект и увеличить вероятность его успешного завершения.

Выводы

В данной статье представлено определение проекта в его общем смысле, а также общие признаки проекта. Также рассмотрены различные подходы к определению проектного управления, в том числе стратегический подход, определяющий проектное управление как ин-

Рис. 3. Риски проектного управления

Источник: составлено автором по данным [3]

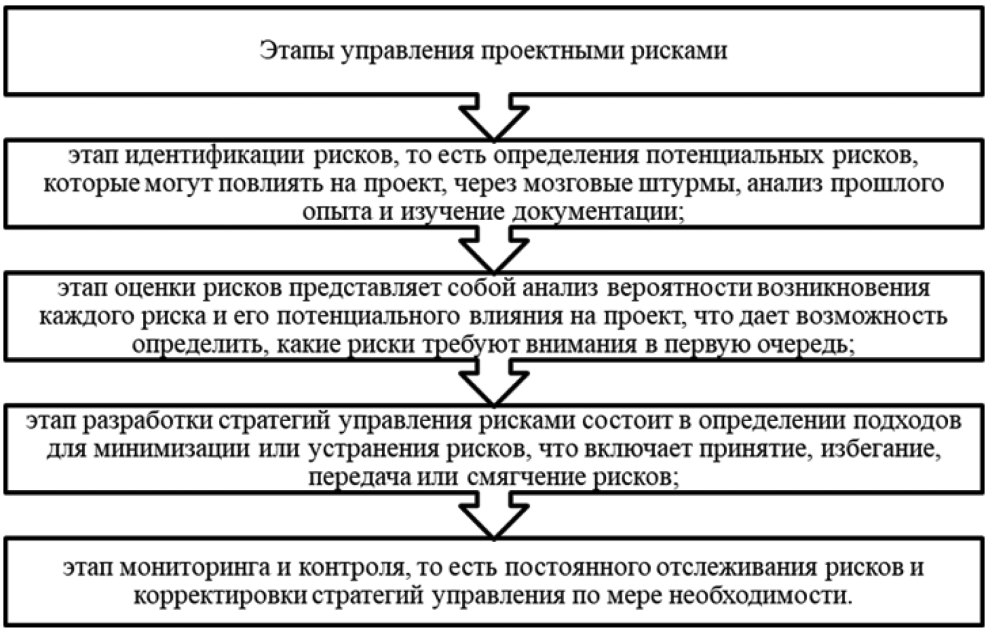


Рис. 4. Этапы управления проектными рисками в процессе реализации стратегии компании

Источник: составлено автором

струмент реализации стратегии компании, связывая проектные цели с долгосрочными целями организации и обеспечивая согласованность проектов с общими стратегическими приоритетами. В статье также представлена классификация проектного управления по разным критериям в зависимости от некоторых аспектов и характеристик проектов. Отмечено, что проектное управление, как инструмент реализации стратегии, неизбежно сталкивается с множеством потенциальных рисков, которые в статье классифицированы по различных признакам. По результатам исследования предложены этапы управления проектными рисками в процессе реализации стратегии компании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко, В.В., Тельнова О.П., Бабенко В.В. Проектный менеджмент в фундаментальных научных исследованиях // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования СГУ. — 2020. — № 2. — С. 78–89. DOI: 10.34130/2070-4992-2020-2-78-89.
2. Балашов, А.И., Рогова Е.М., Тихонова М.В., Ткаченко Е.А. Управление проектами / под общей редакцией Е.М. Роговой. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 383 с.
3. Вакорин, М.П. Проблемы проектного управления в современных IT-компаниях и направления совершенствования управления проектами / М. П. Вакорин, Я. Сулковски // Молодой ученый. — 2023. — № 9(456). — С. 82–84.
4. Зуб, А.Т. Управление проектами / А.Т. Зуб. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 397 с.
5. Котляр, Е.В. Система управления проектами Канбан / Е.В. Котляр, Е.М. Пушкарева // Бизнес-образование в экономике знаний. — 2020. — № 1(15). — С. 57–59.
6. Крекова, М.М. Моделирование программного развития профессионализма персонала в условиях цифровой экономики / М.М. Крекова, Е.М. Киселева, Ю.Б. Миндлин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2018. — № 12. — С. 47–49. — EDN YTXVPF.
7. Методологии управления проектами: 12 популярных подходов // Асана. — URL: https://asana.com/ru/resources/project-management-methodologies (дата обращения: 27.05.2025).
8. Трушин, В.А. Внедрение проектного управления на предприятии и измерение эффективности процессов управления проектами / В.А. Трушин // Экономика строительства. — 2024. — № 5. — С. 48–50.
9. Ушаков, Д.С. Классификация и описание современных подходов и методик управления проектами // Вестник Московской международной академии. — 2022. — №2. — С. 203–209.
10. Фоменко, Н.М. Проектное управление и управление проектами: опыт, отличия, тенденции и перспективы развития / Н.М. Фоменко, Ф.Д. Сафонов // Лидерство и менеджмент. — 2024. — Т. 11, № 3. — С. 1215–1232.
11. Шкурко, В.Е. Управление рисками проекта / В.Е. Шкурко; под научной редакцией А.В. Гребенкина. — 2-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 163 с.

© Щенникова Елена Ивановна (e_sn@mail.ru); Стукалина Наталья Абековна (nataonanko@mail.ru);
Юрасов Александр Борисович (jurasow@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.02

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

THE CONTEXTUAL ASPECT OF LEGAL REGULATION OF INTELLECTUAL PROPERTY

S. Alamova

Summary. The article is devoted to the contextual aspect of the legal regulation of intellectual property, understood as the combination of socio-economic, political, technological, and cultural factors influencing the formation and development of relevant legal norms. The author proceeds from the premise that intellectual property, as a result of creative activity, requires legal protection adapted to the evolving conditions of social development. The proposed approach emphasizes the necessity of an interdisciplinary analysis, including legal, economic, and sociocultural components, to provide a more comprehensive understanding of the nature of intellectual property rights. Special attention is given to the methodological significance of contextual analysis, which enables not only a retrospective evaluation of the development of legal regulation but also the forecasting of its future trends.

The article also presents a historical analysis of the evolution of copyright law, drawing on classical works, notably M.I. Brun's essay for the Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. The change in terminology from «literary property» to «copyright» and «intellectual property» is examined, reflecting the evolution of approaches to the legal nature of protected results. Particular attention is paid to the theory of «mental property», its key propositions, contribution to doctrine, and well-founded criticism. The author demonstrates how this, and other concepts have significantly influenced the formation of modern copyright law, which represents a synthesis of various theoretical directions.

The author concludes that contemporary intellectual property regulation is the outcome of an evolutionary synthesis of different theoretical concepts. Thus, the contextual approach not only contributes to a deeper understanding of the legal essence of intellectual property but also facilitates the development of more effective legal strategies amid the rapidly changing digital and globalized environment.

Keywords: intellectual property, contextual approach, copyright, theory of mental property, exclusive rights.

Аламова Светлана Мухаметовна
кандидат юридических наук,
Учреждение высшего образования
«Университет управления «ТИСБИ», г. Казань
sm-alamova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена контекстуальному аспекту правового регулирования интеллектуальной собственности. Автор исходит из того, что интеллектуальная собственность, как результат творческой деятельности, требует правовой охраны, соответствующей изменяющимся условиям общественного развития. Особое внимание уделено методологической значимости контекстуального анализа, позволяющего не только ретроспективно оценивать развитие правового регулирования, но и прогнозировать его дальнейшее движение.

В статье также проводится исторический анализ эволюции авторского права. Рассматривается изменение терминологии от «литературной собственности» до «авторского права» и «интеллектуальной собственности», отражающее эволюцию подходов к правовой природе охраняемых результатов. Отдельное внимание уделяется теории «умственной собственности», анализируются ее основные положения, вклад в доктрину и обоснованная критика.

Автор делает вывод о том, что современное регулирование интеллектуальной собственности представляет собой результат эволюционного синтеза различных теоретических концепций. Контекстуальный подход, таким образом, не только способствует глубинному осмыслению правовой сущности интеллектуальной собственности, но и позволяет выработать более эффективные правовые стратегии в условиях стремительно меняющейся цифровой и глобализированной среды.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, контекстуальный подход, авторское право, теория умственной собственности, исключительные права.

Всякое творчество зависит от содержания человеческих интересов, которые расширяются по мере развития личности и общества. Понимание не только индивидуальной, но и общественной ценности личности творца и его произведений с течением времени приводит к осознанию того непреложного факта, что наряду с предоставлением возможностей для индивидуального творчества важно обеспечить также и охрану его результатов. Итогом систематизации этих идей в юридических нормах стало право интеллектуальной собственности в его современном виде, которому предшествовала длительная эволюция. [1, с. 11]

В такой интерпретации контекстуальный аспект правового регулирования интеллектуальной собственности представляет собой взаимосвязанные и взаимоо-

бусловленные направления исследования норм права, защищающих результаты литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества.

Контекстуальный аспект правового регулирования интеллектуальной собственности предполагает, что речь идёт о синхронно представленной в каждый период совокупности факторов, условий и обстоятельств, в которых происходит изменение и развитие норм, касающихся интеллектуальной собственности. Безусловно, это направление сопряжено с историческим, но вместе с тем и отличается по объёму, так как, помимо собственно хронологии по каждому конкретному периоду, включает в себя экономические, политические, технологические и культурные феномены, которые оказывают то или иное влияние на принятие и адаптацию правовых норм, регламентирующих защиту результатов литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества в тот или иной момент времени.

Методологическая значимость данного аспекта проявляется прежде всего в том, что контекстуальный аспект позволяет анализировать, каким образом изменения в экономической, социальной и технологической среде требуют корректировок существующих норм и правил. Такое исследование способствует повышению эффективности правовой системы, поскольку адаптация законодательства к новым условиям обеспечивает его актуальность и применимость в реальной практике.

Контекстуальное исследование по определению является междисциплинарным, то есть способствует интеграции знаний из различных областей, таких как экономика, социология и право. За счёт объединения различных дисциплин не только расширяются горизонты понимания проблематики интеллектуальной собственности, но и появляется возможность находить более эффективные комплексные решения в сфере правотворчества и правоприменения [2, с.143].

Понимание контекста играет важную роль в выявлении интересов всех участников правового процесса — авторов, предпринимателей, потребителей и общества в целом. Это знание способствует гармонизации прав и обязанностей, что является необходимым условием для обеспечения справедливого и устойчивого регулирования в сфере интеллектуальной собственности.

Наконец, анализ контекстуальных факторов предоставляет возможность прогнозировать направления изменений в праве. Такая предсказуемость имеет особое значение для бизнеса и правозащитников, стремящихся адаптировать свои стратегии к новым вызовам и условиям правовой среды.

Таким образом, контекстуальный аспект правового регулирования интеллектуальной собственности акцентирует внимание на текущих условиях и факторах, способствующих либо препятствующих изменениям в правовом регулировании. При этом он не только обогащает наше понимание цивилистического института интеллектуальной собственности, но и служит основой для формирования стратегий, обеспечивающих его дальнейшее развитие в условиях быстро меняющегося мира.

Согласно циклическим представлениям, развиваемым в рамках теории цивилизаций, развитие общества и государства подчинено нескольким фундаментальным закономерностям, в их числе

1) цикличность и ритмичность:
— развитие подчиняется циклическим закономерностям и характеризуется чередованием фаз роста, расцвета, кризисов и трансформаций;
— наблюдаются устойчивые ритмы, повторяющиеся колебания в динамике различных сфер жизни;
2) взаимосвязь и взаимообусловленность элементов:
— изменения в одной сфере (например, технологической или социально-политической) вызывают трансформации в других областях;
— все компоненты находятся в системном единстве, выступают как целостность взаимосвязанных компонентов;
3) неравномерность и многовариантность:
— темпы и характер государственно-правового развития неодинаковы, что обусловливает неравномерность и многообразие в сфере правопорядка;
4) важность духовной составляющей:
— наука, культура, ценности играют ключевую, определяющую роль в функционировании и трансформации жизни общества и государства [3, с. 116–117].

В линейном и циклическом представлении находят своё выражение интересующий нас в первую очередь контекстуальный, а также исторический аспекты исследования правового регулирования интеллектуальной собственности.

В обширной литературе вопроса мы также находим материалы, корреспондирующие обоим аспектам. Не задаваясь целью составления подробного литературного обзора, отметим несколько работ, в наибольшей степени соответствующих идеям, развиваемым в настоящей диссертации.

В хронологическом порядке первой в этом ряду является статья, которая была подготовлена для Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1890–1907) российским юристом М.И. Бруном, внёсшим значительный вклад в дореволюционную отечественную цивилистику [4].

Согласно названному источнику, литературная собственность (также музыкальная и художественная) — это термин, обозначающий авторское право в российском законодательстве. Данный термин, как и французское понятие «propri été litté raire et artistique», отражает одну из юридических теорий по этому вопросу. Более точными терминами являются английское «copyright» (право воспроизведения), немецкое «Urheberrecht» и термины новых (с 1866 г.) французских законов и международных конвенций — «droit d'auteur».

Впоследствии термин «литературная собственность» постепенно вышел из употребления в юридической практике и научной литературе. Это было обусловлено как изменением подходов к пониманию правовой природы охраняемых результатов творческой деятельности, так и стремлением к большей терминологической точности. В советском и постсоветском праве его заменил термин «авторское право», отражающий не столько вещно-правовую природу, сколько совокупность личных неимущественных и имущественных прав автора. Позднее, в связи с расширением круга объектов охраны и унификацией законодательства, утвердился более широкий термин «интеллектуальная собственность», охватывающий как авторские и смежные права, так и права на результаты технического творчества и средства индивидуализации.

В правовой доктрине сформировался целый ряд теоретических подходов к объяснению природы авторского права. На различных этапах его развития предлагались различные концепции, отражающие разнообразие взглядов на юридическую сущность и социальную функцию охраны результатов творческой деятельности. Среди них можно выделить теорию умственной собственности, теорию исключительных прав, теорию личных прав, теорию естественного права, теорию труда, теорию монополии, а также концепции, акцентирующие внимание на вознаградительном и социально-функциональном аспектах правовой охраны [5]. Каждая из них подвергалась критике, однако ни одна не была окончательно отвергнута.

Например, в соответствии с теорией «умственной собственности» результаты интеллектуального творчества должны рассматриваться наравне с материальными вещами как объекты права собственности. Основные положения этой теории сводятся к следующему:

1. В каждом литературном, музыкальном или художественном произведении существует некое нематериальное начало, отдельное от материального носителя (рукописи, полотна, ноты и т.п.). Это «форма», «текст», «идея» произведения.
2. Это нематериальное содержание и составляет объект права интеллектуальной (или «умственной») собственности, которым автор может распоряжаться так же, как собственник материальной вещи.
3. Данное нематериальное «нечто» может отчуждаться путём дарения, продажи, завещания, подобно материальной собственности. Тем самым теория «умственной собственности» расширяет традиционное понятие права собственности, включая в него и нематериальные объекты.
4. Сторонники этой теории полагали, что авторское право должно пользоваться вечной защитой, подобно праву собственности на материальные вещи. Ограничение сроков действия авторского права рассматривалось ими как неоправданное ограничение права собственности.

Теория «умственной собственности» представляла собой попытку обосновать авторское право на основе трудовой теории собственности Джона Локка. В соответствии с этой концепцией, результаты интеллектуального творчества приравнивались к материальным объектам и рассматривались как объекты индивидуальной собственности, на которые автор обладает исключительными правами распоряжения. Такой подход позволял интерпретировать авторское право как продолжение классического института собственности, распространяя его на нематериальные результаты интеллектуальной деятельности и, тем самым, устраняя представление о привилегированном характере авторских прав [6, с. 77–78].

Вместе с тем теория «умственной собственности» подвергалась обоснованной критике, в частности за то, что произведение, будучи обнародованным, выходит из исключительного распоряжения автора и становится частью культурного достояния общества. С этих позиций право автора на произведение не может быть абсолютным правом собственности, а должно пониматься как ограниченное исключительное право на воспроизведение, распространение и иные способы использования [7, с. 91–92].

В итоге теория «умственной собственности» не получила всеобщего признания. На рубеже XIX–XX веков в правовой науке возобладало представление об авторском праве как об особом имущественном праве, отличном от вещных, обязательственных и личных прав [8, с. 107]. Это способствовало формированию подхода, при котором авторское право занимает самостоятельное место в системе гражданско-правовых институтов

Несмотря на указанную критику, теория «умственной собственности», наряду с другими подходами, оказала значительное влияние на формирование концептуальных основ авторского права. Современное авторское право, в особенности в континентальной правовой системе, представляет собой результат эволюционного

синтеза различных теоретических направлений, сочетающего элементы личного и имущественного, частного и публичного, естественного и нормативно установленного [9, с. 90–91]

Объектом авторского права является литературное, музыкальное или художественное произведение, являющееся результатом творческой деятельности. Не имеет значения размер, жанр, художественные достоинства или нравственность произведения. Защита распространяется также на переводы, обработки, компиляции и другие производные произведения.

Авторское право возникает с момента создания произведения и не требует специальной регистрации или какого-либо иного юридического оформления. Оно охраняет как личные неимущественные, так и имущественные права автора. Срок действия имущественных прав в большинстве правопорядков ограничен и, как правило, составляет всю жизнь автора и определённое количество лет после его смерти. В соответствии с положениями Бернской конвенции срок охраны устанавливается не менее 50 лет post mortem auctoris. Вместе с тем национальные законодательства отдельных государств предусматривают иные, чаще всего более продолжительные сроки. Например, в странах Европейского союза, а также в Российской Федерации, действует срок в 70 лет после смерти автора [10].

Нарушение авторских прав может выражаться в различных формах неправомерного использования охраняемых результатов творческой деятельности. К наиболее распространённым относится плагиат, то есть присвоение авторства на чужое произведение либо использование его фрагментов без указания подлинного автора. Другая форма нарушения представляет собой контрафакцию, под которой понимается незаконное воспроизведение и (или) распространение произведения без согласия правообладателя. В зависимости от характера и степени общественной опасности такие деяния могут повлечь как гражданско-правовую, так и административную либо уголовную ответственность [11, с. 90].

Ключевым правомочием автора является исключительное право на публичное исполнение или постановку своего произведения. Данное право существует наряду с правом на воспроизведение в печати и охраняется аналогичным образом.

В заключении М.И. Брун приходит к выводу, что авторское право представляет собой сложный правовой институт, призванный обеспечить баланс интересов авторов, издателей и общества в целом.

Таким образом, можно считать, что на рубеже XIX–XX веков в отечественной цивилистике уже сложилось доктринальное понимание института авторского права, не утратившее актуальность и в наши дни. Его компоненты в изложении М.И. Бруна суть следующие:

1. Понятие и сущность авторского права. Авторское право определяется как исключительное право на воспроизведение и распространение литературных, музыкальных и художественных произведений. Оно возникло в связи с развитием книгопечатания и гравирования и первоначально преследовало цель защиты интересов издателей, а затем — авторов.
2. Объект авторского права. Объектом авторского права признается результат интеллектуального творчества, воплощённый в определённой объективной форме. Это могут быть как оригинальные произведения, так и производные от них (переводы, переработки, компиляции). Обосновывается, что не всякий продукт умственной деятельности может быть объектом авторского права, а лишь тот, который предназначен для распространения в книжной торговле.
3. Субъекты авторского права. Рассматриваются вопросы принадлежности авторского права при соавторстве, заказном выполнении произведений, участии юридических лиц. Особо отмечается, что после смерти автора его права переходят к наследникам.
4. Срок действия авторского права. Обосновывается необходимость ограничения срока действия авторского права определённым периодом, поскольку бессрочная защита противоречила бы интересам общества в свободном использовании культурных ценностей. Приводится сравнительный анализ законодательных подходов к установлению сроков авторской охраны.
5. Нарушения авторского права и ответственность за них. Выделяются две основные формы нарушения — плагиат и контрафакция. Раскрываются признаки каждого из них, а также меры гражданско-правовой и уголовной ответственности.
6. Особенности правовой охраны отдельных видов произведений. Рассматриваются специфические аспекты защиты авторских прав на драматические, музыкальные и художественные произведения, в том числе право на публичное исполнение.

Анализируемый очерк М.И. Бруна о литературной собственности, вошедший в Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, даёт основания для выводов о влиянии на развитие авторского права господствующих в обществе идей и представлений. Приведём несколько аргументов в пользу этого утверждения:

1. На ранних этапах становления авторского права основной целью его защиты была не столько охрана интересов авторов, сколько поддержка издательской и типографской промышленности.

Лишь со временем идея о необходимости обеспечения экономических интересов самих авторов получила признание.

2. Теория «умственной собственности», согласно которой результаты интеллектуального труда должны рассматриваться наравне с материальными вещами, пользовалась широкой популярностью во Франции и Германии, хотя подвергалась критике в Англии. Это отразилось на законодательных подходах к авторскому праву в этих странах.
3. Противостояние между защитниками «вечной» охраны авторских прав и сторонниками ограничения сроков защиты отражает конфликт между интересами авторов и их наследников, с одной стороны, и общественными потребностями в свободном доступе к культурным ценностям — с другой. Перевес получили аргументы в пользу временной, а не бессрочной защиты.
4. Включение в число объектов авторского права произведений, имеющих прикладное, а не только художественное значение (справочники, каталоги и т.п.), свидетельствует об эволюции представлений об интеллектуальной собственности в сторону признания её более широких границ.

Таким образом, М.И. Брун показывает, что эволюция авторского права определялась не только юридическими, но и социально-экономическими, культурными и идеологическими факторами, отражавшими доминирующие в обществе воззрения на природу и назначение интеллектуальной собственности.

С учётом изложенного приходим к заключению, что посредством синтеза контекстуального и исторического подходов можно установить несколько ключевых факторов преемственности в сфере авторского права.

Во-первых, это фундаментальная природа авторского права. Авторское право регулирует базовые отношения между авторами творческих произведений и обществом. Эти отношения имеют глубокие исторические корни и связаны с самой сущностью интеллектуальной деятельности человека. Во-вторых, это неизменность потребностей авторов и общества. Несмотря на технологические изменения, основные интересы авторов в получении вознаграждения и признания, а также интересы общества в доступе к знаниям и культуре остаются схожими. В-третьих, это сложность и многогранность проблематики. Авторское право затрагивает правовые, экономические, социальные, этические аспекты. Поиск оптимального баланса этих интересов требует постоянной адаптации, но сама необходимость этого баланса сохраняется. В-четвёртых, это преемственность законодательного опыта. Исторический опыт регулирования авторских прав, сформировавшиеся доктрины и судебная практика создают основу, на которую опираются современные подходы. В-пятых, это международный характер проблематики. Необходимость согласования национальных подходов в условиях глобального распространения произведений также способствует сохранению преемственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова, Е.Б. Эволюция института авторского права в контексте признания естественных прав человека // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 1. — С. 9–16.
2. Елькина, Е.Е., Кононова, О.В., Прокудин, Д Е. Типология контекстов и принципы контекстного подхода в междисциплинарных научных исследованиях // Современные информационные технологии и ИТ-образование. — 2019. — № 1. — С. 141–153.
3. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: в 2-х т. / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец. — М.: Институт экономических стратегий, 2006. — Т. 1. — 768 с.
4. Брун, М.И. Литературная собственность // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: https://www.vehi.net/brokgauz/ (дата обращения: 27.01.2025).
5. Лабзин, М.В. Научные концепции понимания права интеллектуальной собственности // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. — 2014. — № 8. — С. 57–68.
6. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / под общ. ред. М.А. Рожковой. — М.: Статут, 2018. — 271 с.
7. Нурулаев, Р.Т. Обоснование необходимости регулирования авторских прав в Интернете // Труды Института государства и права РАН. — 2013. — № 5. — С. 91–101.
8. Лебедь, В.В. Творческие произведения как объекты французского авторского права // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2010. — № 2. — С. 104–115.
9. Матвеев, А.Г. Типологизация теорий авторских прав и их современное значение // Труды Института государства и права РАН. — 2025. — Т. 20. № 1. — С. 82–109.
10. Бузанов, В.Ю. Авторское право: сага о сроках // Журнал российского права. — 2014. — № 6 (210). — С. 73–81.
11. Канатов, Т.К. Плагиат и контрафакт как основные нарушения субъективных авторских прав и их пути решения: опыт России и Германии // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. — 2011. — № 1 (21). — С. 90–94.

© Аламова Светлана Мухаметовна (sm-alamova@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.04

О КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

ON THE COORDINATION OF THE ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES FOR THE PREVENTION AND REDEMPTIONOF OFFENSES

Zh. Borodina
N. Medvedeva

Summary. The article is devoted to topical issues of coordinating the activities of public authorities in the prevention and prevention of offenses. The analysis of the ways of organizing coordination bodies in St. Petersburg and the Leningrad region in the field under study is carried out. Attention is focused on the issues on the agenda of the coordination meetings on crime prevention, as well as the bodies carrying out this activity. The indicators of the crime rate in the specified subjects of the Russian Federation are reflected. As an element of the article that has signs of scientific novelty, the authors proposed to identify the Prosecutor's Office of the Russian Federation as the sole coordinator of work on the prevention and prevention of offenses and crimes.
The purpose of this study is to analyze the existing ways of coordinating the prevention and prevention of offenses in order to eliminate disagreements and legal uncertainty in this matter.

Keywords: coordination, prevention, prevention of offenses, commission, coordination meeting, working group.

Бородина Жанна Викторовна
начальник юридического подразделения, Октябрьская дирекция инфраструктуры — структурное подразделение Центральной дирекции инфраструктуры — филиала ОАО «РЖД», Санкт-Петербург
borodinajanna@mail.ru
Медведева Надежда Васильевна
кандидат экономических наук, доцент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург
medvedeva-nv@ranepa.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам координации деятельности органов публичной власти по профилактике и предупреждению правонарушений. Проведен анализ способов организации координационных органов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в исследуемой сфере. Акцентировано внимание на вопросах, составляющих повестку координационных совещаний по профилактике правонарушений, а также органах, осуществляющих данную деятельность. Отражены показатели уровня преступности в указанных субъектах Российской Федерации. В качестве элемента статьи, имеющего признаки научной новизны, авторами предложено определить прокуратуру Российской Федерации в качестве единственного координатора работы по профилактике и предупреждению правонарушений и преступлений.
Целью настоящего исследования является анализ существующих способов осуществления координации профилактики и предупреждения правонарушений в целях устранения разногласий и правовой неопределенности в данном вопросе.

Ключевые слова: координация, профилактика, предупреждение правонарушений, комиссия, координационное совещание, рабочая группа.

Введение

Под легальной дефиницией понятия «правонарушение» законодатель предлагает понимать преступление или административное правонарушение, представляющие собой противоправное деяние (действие, бездействие), влекущее уголовную или административную ответственность[1]. В юридической литературе по вопросу дефиниции понятий «профилактика» и «предупреждение» правонарушений высказываются различные мнения. Титушкина Е.Ю. и Иванов С.С. полагают, что сущность формулировок «предупреждение» и «профилактика» являются родственными понятиями и преследуют одну цель — не допускать совершения правонарушений [21]. Гулягин А.Ю. и Богданова Т.В. полагают, что данные понятия тождественны [5]. Мы исходим из единства сущности указанных терминов, поскольку и «профилактика», и «предупреждение» служат одной цели — исключению самого факта совершения правонарушений путем оказания воспитательного воздействия на лиц для недопущения совершения ими антиобщественного поведения.

[1] См. п. 1 ст. 2 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3851.

Координация деятельности включена в систему профилактики правонарушений и реализуется путем создания межведомственных, ведомственных и региональных координационных органов[2].

В частности, в 2008 году создана Правительственная комиссия по профилактике правонарушений, полями взаимодействия которой являются:

— информирование Правительства Российской Федерации о принимаемых руководителями федеральных органов исполнительной власти и исполнительных органов субъектов Российской Федерации мерах по устранению причин и условий совершения правонарушений;
— информирование руководителей федеральных органов исполнительной власти и исполнительных органов субъектов Российской Федерации о необходимости принятия мер по устранению выявленных недостатков;
— осуществление взаимодействия с общественными объединениями и иными организациями при решении проблем профилактики правонарушений[3].

В целях совершенствования деятельности по обеспечению правопорядка используется такой способ взаимодействия, как координационное совещание, задачами которого являются:

a) обобщение и анализ информации о состоянии правопорядка в субъектах Российской Федерации, а также прогнозирование тенденций развития ситуации в этой области;
b) анализ эффективности деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации и территориальных органов иных федеральных органов исполнительной власти, исполнительных органов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по обеспечению правопорядка в субъектах Российской Федерации;
c) разработка мер, направленных на обеспечение правопорядка в субъектах Российской Федерации;
d) организация взаимодействия территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, исполнительных органов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также указанных органов с институтами гражданского общества и социально ориентированными некоммерческими организациями по вопросам обеспечения правопорядка в субъектах Российской Федерации. (Такие координационные совещания не подменяют координационные совещания руководителей правоохранительных органов, антинаркотические и антитеррористические комиссии, а также не затрагивают в оперативно-разыскную и уголовно-процессуальную деятельность органов дознания, следователей и судебную деятельность)[4].

Вопросы эффективности координации деятельности органов публичной власти, в том числе правоохранительных органов по профилактике и предупреждению правонарушений являлись предметами множественных исследований, в том числе Бородиной Ж.В. [3, С. 437–450], Винокурова А.Ю. [4, С. 620–626], Гулягина А.Ю., Богдановой Т.В. [5, С. 49–53], Карицкой А.А. [12, С. 148–160], Нижник А.О. [15, С. 75–78], Семьяновой Л.В. [20, С. 21–25] и других.

Авторами статьи выявлена неполнота правовой регламентации механизмов координации и методик их осуществления, а также выявлено дублирование органов, осуществляющих координацию профилактики и предупреждения правонарушений. Данные вопросы не разрешены на протяжении многих лет, что актуализирует научный поиск подходов к их решению.

Методологию статьи составляет междисциплинарный подход, основанный на взаимосвязи координационной парадигмы развития и общей теории профилактики, концептуально-методологический, формально-юридический и функциональный методы.

Координация профилактики правонарушений в Санкт-Петербурге и Ленинградской области

В Санкт-Петербурге координацию деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, правоохранительных и иных органов, организаций, предприятий и учреждений различных форм собственности и граждан по профилактике правонарушений осуществляет Комитет по вопросам законности, правопорядка и безопасности. Способом взаимодействия выступает работа в рамках постоянно действующей Межведомственной комиссии по профилактике правонарушений при Правительстве Санкт-Петербурга.

[2] См. п. 3 ст. 2, п. 3 ст. 8. Ч. 1 ст. 30 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3851.

[3] См. п. 3 Положения о Правительственной комиссии по профилактике правонарушений, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 28.03.2008 № 216 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 14. Ст. 1410.

[4] См. п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 11.12.2010 № 1535 «О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 50. Ст. 6656.

Полями взаимодействия данной комиссии являются:
- координация деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, правоохранительных и иных органов, организаций, предприятий и учреждений различных форм собственности, граждан по профилактике правонарушений;
- подготовка предложений и рекомендаций, участие в подготовке законов и иных нормативных правовых актов с учетом приоритетных направлений деятельности по профилактике правонарушений;
- внесение на рассмотрение Правительства Санкт-Петербурга и Губернатора Санкт-Петербурга предложений по комплексу мер по профилактике правонарушений;
- взаимодействие в установленном порядке в пределах своей компетенции с органами и организациями по приоритетным направлениям деятельности по профилактике правонарушений[5].

По итогам 2024 года в Санкт-Петербурге отмечено ухудшение ситуации с преступностью в целом. Наибольший рост числа зарегистрированных преступлений в сравнении с 2023 годом зафиксирован в Колпинском (+17,7 %), Адмиралтейском (+12,2 %) и Кировском (+10,8 %) районах. Общая раскрываемость преступлений в Санкт-Петербурге снизилась на 2,2 процентных пункта и составила 39,1 %. За год раскрыто 24 584 преступлений[6]. В 2024 году профилактических визитов на предприятия Санкт-Петербурга было совершено в девять раз больше, чем плановых и внеплановых проверок[7].

Для сравнения рассмотрим вопросы координации деятельности на примере Ленинградской области. В данном субъекте Российской Федерации координирующий орган в сфере профилактики правонарушений образован на базе Комиссии по профилактике правонарушений в Ленинградской области[8], полями взаимодействия которой является координация деятельности исполнительных органов Ленинградской области, участвующих в профилактике правонарушений[9].

Уполномоченным исполнительным органом Ленинградской области, ответственным за формирование официальных статистических данных и обобщенных результатов мониторинга в сфере профилактики правонарушений, определен Комитет правопорядка и безопасности Ленинградской области[10].

В августе 2024 года произошли изменения в организации деятельности комиссии по профилактике правонарушений: число заседаний комиссии было сокращено до 2 раз в год; координационная роль комиссии изменилась с прикладной на практически значимую; рекомендательный характер решений комиссии заменен на обязательный; расширен формат работы комиссии (очный, заочный, видеоконференция); конкретизированы задачи её рабочих органов (рабочих групп), такие как:
- разработка конкретных адресных программ, расчет используемых сил и средств, необходимых для реализации профилактических мероприятий;
- обеспечение участия органов и учреждений системы профилактики в реализации профилактических мероприятий;

[5] См. Положение о Межведомственной комиссии по профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге при Правительстве Санкт-Петербурга, утвержденного постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 07.09.2007 № 1129. [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=131190179&backlink=1&&nd=131032852&rdk=0&refoid=131190198 (дата обращения: 22.04.2025).

[6] Правопорядок и общественная безопасность в Санкт-Петербурге. Аналитическая справка по итогам 2024 года. Сайт Комитета по вопросам законности, правопорядка и безопасности. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.gov.spb.ru/napravleniya-deyatelnosti/koordinaciya-raboty-po-profilaktike-prestupnosti/ (дата обращения: 22.04.2025).

[7] В Петербурге подвели итоги работы по реформированию контрольно-надзорной деятельности в сфере бизнеса. Сайт АО «ГАТР». 26.02.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://tvspb.ru/news/2025/02/26/v-peterburge-podveli-itogi-raboty-po-reformirovaniyu-kontrolno-nadzornoj-deyatelnosti-v-sfere-biznesa (дата обращения: 22.04.2025).

[8] См. Постановление Губернатора Ленинградской области «Об образовании комиссии по профилактике правонарушений в Ленинградской области» от 23.12.2016 № 96-пг. [Электронный ресурс]. URL: https://npa.lenobl.ru/docs/governor/view/45876/ (дата обращения: 23.04.2025).

[9] В состав Комиссии входят представители: ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области; ГУ МЧС России по Ленинградской области; ГУ Росгвардии по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области; ГУЗ «Ленинградский областной наркологический диспансер» (подведомственного Комитету по здравоохранению Ленинградской области); Комитета общего и профессионального образования Ленинградской области; Комитета по культуре и туризму Ленинградской области; Комитета по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области; Комитета по молодежной политике Ленинградской области; Комитета по печати Ленинградской области; Комитета по социальной защите населения Ленинградской области; Комитета по труду и занятости населения Ленинградской области; Комитета по физической культуре и спорту Ленинградской области; Комитета правопорядка и безопасности Ленинградской области; Комитета экономического развития и инвестиционной деятельности Ленинградской области; УТ МВД России по Северо-Западному федеральному округу; УФСИН по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

[10] См. 4 постановления Правительства Ленинградской области от 29.11.2017 № 501 «О мерах по реализации отдельных вопросов в сфере профилактики правонарушений в Ленинградской области» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 05.12.2017.

— выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений[11].

Предупреждение правонарушений в Ленинградской области включает в себя сложную, многоуровневую систему мер по удержанию от противоправных действий граждан, в том числе тех лиц, чей образ жизни и поведение указывают на высокую вероятность таких проявлений. Одной из форм профилактики и предупреждения правонарушений являются меры административного воздействия, реализуемые в рамках действующего административного законодательства[12]. Продолжает отмечаться слабая профилактическая роль административных комиссий Ленинградской области в части устранения причин и условий совершения правонарушений. За последние 12 лет зарегистрирован самый высокий уровень повторной преступности.

Проблема поддержания правопорядка и профилактика правонарушений силами полиции для Ленинградской области является особо значимой и в силу того, что область является единственным субъектом Российской Федерации, который не имеет отдельного территориального органа Министерства внутренних дел (Санкт-Петербург и Ленинградскую область обслуживает одно управление)[13].

Данную проблему было предложено решить путем создания муниципальной милиции как нового правоохранительного института, способного приблизить правоохранительную деятельность к потребностям граждан[14], однако данный институт не был создан. Альтернативой явилось внедрение аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»[15]. Ленинградская область входит в список пилотных субъектов Российской Федерации, которые участвуют в проведении опытной эксплуатации автоматизированной информационной системы в сфере защиты прав несовершеннолетних и профилактики их антиобщественного и противоправного поведения («Профилактика»). В 2024 году в деревне Верхние Осельки, поселке Янино, городе Мурино и поселке Бугры Всеволожского муниципального района Ленинградской области была введена в действие система мониторинга оперативной обстановки «Профилактика-ЧП», согласно которой при осложнении оперативной обстановки предоставляется право координационным органам в сфере профилактики правонарушений на любом уровне обеспечить выбор и оперативное введение в действие мер комплексного и узкоспециализированного характера.

Исследователи Пятов А.А., Дмитрик Н.А. и Добролюбова Е.И. отмечают, что формирование цифрового подхода [17], рассматривающего инструменты управления по результатам в симбиозе «нового государственного менеджмента» (New Public Management)[16] с новыми информационными технологиями [7], может служить основой для развития принципов управления, ориентированного на результат. Эту основу составляет использование больших данных о достигаемых результатах в оперативном режиме, использование искусственного интеллекта, позволяющего обрабатывать тысячи параметров для принятия оперативных решений [8].

---

[11] Постановление Губернатора Ленинградской области от 27.08.2024 № 59-пг «О внесении изменений в постановление Губернатора Ленинградской области от 23 декабря 2016 года № 96-пг «Об образовании комиссии по профилактике правонарушений в Ленинградской области» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 02.09.2024.

[12] Областной закон Ленинградской области «Об административных правонарушениях» от 02.07.2003 № 47-оз, Областной закон Ленинградской области «О наделении органов местного самоуправления муниципальных образований Ленинградской области отдельными государственными полномочиями Ленинградской области в сфере административных правоотношений» от 13.10.2006 № 116-оз, Постановление Правительства Ленинградской области от 07.08.2009 № 256 «Об образовании административной комиссии Ленинградской области» и муниципальных правовых актов. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/891815508 (дата обращения: 23.04.2025).

[13] Результаты мониторинга в сфере профилактики правонарушений на территории Ленинградской области в 2023 году. Сайт Комитета правопорядка и безопасности Ленинградской области. [Электронный ресурс]. URL: https://kpb.lenobl.ru/media/uploads/userfiles/2024/05/02/2023_%D0%B3%D0%BE%D0%B4.pdf (дата обращения: 23.04.2025).

[14] См. Пояснительную записку к проекту № 385-7 федерального закона «О муниципальной милиции в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/385-7 (дата обращения: 23.04.2025).

[15] Целью построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» является повышение общего уровня общественной безопасности, правопорядка и безопасности среды обитания за счет существенного улучшения координации деятельности сил и служб, ответственных за решение этих задач, путем внедрения на базе муниципальных образований (в соответствии с едиными функциональными и технологическими стандартами) комплексной информационной системы, обеспечивающей прогнозирование, мониторинг, предупреждение и ликвидацию возможных угроз, а также контроль устранения последствий чрезвычайных ситуаций и правонарушений с интеграцией под ее управлением действий информационно-управляющих подсистем дежурных, диспетчерских, муниципальных служб для их оперативного взаимодействия в интересах муниципального образования (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 03.12.2014 № 2446-р «Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 50. Ст. 7220).

[16] Суть социально-политического движения «Новый государственный менеджмент» (New Public Management) как противопоставления традиционному государственному управлению (Public Administration) заключается в переносе на государственные учреждения, предоставляющие гражданам общественные или социально значимые блага, принципов управления коммерческими организациями.

Зонами взаимодействия координационных органов в сфере профилактики правонарушений являются:

— выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений и иных правонарушений (в том числе наркомании, токсикомании, алкоголизма, табакокурения, маргинального образа жизни, антиобщественного поведения);
— формирование правового гражданского общества, основанного на принципах правовой грамотности, взаимоуважения, терпимости и добрососедских отношений;
— взаимодействие субъектов профилактики правонарушений с руководителями трудовых коллективов, педагогами, психологами, врачами-наркологами, членами общественных формирований Ленинградской области, участвующими в охране общественного порядка и иными институтами гражданского общества[17].

Помимо прочего, на территории Ленинградской области действует и Межведомственная рабочая группа по профилактике преступности, созданная при прокуратуре Ленинградской области,, которая осуществляет обмен информацией по актуальным проблемам борьбы с преступностью и профилактике правонарушений; анализ и внедрение новых форм и методов работы по предупреждению преступности; проведение совместных мероприятий[18].

Координацию контрольной (надзорной) деятельности осуществляет Сектор координации контрольной (надзорной) деятельности Комитета экономического развития и инвестиционной деятельности Ленинградской области, полями взаимодействия которого являются:

— обеспечение координацию деятельности органов исполнительной власти Ленинградской области, уполномоченных на осуществление государственного контроля (надзора), органов местного самоуправления Ленинградской области, уполномоченных на осуществление муниципального контроля, по осуществлению и совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности в Ленинградской области и реализации норм Федерального закона № 248-ФЗ[19];
— осуществление методического обеспечения деятельности региональных контрольных (надзорных) органов и муниципальных органов контроля по вопросам регионального государственного контроля (надзора), муниципального контроля;
— осуществление мониторинга эффективности деятельности региональных контрольных (надзорных) органов и муниципальных органов контроля с целью методической поддержки процессов совершенствования контрольной (надзорной) деятельности;
— обеспечение функционирования межведомственной рабочей группы по вопросам реализации Федерального закона № 248-ФЗ исполнительными органами Ленинградской области и органами местного самоуправления.

На основании вышеизложенного, приходим к выводу, что в рассматриваемых субъектах Российской Федерации отсутствует единый подход к созданию, формированию и организации деятельности координационных органов, а также определению их полномочий и порядка деятельности в области профилактики правонарушений.

Особое место прокуратуры в системе координации

Помимо прочего, координационные органы в сфере профилактики правонарушений могут создавать ведомственные координационные органы, в частности прокуратура Российской Федерации.

Исследователь Винокуров А.Ю. полагает, что данная юридическая норма является некорректной, поскольку при координации усилий органов прокуратуры характер такого сотрудничества должен быть межведомственным, а при координации усилий по профилактике правонарушений внутри прокурорской системы следует говорить не об органах, а о рабочих группах внутри конкретного органа прокуратуры [4].

Рябцев В.П., Алексеев А.И., Бессарабов В.Г. полагают, что правовое регулирование и содержание координирующей функции прокуратуры нуждаются в изменениях, поскольку в настоящее время закон возлагает на прокуратуру координацию деятельности только правоохранительных органов по борьбе с преступностью

[17] Распоряжение Губернатора Ленинградской области от 27.08.2024 № 590-рг «О порядке введения в действие на территории Ленинградской области комплексных межведомственных профилактических мероприятий по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений и(или) иных правонарушений, «Профилактика-ЧП». [Электронный ресурс]. URL: https://kpb.lenobl.ru/ru/deiatelnost/profilaktika-pravonarushenii/normativno-pravovaya-baza-v-sfere-profilaktiki-pravonarushenij/ (дата обращения: 23.04.2025).

[18] Межведомственная рабочая группа образована совместным приказом Прокуратуры Ленинградской области, ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, УФСКН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Комитета правопорядка и безопасности Ленинградской области от 02.08.2013 № 74/508/253/15. [Электронный ресурс]. URL: https://npa47.ru/media/old_data/docs/safety/1378236483prikaz____15_ot_02.08.2013.pdf (дата обращения: 23.04.2025).

[19] См. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007.

[19]. Межведомственная координация осуществляется прокуратурой путем тесного взаимодействия со всеми участниками правоохранительной системы, анализом статистических данных и оперативных сведений [5]. Такая координация осуществляется путем проведения координационных совещаний, организации рабочих групп[20].

Способами координация такой деятельности являются:
- совместные выезды в регионы для проведения согласованных действий, проверок и оказания помощи местным правоохранительным органам в борьбе с преступностью, изучения и распространения положительного опыта;
- проведение совместных целевых мероприятий для выявления и пресечения преступлений, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению;
- разработка и утверждение согласованных планов координационной деятельности[21].

В частности, координирующая роль прокуратуры по противодействию правонарушениям при реализации национальных проектов [18] реализуется путем организации надзора, координации и контроля деятельности прокуроров по каждому национальному проекту[22].

Одной из основных форм взаимодействия органов прокуратуры и органов местного самоуправления является информационное взаимодействие по вопросам состояния законности, борьбы с преступностью и правонарушениями, предупреждения преступлений [20].

Разделяем мнение Курышевой Н.С. о том, что эффективность предупредительной деятельности во многом зависит от совместной согласованной работы субъектов профилактики, где центральное место занимает прокуратура Российской Федерации [13].

Наряду с исполнительными органами субъектов Российской Федерации, прокуратура также наделена полномочиями по координации деятельности органов государственного контроля (надзора) по планированию и проведению проверок деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации[23]. Такая координация заключается, в основном, в организационно-рекомендательных действиях, таких как: рассмотрение проектов ежегодных плановых проверок, согласование проведения внеплановых проверок [15].

Также в законодательстве предусмотрено, что при осуществлении государственного контроля (надзора) за деятельностью органов государственной власти субъектов Российской Федерации и должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации не допускается дублирование контрольно-надзорных полномочий органов государственного контроля (надзора)[24].

С 01.01.2015 проверки деятельности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления при осуществлении полномочий по решению вопросов местного значения могут проводиться органами государственного контроля (надзора) совместно и только на основании ежегодного плана проведения проверок, сформированного и согласованного в органах прокуратуры. Внеплановые проверки деятельности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления проводятся на основании решения руководителя соответствующего органа государственного контроля (надзора) по согласованию с прокуратурой субъекта Российской Федерации[25].

К примеру, в Санкт-Петербурге полномочиями на проведение проверок исполнения бюджета органом местного самоуправления наделена Контрольно-счетная палата Санкт-Петербурга[26]. Также такого рода про-

---

[20] См. пп. 1, 2 ст. 8 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.

[21] См. п 6 Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденного указом Президента Российской Федерации от 18.04.1996 № 567 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 17. Ст. 1958.

[22] См. п. 7.2 приказа Генеральной прокуратуры России от 14.03.2019 № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» // Законность. № 5. № 2019.

[23] См. ч. 3 ст. 63 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

[24] См. ч. 13 ст. 63 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

[25] См. п. 1 приказа Генеральной прокуратуры России от 21.04.2014 № 222 «О порядке формирования и согласования в органах прокуратуры ежегодного плана проведения государственными органами, уполномоченными на осуществление государственного контроля (надзора), проверок деятельности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления и о порядке согласования в органах прокуратуры внеплановых проверок деятельности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления» // Законность. № 7. 2014.

[26] ВМО муниципальный округ Полюстрово (за 2022–2023 годы и истекший период 2024 года). Сайт Контрольно-счетной палаты Санкт-Петербурга. [Электронный ресурс]. URL: https://ksp.org.ru/deyatelnost-organizatsii/rezultaty-proverok-kontrolnaya-deyatelnost/organy-mestnogo-uprav/?ELEMENT_ID=3466 (дата обращения: 24.04.2025).

верки уполномочена проводить прокуратура Санкт-Петербурга[27].

Соглашаемся с мнением Нижник А.О. о том, что целесообразность наделения прокуроров координационными полномочиями по проведению проверок органов государственной власти субъектов Российской Федерации объясняется особым правовым статусом прокуратуры, которая является мультифункциональным контрольно-надзорным органом, имеющим не только все законодательные установки на это, но и практические возможности и правовые средства для надлежащей организации процесса координации, основанного на принципах паритета и взаимосотрудничества [15].

В отличие от иных видов государственного контроля прокурорский надзор более эффективен по ряду причин:

— органам прокуратуры предоставлен больший объем полномочий при осуществлении надзора за обеспечением законности;
— органы прокуратуры имеют возможность оперативно реагировать на сигналы о нарушении действующего законодательства, проводить оперативные выездные проверки;
— прокурорская проверка более оперативна и независима, так как не требует согласования и не допускает вмешательства в деятельность органов прокуратуры со стороны иных органов государственной власти [16].

Другим фактором, указывающим на эффективность деятельности прокуратуры, является полномочие прокурора по обращению в суд с требованием о признании противоречащих закону правовых актов недействительными[28]. К примеру, в декабре 2024 года Тверской областной суд удовлетворил административный иск Московского межрегионального транспортного прокурора о признании недействующими Правил благоустройства Нелидовского городского округа Тверской области, утвержденных решением Нелидовской городской Думы от 26.08.2019 № 154-1, в части, возлагающей обязанности по содержанию зеленых насаждений, расположенных в пределах полосы отвода железных дорог, на владельцев железных дорог[29].

При таких обстоятельствах соглашаемся с мнением Евдокимова В.Б. и Игониной Н.А., что в последнее время прокуратура укрепила свои позиции в обеспечении единства правового пространства страны [9].

Формы профилактического воздействия в области железнодорожного транспорта

К одной из форм профилактического воздействия относится объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения[30]. В качестве примера рассмотрим эффективность такой предупредительной меры по вопросу профилактики травматизма на предприятиях железнодорожного транспорта.

С 18.04.2025 начали действовать изменения в статью 11.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[31], направленные на снижение высокого уровня травматизма граждан на объектах инфраструктуры железнодорожного транспорта.

Так, за 8 месяцев 2024 года на объектах инфраструктуры железнодорожного транспорта зафиксировано 1 160 случаев травмирования граждан. При этом за аналогичный период 2023 года таких случаев было 1 122 (главной причиной травмирования является легкомысленность самих нарушителей и пренебрежение элементарными требованиями безопасности [3]).

Таблица 1.

Случаи травмирования граждан[32]

Случаи травмирования граждан	Россия	
	8 мес. 2024 г.	8 мес. 2023 г.
При нахождении на путях станций	436	431
При нахождении на путях перегонов	560	544
При нахождении в пределах пассажирских платформ	164	147

[27] Прокуратура выявила нарушения бюджетного законодательства. Сайт Прокуратуры Санкт-Петербурга. 26.09.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_78/mass-media/news?item=76984980 (дата обращения: 24.04.2025).

[28] См. ч. 3 ст. 22 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.

[29] См. Решение Тверского областного суда от 25.12.2024 по делу № 3а-161/2024. [Электронный ресурс]. URL: https://oblsud--twr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=3&name_op=case&case_id=15097415&case_uid=a73bca37-e244-4fbc-b10c-675f12874e33&delo_id=41 (дата обращения: 24.04.2025).

[30] См. п. 1 ст. 17 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3851.

[31] Федеральный закон от 07.04.2025 № 70-ФЗ «О внесении изменений в статью 11.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 15. Ст. 1796.

[32] См. пояснительную записку к проекту Федерального закона № 748493-8 «О внесении изменений в статью 11.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (по состоянию на 22.10.2024). [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/748493-8 (дата обращения: 26.04.2025).

Случаи травмирования граждан	Россия	
	8 мес. 2024 г.	8 мес. 2023 г.
Включая, но не ограничиваясь:		
При попытке взобраться на платформу/спрыгнуть с платформы в неустановленных местах	40	43
При нахождении на пешеходном настиле	141	137
При хождении по ж/д путям в неустановленном месте перед идущим поездом	901	865

Серьезную угрозу безопасности движения поездов и здоровью граждан представляет также повреждение гражданами железнодорожных ограждений[33], что способствует беспрепятственному проходу посторонних лиц через железнодорожные пути, хождению по железнодорожным путям в неустановленных для этого местах, неправомерному проникновению в зоны повышенной опасности.

За 8 месяцев 2024 года на территории Российской Федерации зафиксировано 2 659 случаев повреждения железнодорожных ограждений. Площадь проломов железнодорожных ограждений за тот же период составила 8 649 м^2. В органы внутренних дел на транспорте направлено 66 обращений о случаях повреждения железнодорожных ограждений.

Повреждение объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта и железнодорожных ограждений представляет угрозу для безопасности движения на железнодорожном транспорте и создает условия для прохода посторонних лиц через железнодорожные пути в неустановленных местах. Указанные действия могут привести к травмированию граждан в зоне движения поездов, а также нанести материальный ущерб инфраструктуре железнодорожного транспорта[34]. В этой связи законодателем повышены размеры штрафов[35], налагаемых за совершение подобного административного правонарушения.

В то же время, результатами обращений предприятий железнодорожного транспорта в органы внутренних дел на транспорте являются (вместо принятия каких-либо действенных мер) ответные направления в эти предприятия-заявители предостережений об устранении причин и условий, способствующих реализации угроз безопасности, содержащие требования о принятии мер[36] по ликвидации мест повреждения гражданами ограждений железнодорожного пути.

Полагаем, что при таком способе реагирования предупредительная цель института профилактики правонарушений не будет достигнута, поскольку только поиск правонарушителя и привлечение его к административной и гражданско-правовой ответственности может свидетельствовать об эффективности профилактики правонарушений в целях воспитания у нарушителя уважительного отношения к законодательству и чужому имуществу.

Соглашаемся с мнением Лизунова А.С., Майоровой С.А., Харитонова А.О., что эффективность официального предостережения как меры профилактического воздействия повышается только при воздействии на правонарушителей [14]. О низкой эффективности предостережения высказываются и другие исследователи. Карицкая А.А. указывает на данный факт, проведя анализ действующего нормативного регулирования, правоприменительной практики и административно-правовой доктрины [12], Гусаров А.В. отмечает несовершенства в части внесения, рассмотрения, исполнения таких актов в области экологических правоотношений [6].

Заключение

Задача по анализу результатов профилактической работы и систематическому внесению предложений по повышению ее эффективности является общеобязательной в работе всех подразделений, служб и организаций органов внутренних дел [1].

Институтом, как ранее отмечено, в компетенцию которого входит принятие мер, направленных на предупреждение и пресечение преступлений и иных правонарушений, является полиция. Основной формой несения службы участкового уполномоченного полиции выступает профилактический обход административного участка, во время которого выявляются лица, склонные к совершению преступлений, страдающие наркоманией

[33] Приказом Министерства транспорта Российской Федерации от 27.01.2022 № 20 утверждены Правила нахождения граждан и размещения объектов в зонах повышенной опасности, выполнения в этих зонах работ, проезда и перехода через железнодорожные пути, которыми установлен запрет для граждан повреждать объекты инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования.

[34] См. пояснительную записку к проекту Федерального закона № 748493-8 «О внесении изменений в статью 11.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (по состоянию на 22.10.2024). [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/748493-8 (дата обращения: 26.04.2025).

[35] Согласно ч. 3.1 ст. 11.1 КоАП РФ повреждение ограждений вдоль железнодорожных путей, совершенное в городе федерального значения Москве или Санкт-Петербурге либо в Московской или Ленинградской области, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей.

[36] См. п. 12 ч. 1 ст. 13 Федерального закона 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

и алкоголизмом, имеющие психические расстройства[37]. К основным средствам, с помощью которых участковый уполномоченный полиции может оценить глубину социально-психологической дезадаптации граждан, риск рецидивной преступности [11], относятся индивидуальные психопрофилактические беседы, наблюдение и анализ информации, получаемой из различных источников [10].

Полагаем, что для повышения эффективности профилактики правонарушений следует:

1) расширить категории лиц[38], в отношении которых устанавливается индивидуальная профилактическая работа участкового уполномоченного полиции, и добавить в этот перечень лиц, нарушающих статью 11.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которые повреждают железнодорожные пути, сооружения и устройства сигнализации или связи и другие объекты инфраструктуры железнодорожного транспорта или метрополитена, сбрасывают на железнодорожные пути или оставляют на них предметы; повреждают ограждения вдоль железнодорожных путей; проходят по железнодорожным путям в неустановленных местах и переходят через железнодорожные пути по пешеходному переходу, железнодорожному переезду при запрещающем сигнале светофора.
2) определить прокуратуру Российской Федерации и в соответствие с её потенциалом в качестве единственного координатора работы по профилактике и предупреждению правонарушений и преступлений, поскольку только данный институт обладает необходимым комплексом исчерпывающих полномочий в данной области деятельности. Существующая система организации прокуратуры из частей, образующих централизованную систему, выдержала 300-летнюю проверку временем. В период существования Российской империи такими частями были должности Обер-Прокурора и Прокуроров, подчинявшихся Генерал-Прокурору, а в советское время сосредоточением человеческих и материальных ресурсов стали органы прокуратуры, компетенцию которых по традиции продолжили осуществлять прокуроры в рамках своих полномочий. В онтологическом ракурсе прокуроры и в настоящее время образуют «материальный субстрат», являющийся реальной социально-правовой основой государственно-правового института прокуратуры Российской Федерации, по сути, представляющей собой единую федеральную централизованную систему прокуроров, осуществляющих в соответствии со своими полномочиями надзор и иные направления деятельности, предусмотренные федеральным законом [2].

[37] См. пп. 9.1, 22.1, 25 Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке, утвержденной приказом МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 04.07.2019.

[38] Согласно п. 33 Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке, утвержденной приказом МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности», индивидуальная профилактическая работа проводится в отношении следующих категорий лиц: которым установлен административный надзор; освобожденными из мест лишения свободы и имеющими непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления; преступления при рецидиве преступлений; умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего (участковый уполномоченный полиции посещает таких лиц не реже одного раза в месяц); допускающими правонарушения в семейно-бытовой сфере; совершившими административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность при проведении публичных или официальных спортивных мероприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисифорова М.В. Концептуальные подходы к совершенствованию нормативного правового регулирования деятельности органов внутренних дел по профилактике правонарушений // Административное право и процесс. — 2023. — № 11. — С. 50–53.
2. Артеменков В.К. К вопросу о признании прокуратуры Российской Федерации государственным органом в контексте проблемы наличия у нее правосубъектности // Законность. — 2022. — № 7. — С. 3-7.
3. Бородина Ж.В. Проблемы координации деятельности органов публичной власти и ОАО «Российские железные дороги» по предотвращению случаев травмирования граждан // Экономика, предпринимательство и право. — 2025. — Т. 15, № 1. — С. 437-450.
4. Винокуров А.Ю. К вопросу об участии органов прокуратуры в профилактике правонарушений в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. — 2016. — № 7. — С. 620–626.
5. Гулягин А.Ю., Богданова Т.В. Профилактика правонарушений и предупреждение преступности органами прокуратуры и другими правоохранительными органами // Российский следователь. — 2024. — № 6. — С. 49-53.
6. Гусаров А.В. Проблемы внесения представлений по делам об административных правонарушениях в сфере экологии // Административное право и процесс. — 2023. — № 12. — С. 44–47.
7. Дмитрик Н.А. Частное, публичное, цифровое: в поисках системы координат для права // Закон. — 2023. — № 12. — С. 15–28.

8. Добролюбова Е.И. Проблемы использования информационных технологий в рамках внедрения управления по результатам // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2019. — № 1. — С. 49–54.
9. Евдокимов В.Б., Игонина Н.А. Органы конституционной юстиции и прокуратуры в обеспечении единства правового пространства России // Журнал российского права. — 2025. — № 3. — С. 53–66.
10. Желтобрюх А.В., Якимова Е.М. Профилактика семейно-бытовой преступности участковыми уполномоченными полиции // Российский следователь. — 2022. — № 8. — С. 56–59.
11. Зарина А.М. Отдельные вопросы деятельности участковых уполномоченных полиции: практический аспект // Современное право. — 2024. — № 6. — С. 38–41.
12. Карицкая А.А. Дефекты механизма профилактики административных правонарушений в контексте реформы контрольно-надзорной деятельности // Журнал российского права. — 2024. — № 7. — С. 148–160.
13. Курышева Н.С. Проблемы предупреждения преступности мигрантов-иностранцев // Миграционное право. — 2021. — № 4. — С. 31–36.
14. Лизунов А.С., Майорова С.А., Харитонов А.О. К вопросу о повышении эффективности профилактического воздействия выносимого полицией официального предостережения // Административное право и процесс. — 2022. — № 4. — С. 85–88.
15. Нижник А.О. Координация деятельности органов государственного контроля (надзора) по планированию и проведению проверок деятельности органов государственной власти субъектов РФ при реализации переданных полномочий органами прокуратуры // Закон и власть. — 2022. — № 2. — С. 75–78.
16. Попов Д.А., Оленин Д.С. Государственный административный контроль за органами местного самоуправления: проблемы и пути решения // Государственная власть и местное самоуправление. — 2015. — № 2. — С. 22–27.
17. Пятов А.А. Управление по результатам в системе государственного управления в России: основные подходы и проблемы // Московский экономический журнал. — 2021. — № . — С. 319–326.
18. Раскина Т.В., Шекк Е.А. Обеспечение законности при реализации национальных проектов // Законность. — 2023. — № 10. — С. 6–9.
19. Рябцев В.П., Алексеев А.И., Бессарабов В.Г. Роль и место органов прокуратуры в системе государственных институтов Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2023. — № 3. — С. 44–51.
20. Семьянова Л.В. Формы взаимодействия прокуратуры с органами местного самоуправления // Законность. — 2022. — № 6. — С. 21–25.
21. Титушкина Е.Ю., Иванов С.С. К вопросу о понятии «предупреждение преступлений» и его соотношение с «профилактикой правонарушений» // Российский следователь. — 2021. — № 3. — С. 55–59.

© Бородина Жанна Викторовна (borodinajanna@mail.ru); Медведева Надежда Васильевна (medvedeva-nv@ranepa.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.05

ПРОБЛЕМЫ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В МЕДИЦИНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СООТВЕТСТВИЯ КОМПАНИЙ ОТРАСЛИ КРИТЕРИЯМ ПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ

PROBLEMS OF IMPORT SUBSTITUTION IN THE MEDICAL INDUSTRY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND LEGAL ASPECTS OF COMPLIANCE OF COMPANIES WITH THE CRITERIA FOR THE PRODUCTION OF RUSSIAN INDUSTRIAL PRODUCTS

G. Bril

Summary. The medical industry in the Russian Federation is one of the foundations of the organization of healthcare, and, consequently, national security in the state, the welfare of citizens, which is why the proposed research topic seems relevant. The article discusses the key problems of the Russian medical industry during the implementation of the import substitution policy and under conditions of economic restrictions. Particular attention is paid to the area of legal regulation aimed at supporting domestic manufacturers. An analysis of changes in legislation was carried out and needs were identified to clarify the statistical data necessary for the development of strategic regulations for the industry, as well as to unify the definition of groups of medical products that fall under the criteria for Russian-made products. The need to make appropriate changes in order to fully support domestic manufacturers of medical equipment and products is justified.

Keywords: import substitution, medicine, medical equipment, medical device, sanctions, industry, development.

Бриль Георгий Денисович
юрист, ООО «Лиганд Ресерч», г. Москва
georgesbr11@mail.ru

Аннотация. Медицинская промышленность в Российской Федерации является одной из основ организации здравоохранения, а, следовательно, и национальной безопасности в государстве, благосостояния граждан, именно поэтому предлагаемая тема исследования представляется актуальной. В статье рассмотрены ключевые проблемы медицинской промышленности России в ходе реализации политики импортозамещения и в условиях экономических ограничений. Особое внимание уделено сфере правового регулирования, направленного на поддержку отечественных производителей. Проведен анализ изменений в законодательстве и выявлены потребности в уточнении статистических данных, необходимых для разработки стратегических нормативно-правовых актов для отрасли, а также в унификации определений групп медицинских товаров, подпадающих под критерии продукции российского производства. Обоснована необходимость внесения изменений в соответствующие акты в целях всесторонней поддержки отечественных производителей медицинской техники и изделий.

Ключевые слова: импортозамещение, медицина, медтехника, медизделия, санкции, промышленность, развитие.

Введение

В середине прошлого десятилетия с введением иностранными государствами санкций против Российской Федерации в качестве ответной меры руководством страны был взят курс на импортозамещение. Хотя необходимость перехода на российскую продукцию отмечалась в отраслевых госпрограммах и ранее (для медицинской промышленности, например, с 2011 года действовала Федеральная целевая программа «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» [6]), основополагающим документом в этом вопросе стал Федеральный закон от 31 декабря 2014 года №488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», за которым последовал ряд других актов применительно к различным направлениям хозяйственной деятельности. Коснулись новые реалии и предприятий медицинской промышленности [17].

Материалы и методы

Проведен анализ данных о процессе импортозамещения в медицинской промышленности, рассмотрены изменения в нормативно-правовых актах, касающихся отрасли, выявлены проблемы производителей в контек-

сте их работы с опорой на текущее законодательство. Применены общенаучные методы теоретического исследования: анализ статистических и иных данных в свободном доступе, синтез, обобщение материала.

Анализ и обсуждения проблем импортозамещения в медицинской промышленности

В глобальном смысле об успехе политики импортозамещения можно говорить, когда по большинству отраслей более 50 % продукции будет производиться в России [2]. Но при более детальном рассмотрении очевидно, что ключевую роль в экономическом и социальном плане играет именно номенклатура замещаемых товаров: необходимы были перечни критически важной продукции по отраслям, на создание которых потребовалось время и — например, в случае для медпрома — участие клинического сообщества [12, 13].

Исследователи со ссылкой на производителей отмечают, что камнем преткновения на пути реализации курса импортозамещения являются проблемы с производственным оборудованием и сырьём: их малые объемы выпуска в России, высокие цены на импортное оборудование, слабая поддержка со стороны властей, нежелание самих производителей [3]. Неспроста на заре СССР, когда перед советским руководством также стояла задача импортозамещения и формирования плановой экономики, в основу первых пятилетних планов легли задачи создания самих средств производства [1].

Недостаток оборудования и специфических материалов для производства характерен сегодня и для медицинской промышленности, однако перечень проблем необходимо дополнить. Задача перехода на российские медицинские изделия уже изначально представлялась трудновыполнимой ввиду: длительной ориентации российских потребителей (и лечебных учреждений, и физических лиц) на западных производителей медтехники; отсутствия фундаментальных исследований для медпрома; отказа инвесторов от вложений в НИОКР; и, как следствие, объективного технологического отставания российской медицинской промышленности по ряду направлений; специфики производства различной высокотехнологичной продукции. По ряду критически важных позиций для нужд здравоохранения производство просто отсутствовало (как, например, в случае с нейрохирургическими имплантами), либо проекты были ранее заморожены (на примере отечественных аппаратов ультразвуковой диагностики «Рускан»).

О нормативно-правовых основах политики импортозамещения применительно к отрасли и проблемах отраженной в них статистики

В 2014 году также была запущена Государственная программа Российской Федерации «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности на 2013–2020 годы», нацеленная на технологическое перевооружение двух отраслей; совершенствование кадровой политики в этой сфере; импортозамещение по критически важным позициям — с обязательным условием не потерять в качестве и доступности медизделий, оборудования и фармпродукции. Однако, как можно заметить из более поздних редакций этой государственной программы, успехи были достигнуты преимущественно в фармацевтике: прирост объемов производства в 2020 году относительно 2014 года, по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, составил 162,6 % [7]. Это объясняется как разницей уровня изысканий и технологических процессов для отраслей, так и разницей сроков выхода фармацевтических и медикотехнических проектов на самоокупаемость.

Объем же российского рынка медизделий за указанный период также вырос на 184,5 %, однако доля отечественной продукции поднялась только с 18,2 % до 28,8 %, что оставалось объективно низким уровнем с точки зрения самообеспечения России себя медицинскими изделиями и техникой. И в том же 2020 году была утверждена новая «Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года», включающая раздел, посвященный приоритетным векторам развития медицинской промышленности [15]. Стоит заметить, что при подведении промежуточных ее итогов в 2022 году, когда были введены в действие наиболее объемные пакеты санкций западных стран против Российской Федерации, отмечалось, что доля отечественной продукции медпрома в стоимостном выражении составила теперь всего 26,8 % (при общем росте объемов рынка), сохранялась положительная динамика импорта (по данным Федеральной таможенной службы) [15]. Разница данных о доле российского производства в указанных выше ключевых стратегических нормативно-правовых актах (государственной программе и сводной стратегии), демонстрирующая якобы спад производства, может свидетельствовать о таких проблемах как:

- несостоятельность, недостаточность статистических показателей о состоянии отрасли, о чём позднее заявлялось ассоциациями производителей, в частности АНО «Консорциум «Медицинская техника» [4, 5];
- о реальном спаде производства по внутренним причинам;
- о спаде производства по внешним причинам, например, ввиду отсутствия комплектующих иностранного производства, импорт которых оказался прекращен в связи с санкциями.

Отсутствие статистических данных, как ожидается производителями, может быть поправимо, т.к. теперь в процесс развития медицинской промышленности, по-

мимо Министерства промышленности и торговли Российской Федерации и Министерства здравоохранения Российской Федерации, вовлечен еще значительный перечень государственных структур, располагающих информацией и о кадровом потенциале; и о потребностях бюджетополучателей из числа системы здравоохранения; и о новейших технологиях, которые опционально можно использовать в секторе медпромышленности — например, через формы кооперации (промышленные кластеры, технопарки), или через передачу разработок в качестве объекта интеллектуальной собственности предприятиям с государственным участием. По данным АНО «Консорциум «Медицинская техника», сегодня к работе привлечены: Минобрнауки России, Минздрав России, Росздравнадзор, Росстат, Казначейство России, ФТС России, Росрезерв, Фонд ОМС и прочие государственные структуры и институты развития [4].

Проблема низкого темпа развития (или вовсе спада) российского производства ввиду отсутствия импортных комплектующих фактически является проблемой недостаточной локализации производства, и в этой связи необходимо обратиться к вопросу, какую продукцию принято считать российской.

Об отнесении товаров медпрома к числу промышленной продукции Российской Федерации

С определением курса на импортозамещение и для эффективного применения Федерального закона от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» было принято постановление Правительства Российской Федерации от 17.07.2015 № 719 «О подтверждении производства промышленной продукции на территории Российской Федерации» (далее — ПП РФ №719, постановление). Его цель — возможность получения отечественными производителями медицинских изделий конкурентных преимуществ перед западными на внутреннем рынке (в виде различных мер субсидирования, преференций в сфере государственных закупок и в контексте помощи при экспорте) [8].

До недавнего времени для подтверждения происхождения продукции в России производителям было необходимо получить заключение Минпромторга России, однако постановление Правительства Российской Федерации от 29.06.2024 № 894 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» отменило эту необходимость [10]. Теперь, чтобы именовать себя производителем российской промышленной продукции, достаточно подтвердить соответствие хотя бы одному из четырех условий. Среди таковых:

— заключение специального инвестиционного контракта между промышленным инвестором и государством как взаимовыгодное обязательство по реализации проекта на территории РФ и гарантии стабильных условий для развития (при этом мера действует только для контрактов, заключенных не ранее трех лет до момента оформления заявки);
— проведение экспертизы Торгово-промышленной палатой Российской Федерации, результатом которой должен стать акт о соответствии производимой промышленной продукции требованиям ПП РФ №719 (предполагает экспертизу производства — площадей, оборудования, персонала, сырья и материалов, технологии производства и документации);
— проведение оценки Торгово-промышленной палатой Российской Федерации о соответствии производимой промышленной продукции критериям того же постановления (для тех товаров, которые уже включены в Реестр российской промышленной продукции);
— получение сертификата о происхождении товара (или продукции), по которому страной происхождения подтверждается Россия — в соответствии с критериями «Соглашения о Правилах определения страны происхождения товаров в Содружестве Независимых Государств» (в редакции от 08.06.2023 г.) [8, 16].

Для отнесения товаров к числу отечественных и включения их в Реестр российской промышленной продукции, необходимо выполнение требований, предусмотренных Приложением к ПП РФ № 719:

— для одних видов продукции — требования к совокупному количеству баллов за выполнение (освоение) на территории Российской Федерации соответствующих операций (условий);
— для других видов продукции — требования к достижению определенного процента по количеству баллов от максимально возможного их количества [8].

В отраслевом медикопромышленном законодательстве на протяжении постсоветского периода, несмотря на неоднократные редакции, до сих пор остается ряд трудностей, отмечаемых и регуляторами отрасли, и производителями. Среди них можно выделить:

— отсутствие четких определений групп медизделий (начиная с 1994 года в различных актах фигурировали «медицинская техника», «медицинское оборудование», «медицинские изделия», «медицинские инструменты» и др.),
— необходимость усиления акцента на российское производство ключевых компонентов изделий (ввиду недостаточной прозрачности создания отечественной продукции — фактической «сборки» продукции из иностранных комплектующих под видом российского производства ради доступа

к мерам государственной поддержки отечественных производителей).

Сегодня продолжается процесс приведения номенклатуры медизделий к единой трактовке, и эта работа требует внушительного времени для завершения ввиду огромного ассортимента таких изделий, а также (о чем сказано выше) ввиду неустановленных в нормативно-правовых актах постсоветского периода четких определений: что считать медтехникой (и какой по назначению), что — инструментами, что — прочими медизделиями.

Так, в приложении к постановлению «Инкубаторы интенсивной терапии для новорожденных (стационарные и транспортные)» относятся к коду 32.50.21.112 (Инструменты и оборудование терапевтическое), и это единственный вид инкубаторов в указанном перечне. Одновременно в Классификаторе ОКПД2 существует код «32.50.21.160 — Инкубаторы для новорожденных (Инструменты и приспособления терапевтические; дыхательное оборудование)», и этот же код фигурирует в КТРУ. При этом существует постановление Правительства РФ от 10.07.2019 № 878 (ред. от 09.12.2023) «О мерах стимулирования производства радиоэлектронной продукции на территории Российской Федерации при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2016 г. № 925 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» — этот акт утверждает Перечень радиоэлектронной продукции, происходящей из разных государств, в отношении которой устанавливаются ограничения для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд [9]. В числе подлежащей ограничению иностранной продукции присутствует продукция кода «32.50.21.160 — Инкубаторы для новорожденных», что совпадает с ОКПД 2. Таким образом, для, казалось бы, одного вида продукции меры государственной протекции — поддержка производителей, подтвердивших локализацию, и освобождение рыночной ниши — могут быть прочтены по-разному. Разумеется, обозначенная выше экспертиза Торгово-промышленной палаты РФ для случаев подтверждения российского производства товаров, не включенных в Приложение ПП РФ №719, решает проблему. Тем не менее, на перспективу внесение четких определений в стратегические отраслевые нормативно-правовые акты и соответствующая унификация групп медизделий в законодательстве может содействовать достижению целей импортозамещения. В том числе это касается случаев внедрения дополнительных мер стимулирования промышленников.

Кроме того, некоторые производители стараются обойти требования постановления о признании товаров российскими, выдавая иностранные комплектующие и сырье производимых медицинских изделий за собственное производство. Набирая нужное количество баллов для включения в Реестр российской промышленной продукции, они наряду с честными разработчиками рассчитывают на получение последующих преференций. Проблема псевдопроизводителей неоднократно озвучивалась участниками рынка, и, в 2025 году Минпомторг России анонсировал эксперимент по мониторингу российских производителей (пока только для товаров, требующих маркировки) [11], однако объективно контроля требуют и другие сферы. На сегодняшний день существуют следующие этапы подтверждения соответствия товаров:

- проверка соответствия положениям ПП РФ №719;
- подтверждение российского производства сырья, материалов;
- оценка документации о технологических процессах на производстве;
- получение актов экспертизы, либо обновление актов экспертизы (в упрощенном порядке);
- внесение данных в регистрационные удостоверения.

Однако важно зрить в корень проблемы, которая кроется в том числе в «разобщенности» российской промышленности, отсутствии у отечественных компаний данных о производственных возможностях поставщиков на территории страны. В этой связи целесообразным представляется усиление сбора информации о производствах (например, об их потребностях в компонентной базе), о проработке форм отчетности перед Росстатом и Минпромторгом — по аналогии, как это было принято в практике отраслевых министерств СССР. Эта мера имеет смысл не только с точки зрения тенденций применения элементов государственного планирования в политике импортозамещения, но и в целях решения отмеченной выше проблемы отсутствия точных статистических данных о предприятиях медицинской промышленности в Российской Федерации.

Выводы

Российские производители медицинских изделий и оборудования, действующие на внутреннем рынке в векторе политики импортозамещения, проводимой в Российской Федерации в ответ на санкции западных стран, сегодня сталкиваются с рядом проблем экономического, научно-технологического и юридического характера. Ввиду того, что многие нормативно-правовые акты, созданные относительно недавно в условиях резко меняющейся геополитической обстановки, сегодня еще требуют доработки и совершенствования. В том числе обнаружена необходимость уточнения определений и классификации в законодательстве, совершенствования форм сбора статистических данных — как

с экономической стороны для мер государственного планирования, так и для разработки стратегических нормативно-правовых актов в целях развития отрасли. Ожидается, что это должно способствовать сопоставлению потребностей системы здравоохранения населения и возможностей рынка, и повышению доступа производителей российской промышленной продукции к мерам государственной поддержки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катасонов В.Ю. Экономика Сталина / Отв. Ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 416 с. С. 47–50.
2. Мантуров Д.В. Планирование импортозамещения в российской промышленности: практика российского государственного управления / Д.В. Мантуров, Г.С. Никитин, В.С. Осьмаков // Вопросы экономики. 2016. №9. С. 40–49.
3. Моисеев В.В. Импортозамещение в экономике России: монография. — 2-е изд., испр. и доп. / В.В. Моисеев. Москва: Директ-Медиа, 2022. — 304 с. (Серия «Современная Россия»). С. 62–63.
4. Огарков С.А., Литвицкий К.П., Бриль Д.В., Рабский А.Н., Гладкова Ю.И. Дотянуться до каждого: внедрение продукции российской медицинской промышленности. / Экономика строительства. 2024, №10. С.234–237.
5. Огарков С.А., Литвицкий К.П., Бриль Д.В., Рабский А.Н., Гладкова Ю.И. Перспективные направления развития медицинской промышленности / Инновации и инвестиции. №12. 2024. С.289–292.
6. Постановление Правительства РФ от 17.02.2011 № 91 (ред. от 28.12.2017) «О федеральной целевой программе «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (Утратило силу). / Собрание законодательства РФ, 21.03.2011, № 12, СТ. 1628.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 г. № 305 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности» (Утратило силу)./ Официальное опубликование правовых актов. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201404240024 (дата обращения: 29.11.2024).
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.07.2015 № 719 (ред. от 15.10.2024) «О подтверждении производства промышленной продукции на территории Российской Федерации». / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: https://docs.cntd.ru/document/420289297 (дата обращения: 29.11.2024).
9. Постановление Правительства РФ от 10.07.2019 № 878 (ред. от 09.12.2023) «О мерах стимулирования производства радиоэлектронной продукции на территории Российской Федерации при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2016 г. № 925 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: https://docs.cntd.ru/document/560662719 (дата обращения: 29.11.2024).
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.06.2024 № 894 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». / Официальное опубликование правовых актов. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407010031 (дата обращения: 29.11.2024).
11. Постановление Правительства РФ от 22.11.2024 № 1607 «О проведении на территории Российской Федерации эксперимента по осуществлению мониторинга российских производителей товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, с использованием государственной информационной системы мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации». / Официальное опубликование правовых актов. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411280026 (дата обращения: 30.11.2024).
12. Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 12 сентября 2023 г. N 3414 «Об организации работ по формированию и мониторингу реализации перечней критической промышленной продукции для гражданских отраслей обрабатывающей промышленности Российской Федерации». / СПС «КонсультантПлюс». — https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_476887/ (дата обращения: 29.11.2024)
13. Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 22 марта 2024 г. № 1159 «Об утверждении перечня критической продукции медицинской промышленности и реабилитационной индустрии Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов». / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: https://docs.cntd.ru/document/1305396427 (дата обращения: 29.11.2024).
14. Распоряжение Правительства РФ от 01.10.2010 № 1660-р «О Концепции федеральной целевой программы «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»». / СПС «КонсультантПлюс». — https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105529 (дата обращения: 22.11.2024)
15. Распоряжение Правительства РФ от 6 июня 2020 г. № 1512-р «Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года». / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: https://docs.cntd.ru/document/565066326 (дата обращения: 29.11.2024).
16. Соглашение о Правилах определения страны происхождения товаров в Содружестве Независимых Государств. Раздел 2. Критерии определения страны происхождения товаров. (в редакции от 08.06.2023 г.). / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: https://docs.cntd.ru/document/902272591 (дата обращения: 29.11.2024).
17. Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. от 26.10.2024) «О промышленной политике в Российской Федерации». Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: https://docs.cntd.ru/document/420242984 (дата обращения: 22.11.2024).

© Бриль Георгий Денисович (georgesbr11@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.06

ПРАВОВОЙ СТАТУС АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

THE LEGAL STATUS OF THE ARBITRATION ADMINISTRATOR IN THE RUSSIAN LEGISLATION: ANALYSIS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

I. Glotov

Summary. The issues of the legal status of an arbitration administrator in modern conditions are very relevant, but insufficiently studied in the legal literature from the perspective of trends in the development of legislation on insolvency (bankruptcy). In conclusion, it can be noted that modern legal science focuses on traditional theories and approaches regarding the legal status of an arbitration administrator and is not focused on the need to develop fundamentally new directions that can significantly improve the effectiveness and quality of legal regulation of the status of an arbitration administrator. The directions proposed in the article — institutionalization of hybrid and dynamic statuses, digitalization of the legal institution and collective control mechanisms — represent an innovative approach to improving the legal status of an arbitration administrator. Their implementation will improve the efficiency and transparency of bankruptcy procedures, ensure a balance of interests of participants and strengthen trust in the institution. The integrated implementation of these innovative directions will create a modern, flexible and effective legal institution of the arbitration administrator. This, in turn, will improve the quality of law enforcement, strengthen trust in the institution and contribute to the development of a civilized insolvency market in Russia.

Keywords: bankruptcy, arbitration manager, institutional approach, responsibility of the arbitration manager, innovative directions.

Глотов Иван Дмитриевич
Аспирант, Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина, Москва
glotov141@gmail.com

Аннотация. Вопросы правового статуса арбитражного управляющего в современных условиях являются в достаточной мере актуальными, однако при этом недостаточно исследованными в правовой литературе с позиции тенденций развития законодательства о несостоятельности (банкротстве). Современная юридическая наука сосредоточена на традиционных теориях и подходах в вопросах правового статуса арбитражного управляющего и не ориентирована на необходимость выработки принципиально новых направлений, способных существенно повысить эффективность и качество правового регулирования статуса арбитражного управляющего. Предложенные в статье направления — институализация гибридного и динамического статусов, цифровизация правового института и коллективных механизмов контроля — представляют собой инновационный подход к совершенствованию правового статуса арбитражного управляющего. Их реализация позволит повысить эффективность и прозрачность процедур банкротства, обеспечить баланс интересов участников и укрепить доверие к институту. Комплексное внедрение этих инновационных направлений позволит создать современный, гибкий и эффективный правовой институт арбитражного управляющего. Это, в свою очередь, повысит качество правоприменения, укрепит доверие к институту и будет способствовать развитию цивилизованного рынка правового обеспечения несостоятельности (банкротства) юридических и физических лиц в России.

Ключевые слова: банкротство, арбитражный управляющий, институциональный подход, ответственность арбитражного управляющего, инновационные направления.

Введение

Современная российская экономика характеризуется высокой степенью предпринимательской активности и, одновременно, значительными финансовыми рисками, что неизбежно приводит к возникновению процедур несостоятельности (банкротства) юридических и физических лиц. В этих условиях ключевую роль в обеспечении баланса интересов должника, кредиторов и государства играет арбитражный управляющий, назначаемый судом для ведения процедур банкротства и управления имущественной массой должника.

Правовой статус арбитражного управляющего в Российской Федерации регламентируется, прежде всего положениями Федерального закона от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) [1], а также рядом подзаконных актов и профессиональных стандартов. Арбитражный управляющий выступает не только как посредник между должником и кредиторами, но и как самостоятельный субъект, наделённый значительными полномочиями и обязанностями, направленными на восстановление платежеспособности должника или максимально эффективное удовлетворение требований кредиторов. При этом его статус существенно отличается от положения иных участников процедуры несостоятельности (банкротства), включая руководителя хозяйствующего субъекта-должника, поскольку предполагает более высокий уровень ответственности, независимость и профессионализм.

В последние несколько лет вопросы совершенствования правового статуса арбитражных управляющих приобрели особую актуальность, что связано не только с ростом числа банкротств и изменением экономической конъюнктуры, но и развитием правоприменительной практики. Несмотря на детальную регламентацию правового статуса арбитражного управляющего в нормах российского законодательства, в научной среде сохраняются дискуссии о природе его полномочий [8], роли в правоприменительной практике [7] и необходимости совершенствования законодательства в части совершенствования правового статуса арбитражного управляющего [5, 6]. Кроме того, весьма актуальным является и вопрос дальнейшего развития законодательства в части возможности включения новых механизмов регулирования деятельности арбитражных управляющих с учётом современных реалий. Учитывая вышесказанное, особую актуальность приобретает выявление основных тенденций и перспектив развития законодательства в данной сфере.

Методология и методы исследования

В основе исследования лежит комплексный подход, сочетающий догматический, сравнительно-правовой и эмпирический методы, что позволило провести многоаспектный анализ правового статуса арбитражного управляющего. Догматический метод позволил выявить пробелы и коллизии в законодательстве, регулирующем деятельность арбитражного управляющего, и систематизировать его права, обязанности и ограничения. Сравнительно-правовой метод позволил определить тенденции развития законодательства. Метод теоретического анализа был использован с целью формированию теоретической основы для критической оценки действующих правовых норм. Системный подход позволил рассмотреть арбитражного управляющего как элемент системы процедур банкротства, выявив его взаимодействие с другими участниками процесса.

Выбранная методология обеспечила достижение цели статьи — выявление проблем правового регулирования статуса арбитражного управляющего и формулирование предложений по его совершенствованию в контексте современных вызовов.

Результаты и обсуждение

Согласно ст. 20 Закона о банкротстве, арбитражный управляющий — это физическое лицо, являющееся членом саморегулируемой организации (далее — СРО), назначаемое судом для проведения процедур банкротства. Его статус сочетает публично-правовые и частные элементы: с одной стороны, арбитражный управляющий действует под контролем суда, с другой — является независимым участником процесса.

Правовой статус арбитражного управляющего в российском законодательстве является предметом активного научного обсуждения и характеризуется сложностью и многогранностью. Так, Ю.С. Харитонова, акцентирует внимание на том, что арбитражный управляющий с одной стороны, выполняет функции управления на основании прямого указания закона, однако, с другой стороны, его деятельность носит самостоятельный характер и регулируется специальными нормами [11]. Н.А. Донцов, в свою очередь, указывает на то, что арбитражный управляющий выступает как уполномоченное лицо, гарантирующее законность исполнения процедуры банкротства, что подчёркивает его особую роль в правоприменении [6]. В то же время, в научной среде существует несколько подходов, раскрывающих правовой статус управляющего с различных юридико-правовых аспектов.

Так, достаточно популярным является подход, раскрывающий правовой статус арбитражного управляющего с позиции теории представительства. В рамках указанного подхода арбитражный управляющий рассматривается как представитель одной из сторон процедуры банкротства. При этом, относительно того, чьи именно интересы представляет арбитражный управляющий, мнения учёных расходятся: одни, например, А.В. Егоров, считают, что управляющий действует как представитель должника, поскольку распоряжается имуществом должника и действует от его имени [7, 8]. Другие, подчёркивают, что управляющий действует в интересах не только должника, но и кредиторов и общества в целом [10, 12].

Второй подход раскрывает правовой статус арбитражного управляющего с позиции теории доверительного управления. Теория доверительного управления предполагает, что между должником и арбитражным управляющим возникают отношения доверительного управления [10]. Однако данный подход видится весьма спорным, поскольку управление имуществом в процедуре несостоятельности (банкротства) подчинено иным правилам: целью управления является не извлечение дохода, а удовлетворение требований кредиторов. При этом правовое регулирование осуществляется на основе норм Закона о банкротстве, а не гражданского законодательства о доверительном управлении [5].

Третий подход к правовому статусу арбитражного управляющего осуществляется с позиции трудовой теории, согласно которой арбитражный управляющий рассматривается как единоличный исполнительный орган должника. Фактически арбитражный управляющий приравнен к руководителю хозяйствующего субъекта с соответствующими трудовыми правами и обязанностями [13]. С одной стороны, такой подход не лишен своего основания только потому, что в силу ст. 20.3 и ст. 183. 25 Закона о банкротстве арбитражный управляющий явля-

ется лицом, которое в рамках процедуры банкротства выполняет функции единоличного исполнительного органа должника, что наделяет его широкими полномочиями по управлению имуществом и ведению хозяйственной деятельности должника под контролем суда и в интересах кредиторов. С другой стороны, такой подход видится весьма ограниченным, поскольку арбитражный управляющий не заключает трудовой договор и на него не распространяются гарантии, содержащиеся в положениях трудового законодательства.

Еще один подход — публично-правовой, выделяет арбитражного управляющего как должностное лицо с публично-правовыми полномочиями [13]. Обусловлено это тем, что процедуры банкротства имеют публично-правовой характер, арбитражный же управляющий действует под контролем суда и выполняет функции, направленные на защиту публичных интересов.

Несмотря на то, что каждый из вышеперечисленных подходов не лишен своего основания, недостатки современных научных представлений о правовом статусе арбитражного управляющего связаны с отсутствием единого подхода к его определению и рядом спорных аспектов, которые не получили однозначного решения в науке и практике.

Как уже был отмечено ранее, в правовой литературе выделяются несколько основных теоретических подходов к пониманию статуса арбитражного управляющего, однако ни один из них не охватывает полностью всю специфику его деятельности и не устраняет противоречий. Отсюда возникает вопрос в части неоднозначности правовой природы арбитражного управляющего. Так, вопрос о том, является ли арбитражный управляющий субъектом публичных правоотношений или исключительно участником частных правоотношений, остаётся спорным. Это порождает сложности в определении его полномочий, ответственности и гарантий, а также влияет на организацию контроля и надзора за его деятельностью.

Кроме того, существуют вопросы, связанные с регулированием ответственности и независимости арбитражного управляющего. Современное законодательство содержит недостаточно чёткие критерии привлечения управляющего к ответственности, что приводит к рискам субъективных решений и снижению доверия к институту. Кроме того, вопросы обеспечения независимости управляющего остаются недостаточно урегулированными, что отражается на качестве его работы и восприятии его роли участниками процедуры банкротства. Однако в правовой теории данной проблематике уделяется сравнительно мало внимания.

В современном законодательстве ответственность арбитражного управляющего регулируется в первую очередь ст. 20.4 Закона о банкротстве. В ней установлено, что управляющий обязан возместить должнику, кредиторам и иным лицам убытки, причинённые в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей, при этом факт причинения убытков должен быть установлен вступившим в законную силу решением суда.

Однако законодательство содержит недостаточно четкие критерии привлечения управляющего к ответственности, что создает риски субъективных решений. Например, в статье 20.4 не конкретизированы понятия «ненадлежащее исполнение» и «неисполнение обязанностей», что затрудняет объективную оценку действий управляющего и может приводить к наличию различных подходов в судебной практике.

Кроме того, законодательство предусматривает разные виды ответственности: гражданско-правовую (возмещение убытков), административную (штрафы и дисквалификация), уголовную (в случае преступных действий), а также дисциплинарную ответственность, но чётких процедур и критериев для их применения зачастую недостаточно.

В частности, административная ответственность по ч. 3 ст. 14.13 Кодекса об административных правонарушения Российской Федерации (далее — КоАП РФ) [2] предусматривает штрафы до 50 тыс. рублей за первое нарушение и дисквалификацию на срок от 6 месяцев до 3 лет за повторные нарушения, при этом дисквалификация влечёт исключение из СРО, что фактически лишает управляющего возможности работать в этой сфере.

Также в статье 20.4 Закона о банкротстве закреплена имущественная ответственность управляющего, включая обязанность возместить убытки, а также компенсировать расходы СРО в случае выплат из компенсационного фонда.

Таким образом, несмотря на наличие норм, регулирующих ответственность арбитражного управляющего, отсутствие конкретных и чётких критериев оценки его действий приводит к рискам субъективности и снижению доверия к институту.

Существуют проблемы с определением полномочий управляющего в различных этапах процедуры банкротства, а также с ограничениями по оплате услуг специалистов и неоднозначной судебной практикой по вопросам полномочий и ответственности управляющих.

Так, ст. 20.3 Закона о банкротстве закрепляет права и обязанности арбитражного управляющего, которые зависят от стадии процедуры банкротства (наблюдение, финансовое оздоровление, конкурсное производство,

внешнее управление). Управляющий обязан принимать меры по защите имущества должника, анализировать финансовое состояние, составлять реестр требований кредиторов, созывать собрания кредиторов и др. При этом полномочия управляющего не могут быть переданы другим лицам (п. 5 ст. 20.3).

Закон допускает привлечение управляющим третьих лиц (экспертов, оценщиков, юристов) на договорной основе с оплатой из средств должника (ст. 20.3 п.1), однако судебная практика и комментарии экспертов отмечают, что расходы должны быть обоснованными и согласованными с кредиторами, что иногда вызывает споры и задержки в оплате. Положения ст. 20.4 Закона о банкротстве устанавливает ответственность управляющего за ненадлежащее исполнение обязанностей, что также влияет на степень его полномочий и осторожность в принятии решений.

Таким образом, законодательство определяет широкий круг полномочий арбитражного управляющего, однако их конкретизация и практика применения вызывают сложности. Неоднозначность судебной практики по вопросам полномочий и ответственности управляющих подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования нормативной базы для повышения прозрачности и эффективности процедур банкротства. Ниже приведены конкретные примеры судебных решений, иллюстрирующие проблемы с определением полномочий арбитражного управляющего, ограничениями по оплате услуг специалистов и неоднозначной судебной практикой по вопросам полномочий и ответственности управляющих.

В Обзоре судебной практики Президиума Верховного Суда РФ от 11 октября 2023 г. описан случай, когда апелляционный суд отказал в утверждении управляющего из-за сомнений в его независимости [3]. Управляющий одновременно исполнял обязанности внешнего управляющего компании — кредитора должника, что создавало конфликт интересов и ставило под сомнение сбалансированность управления процедурой банкротства. Данный пример показывает, что полномочия арбитражного управляющего тесно связаны с требованием независимости, а нарушение этого принципа влечет отказ в утверждении и прекращение полномочий.

В другом деле арбитражный суд признал, что полномочия управляющего по распоряжению имуществом должника не ограничены уставными требованиями организации. Таким образом, суд определил факт того, что полномочия арбитражного управляющего по распоряжению имуществом не имеют ограничений [4]. В анализируемом деле арбитражный управляющий совершил сделку по отчуждению имущества на сумму, превышающую лимит, установленный уставом (50 млн рублей при лимите 10 млн), однако суд подтвердил право арбитражного управляющего действовать самостоятельно в рамках процедуры банкротства без согласования с советом директоров. Это свидетельствует о том, что полномочия арбитражного управляющего в части управления имуществом значительно шире, чем полномочия руководителя должника вне процедуры банкротства.

Также в правовой литературе не находит отражение проблема недостаточного участия суда в назначении арбитражного управляющего. В национальном законодательстве роль арбитражного суда при назначении управляющего ограничена, что не соответствует международной практике, где суд играет более активную роль. Это снижает эффективность контроля и баланс интересов сторон процедуры банкротства.

Это отражено в следующих положениях Закона о банкротстве и судебной практике. Ограниченная роль суда в выборе кандидатуры управляющего прослеживается через ст. 45 Закона о банкротстве, согласно которой суд утверждает кандидатуру арбитражного управляющего, предложенную СРО или собранием кредиторов. Суд не имеет права самостоятельно выбирать управляющего из списка СРО, а лишь проверяет соответствие кандидата формальным требованиям (наличие членства в СРО, отсутствие дисквалификации). Так, например, если кредиторы предлагают кандидата, суд обязан его утвердить, если нет нарушений закона (п. 3 ст. 45). Это исключает возможность суда оценивать профессионализм или независимость управляющего по существу.

Вызывает вопросы и пассивная позиция суда в конфликте интересов. Так, согласно ст. 20.2 Закона о банкротстве требуется, чтобы арбитражный управляющий был независим от должника и кредиторов. Однако суд не обязан проводить глубокий анализ потенциальных конфликтов интересов. В международной практике суд активно участвует в выборе арбитражного управляющего. Так, в Германии суд назначает арбитражного управляющего из официального списка, учитывая его специализацию и опыт. Во Франции кандидатура управляющего согласовывается с судом, который оценивает его независимость и компетенцию. В США арбитражный управляющий (trustee) назначается судом из федерального реестра, что исключает влияние заинтересованных лиц.

Достаточно ограниченным видится и современный научный подход в части неполного отражения многоаспектности деятельности арбитражного управляющего. Неполное отражение многоаспектности деятельности арбитражного управляющего связано с тем, что в некоторых подходах его права рассматриваются либо как ограниченные вещные права, либо исключительно как представительские функции должника, что не учитывает весь комплекс его ролей — управляющего имуществом,

представителя интересов различных сторон и субъекта как публичных, так и частных правоотношений одновременно.

Вместе с тем, положения законодательства отражают многоаспектность статуса арбитражного управляющего. Так, ст. 20.3 Закона о банкротстве подробно перечисляет права и обязанности арбитражного управляющего, которые выходят за рамки простого представительства должника. Арбитражный управляющий обязан не только сохранять имущество должника, но и вести реестр требований кредиторов, организовывать собрания кредиторов, оспаривать сделки, выявлять признаки фиктивного банкротства и действовать в интересах всех участников процедуры — должника, кредиторов и общества в целом.

Кроме того, арбитражный управляющий обладает правом запрашивать сведения у государственных органов и организаций, привлекать третьих лиц (экспертов, специалистов) для выполнения своих функций, а также подавать ходатайства и заявления в суд, что свидетельствует о его самостоятельном процессуальном статусе и публично-правовых полномочиях.

Таким образом, основные недостатки современных научных представлений заключаются в фрагментарности подходов, отсутствии единого комплексного понимания правового статуса арбитражного управляющего, а также в недостаточной нормативной регламентации, что затрудняет эффективное функционирование института в условиях современной процедуры банкротства.

Вместе с тем, необходим принципиально новый подход к совершенствованию правового статуса арбитражного управляющего, который ещё не представлен в современной юридической литературе. В частности, видится возможным институализация гибридного правового статуса арбитражного управляющего. Как уже было отмечено ранее, традиционно в науке рассматриваются либо публично-правовые, либо частноправовые аспекты статуса управляющего, что создаёт противоречия и неопределённости. Однако никто не задавался вопросом разработки концепции гибридного правового статуса, который формально закрепляет двойственную природу управляющего как одновременно публичного должностного лица и профессионала в частной практике. Такой статус предполагает создание отдельного правового института с уникальным набором прав, обязанностей и гарантий, адаптированным под специфику банкротства. Указанный статус должен быть отражён в отдельном разделе законодательства о банкротстве с чётким разграничением прав, обязанностей и гарантий, адаптированных к различным функциям управляющего. Вышесказанное позволит устранить текущие противоречия и повысить правовую определённость.

Также достаточно актуальным видится введение механизма «динамического статуса» арбитражного управляющего. В зависимости от стадии процедуры банкротства и характера конкретных полномочий, статус управляющего может меняться. Например, на стадии наблюдения он действует как представитель должника, на стадии конкурсного производства — как представитель кредиторов, а в иных случаях — как публичное должностное лицо. В литературе отсутствует четкое закрепление такого динамического, многоуровневого статуса. Если говорить про нормы законодательства, то можно предложить законодательное введение механизма, предусматривающего смену правового статуса арбитражного управляющего в ходе процедуры банкротства с четким определением объема полномочий, ответственности и гарантий на каждом этапе. Это повысит прозрачность деятельности управляющего, позволит более точно регулировать его права и обязанности и снизит риски конфликтов интересов.

Отдельные моменты касаются и правового статуса арбитражного управляющего в современных условиях, характеризующихся цифровизацией общественных процессов. Современные технологии, включая блокчейн, искусственный интеллект и цифровые реестры, трансформируют процедуры банкротства. В научной литературе пока недостаточно исследованы правовые последствия цифровизации для статуса управляющего. Новым направлением может стать разработка правового института «цифрового арбитражного управляющего», включающего нормы об ответственности за использование цифровых инструментов, защите данных и этике в цифровой среде.

Также интересным видится введение механизмов коллективной ответственности и солидарного контроля. Вместо традиционного индивидуального подхода к ответственности управляющего можно предложить институт коллективной ответственности, когда группа управляющих или СРО несут совместную ответственность за качество процедур банкротства. Это позволит повысить уровень контроля, снизить риски злоупотреблений и стимулировать сотрудничество и обмен опытом между управляющими. Коллективный контроль может реализовываться через создание специализированных комитетов в СРО, ответственных за мониторинг и оценку деятельности членов, а также через солидарную ответственность за ущерб, причинённый участникам процедуры.

Заключение

В заключение можно отметить, что современная юридическая наука сосредоточена на традиционных теориях и подходах в вопросах правового статуса арбитражного управляющего и не ориентирована на необ-

ходимость выработки принципиально новых направлений, способных существенно повысить эффективность и качество правового регулирования статуса арбитражного управляющего. Предложенные в статье направления — институализация гибридного и динамического статусов, цифровизация правового института и коллективные механизмы контроля — представляют собой инновационный подход к совершенствованию правового статуса арбитражного управляющего. Их реализация позволит повысить эффективность и прозрачность процедур банкротства, обеспечить баланс интересов участников и укрепить доверие к институту. Для этого необходим комплексный законодательный и методологический подход, учитывающий современные вызовы и тенденции развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» //Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1)
3. Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11 октября 2023 г. М., 2023. 32 с.
4. Обзор практики применения арбитражными судами положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» : утв. Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ 22 июня 2012 г. № 35. М., 2012. 45 с.
5. Витрянский В.В. Банкротство: научно-практический комментарий. М.: Юристъ, 2010. 512 с.
6. Донцов Н.А. Правовой статус арбитражных управляющих // Вестник науки. 2023. №9 (66). С. 170–177
7. Егоров А.В. «Арбитражные управляющие: правовая природа, статус, вознаграждение за труд» // Хозяйство и право. 2019. № 4 (507). С. 55–74.
8. Егоров А.В. «Конкурсное производство: комментарий ключевых моментов» // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19. № 1. С. 114–139.
9. Емельянова А.А., Ершов В.В. Правовое положение арбитражного управляющего в деле о банкротстве // Вестник Поволжского института управления. 2024. Т. 24. №1. С. 42–48.
10. Жогина Л.А., Кофанова В.П. Правовой статус арбитражного управляющего // Актуальные вопросы современной науки и технологий. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. 2023. С. 45–50.
11. Харитонова Ю.С. Правовой статус арбитражного управляющего // Вестник Московского университета МВД России. 2010. №2. С. 153–154
12. Житникова А.Н. Правовой статус арбитражного управляющего // Научный журнал НОВАУМ. 2023. URL: http://novaum.ru/public/p2762 (дата обращения: 13.06.2025).
13. Мартышева Ю.В. Подходы к определению правового статуса арбитражного управляющего // Научный лидер. 2022. №35 (80). URL: https://scilead.ru/article/2904-podkhodi-k-opredeleniyu-pravovogo-statusa-arb (дата обращения: 13.06.2025)

© Глотов Иван Дмитриевич (glotov141@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.07

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СДЕЛОК ПО СЛИЯНИЮ И ПОГЛОЩЕНИЮ («MERGERS & ACQUISITIONS») С УЧЕТОМ РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЕЙ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

IMPLEMENTATION OF MERGERS AND ACQUISITIONS CONSIDERING DIFFERENT MODELS OF CORPORATE GOVERNANCE

S. Gorbunov

Summary. In the context of economic turbulence, sanctions pressure and structural transformations, domestic companies were forced to adapt to new realities. Limited access to Western capital, changes in legislation related to the control of foreign investment, as well as import substitution processes have significantly affected the nature and dynamics of mergers and acquisitions. This article examines the specifics of M&A transactions taking into account various corporate governance models. Particular attention is paid to the influence of the corporate governance system on the specifics of M&A transactions, including mechanisms for control, protection of shareholders' rights and risk management of a «hostile» takeover. The work identifies patterns that determine the predisposition of individual models to practices within the framework of M&A transactions and the success of integration processes depending on the corporate governance structure.

Keywords: mergers, acquisitions and takeovers, M&A transactions, corporate governance theory and practice, corporate governance models, agency problem, Anglo-American corporate governance model, German corporate governance model, Japanese corporate governance model, hostile takeovers.

Горбунов Станислав Валерьевич
МГИМО МИД России, Москва
gorbunov_s_v@my.mgimo.ru

Аннотация. В условиях экономической турбулентности, санкционного давления и структурных трансформаций отечественные компании были вынуждены адаптироваться к новым реалиям. Ограниченный доступ к западному капиталу, изменения в законодательстве, связанные с контролем иностранных инвестиций, а также процессы импортозамещения существенно повлияли на характер и динамику сделок по слиянию и поглощению (англ. «mergers & acquisitions»). В настоящей статье исследована специфика проведения сделок «M&A» с учетом различных моделей корпоративного управления. Особое внимание уделяется влиянию системы корпоративного управления на особенности проведения сделок «M&A», включая механизмы контроля, защиты прав акционеров и управления рисками «недружественного» поглощения. В работе выявлены закономерности, определяющие предрасположенность отдельных моделей к практикам в рамках сделок «M&A» и успешность интеграционных процессов в зависимости от структуры корпоративного управления.

Ключевые слова: слияния, присоединения и поглощения, сделки «M&A», теория и практика корпоративного управления, модели корпоративного управления, агентская проблема, англо-американская модель корпоративного управления, немецкая модель корпоративного управления, японская модель корпоративного управления, недружественные поглощения.

Сделки по слиянию и поглощению (в англоязычных источниках именуемые устойчивым термином «mergers & acquisitions», или сокр. «M&A») занимают важное место в корпоративной практике, выступая одним из ключевых инструментов стратегического управления компаниями. В условиях глобализации и динамично меняющейся экономической среды сделки «M&A» позволяют бизнесу адаптироваться к новым вызовам, расширять присутствие на рынке, повышать конкурентоспособность и обеспечивать устойчивый рост. В российской экономике слияния и поглощения играют особую роль, поскольку они служат механизмом консолидации капитала, реструктуризации отраслей и привлечения инвестиций. Как справедливо отмечает М. Ильичева, в условиях массового ухода иностранных инвесторов с российского рынка для отечественной практики корпоративного управления характерным стало активное обращение к различным способам организации сделок «M&A» — в т.ч. посредством реорганизации, покупки активов, приобретения акций и долей компании для установления контроля над собственностью ушедших компаний со стороны российских хозяйствующих субъектов [9].

Одновременно с этим, по мнению М. Ильичевой, внутренний корпоративный рынок демонстрирует рост, обусловленный активным перераспределением активов и стремлением бизнеса к укреплению позиций в стратегически важных отраслях — таких как агропромышленность, финансово-кредитная деятельность, добыча, переработка и экспорт сырьевых ресурсов [9]. В данном контексте сделки слияния и поглощения выступают ин-

струментом перераспределения активов и концентрации капитала среди наиболее крупных корпоративных структур в стратегически значимых отраслях. При этом несмотря на то, что, в соответствии с положениями ст. 57 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1], сделки «M&A» можно, в целом охарактеризовать как соглашения, закрепляющие переход собственности компаний или консолидацию их операционных подразделений в результате реорганизации хозяйствующего субъекта, de facto в российской практике «M&A» объединяют собой сразу три вида стратегических операций, а именно:

1. операции по слиянию, т.е. добровольное стратегическое объединение двух или несколько независимых юридических лиц, в результате которого образуется полностью новая независимая хозяйственная единица — при этом, как отмечает А.А. Долгополова, ключевой особенностью слияния является сохранение прав собственности за первоначальными владельцами, которые получают доли или акции в новой компании на условиях, предусмотренных соглашением о слиянии; этот процесс является одним из видов реорганизации и укрупнения корпоративного управления и активов, который обусловлен стремлением к усилению рыночных позиций, расширению географии деятельности, снижению издержек и увеличению рыночной капитализации объединенной компании; в российской корпоративной практике слияния чаще всего происходят в рамках одного сектора или отрасли (т.е. в рамках горизонтальная интеграция), однако нередки и случаи вертикальной интеграции, направленной на создание единой производственно-сбытовой цепи [7];
2. операции по присоединению, т. е. процесс реорганизации, в ходе которого одна корпорация (присоединяемая компания) полностью ассимилируется другой корпорацией (присоединяющей компанией), в результате чего присоединяемая компания прекращает свое существование как юридическое лицо, а все ее активы и обязательства переходят к присоединяющей компании; при этом, в отличие от слияния, при котором в результате реорганизации создается новая юридическая структура, при присоединении только одна компания (присоединяющая) остается существовать в правовом поле, в то время как другая полностью ликвидируется; как подчеркивает А.А. Долгополова, ключевой особенностью присоединения является централизация корпоративного управления и повышение операционной эффективности за счет поглощения более слабого игрока со стороны более крупной и устойчивой компании [7]; по мнению М. Ильичевой, именно присоединение является одним из наиболее распространенных инструментов реструктуризации крупных российских корпораций, особенно в сферах финансов, нефтегазовой отрасли и высокотехнологичного сектора (в сфере деятельности IT-компаний) [9];
3. наконец, поглощение представляет собой третью форму реорганизации, при которой одна компания устанавливает контроль над другой путем приобретения контрольного пакета ее голосующих акций (51 % и более) либо ключевых активов — например, путем создания корпоративного холдинга любым из возможных способов — посредством получения абсолютного большинства (англ. «voting control») или большинства голосов в совете директоров (англ. «direct control»), либо заключения соглашения о поглощении-контроле (англ. «control contract»); в отличие от присоединения, при котором приобретаемая компания ликвидируется, при поглощении хозяйствующий субъект сохраняет юридическую самостоятельность, но находится под стратегическим управлением материнской организации [7].

Как отмечает А.А. Долгополова: «В сегодняшней динамической экономической обстановке компании часто сталкиваются с решениями относительно объединений — посредством слияний и поглощений корпорации могут развивать конкурентное преимущество и в конечном счете увеличивать биржевую стоимость акций» [7]. В частности, как указывает автор, анализ разнообразных экономических источников и опыта реализации уже совершенных сделок позволяет выделить несколько ключевых мотивов, лежащих в основе слияний, присоединений и поглощений международных корпоративных структур:

1. эффект эмерджентности: так, по мнению А.А. Долгополовой одним из ключевых мотивов при осуществлении стратегических операций «M&A» выступает стремление к формированию экономико-организационной эмерджентности — синергетического свойства системы, при котором объединение активов, ресурсов и совокупной компетенции сотрудников нескольких компаний позволяет достичь результатов, превосходящих сумму показателей каждой из компаний в отдельности; в частности, как указывает А.А. Долгополова, сделки «M&A» позволяют расширить ассортимент продукции и увеличить объем продаж при минимальных затратах, что ведет к повышению общей операционной эффективности и «совокупному результату, превышающему сумму результатов обособленно действующих корпораций» [7];
2. диверсификация активов: как отмечает А.А. Долгополова корпорации, стремящиеся к уменьшению рыночных и финансовых рисков, активно используют сделки «M&A» для снижения воздействия определенной производственной функции на доходность и диверсификации операционных активов — в частности, предполагается, что при-

соединение, поглощение или слияние с компаниями, работающими в смежных или совершенно иных секторах экономики, позволяет крупным акционерным компаниям уменьшить зависимость от нестабильных рынков, снизить воздействие циклических кризисов и обеспечить устойчивость доходов акционеров за счет работы в различных отраслях [7]; следовательно, в контексте диверсификации сделки «M&A» выступают инструментом долгосрочного стратегического планирования и управления рисками;

3. усиление позиции на конкретных отраслевых рынках: корпоративные субъекты, стремящиеся занятию ниши в определенной сфере производства товаров или оказания услуг, стремятся присоединить или поглотить компании, которые обладают сильными позициями на выбранных рынках, что способствует лучшей интеграции и укреплению конкурентных позиций в стратегически важных областях — предполагается, что такой подход позволяет компаниям интегрировать инновационные разработки, расширять производственные мощности и повышать конкурентоспособность на целевых рынках [7];
4. интенсивный рост компании (в противовес экстенсивному расширению): сделки «M&A», по мнению А.А. Долгополовой, позволяют крупным акционерным обществам и производственным холдингам увеличить совокупную долю на рынке без действительного ее расширения и без необходимости длительного инвестирования в собственную инфраструктуру, бренд или клиентскую базу за счет интенсивного увеличения эффективности деятельности, минуя проблемы экстенсивного органического роста, который потребовал бы значительных финансовых и временных вложений [7];
5. интеграция производств, каналов поставок или логистических цепочек: одним из ключевых факторов конкурентного преимущества при обращении к сделкам «M&A» является вертикальная интеграция хозяйственного процесса посредством объединения поставщиков, производителей и дистрибьюторов в рамках единой корпоративной структуры, т.к. поглощение или присоединение с поставщиков и логистических компаний позволяет одновременно сократить издержки на закупку сырья и компонентов, повысить уровень контроля над производственными процессами и оптимизировать логистику и управление цепочками поставок (например, как отмечает А.А. Долгополова: «если корпорация поглощает одного из своих поставщиков, она в состоянии экономить на статьях, которые поставщик ранее добавлял к затратам; если компания выкупает дистрибьютора, она в состоянии реализовывать свои продукты по более низкой цене») [7]; при этом предполагается, что факторы организации производственной вертикали особенно важны в локализированной экономике, где эффективность поставок и логистики непосредственно влияет на себестоимость продукции;
6. снижение конкурентных рисков: как указывает А.А. Долгополова: «многие соглашения о слиянии/поглощении позволяют корпорациям устранять конкуренцию и получать большую долю рынка и большее количество производимой продукции» [7]; на практике это направление использования сделок «M&A» выражается в поглощении стратегически значимых конкурентов или консолидации рынка вокруг крупнейших игроков, что в совокупности позволяет снизить давление ценовой конкуренции, создать барьеры для выхода новых компаний в отрасль и концентрировать рыночные ресурсы в руках ограниченного числа участников без нарушений антимонопольного законодательства [7];
7. использование «эффекта масштаба»: наконец, одним из важнейших факторов эффективности сделок «M&A» выступает потенциальное достижение «эффекта масштаба» — этот метод применяется хозяйствующими субъектами в операциях слияний и поглощений для снижения производственных затрат на единицу продукции путем увеличения объема операционной деятельности всей корпоративной группы или отдельных филиалов; укрупнение бизнеса приводит к снижению средних издержек на производство единицы продукции, что объясняется увеличением объемов производства, оптимизацией затрат на персонал и административное управление и сокращением выплат за сырье и логистику — таким образом, экономический смысл некоторых операций слияния, присоединения или поглощения определяется положительным эффектом, который достигается, когда рост предприятия сопровождается снижением средних издержек, что способствует повышению конкурентоспособности и эффективности работы компании [7].

При этом, как справедливо указывает Р.О. Восканян, операции поглощения в рамках соглашений «M&A» могут носить как «дружественный» характер, когда сделка согласована с руководством целевой компании, так и условно «враждебный», когда приобретаемая компания сопротивляется сделке, а контроль устанавливается посредством агрессивного выкупа акций на открытом рынке, т.е. посредством механизмов рыночного давления в противовес переговорному процессу [5]. Многие российские и зарубежные авторы склонны оценивать риски недружественного поглощения через призму разрешения т. н. «проблемы контроля — владения» (в русскоязычных источниках — «агентской проблемы»)

[12], которая впервые была обозначена в классической работе А. Берла и Г. Минза «Современная корпорация и частная собственность» (англ. «The Modern Corporation and Private Property») 1932 г. [15]. Суть проблемы контроля — владения в контексте агентских отношений между принципалами (собственниками) и агентами (менеджерами) заключается в разрешении вопроса о том, чьи интересы — собственников (владельцев) или менеджеров должны преобладать в управлении корпорацией при формировании универсальной модели менеджмента. Представляется, что в наиболее лаконичном, виде данная проблема была обобщена А.Н. Хориным и А.В. Бровкиным, в соответствии с формулировкой которых агентская проблема связана с «отсутствием стремления менеджеров к максимизации доходов на инвестированные акционерами средства» [14].

Таким образом, при осуществлении сделок «M&A» агентская проблема проявляется в том, что менеджеры могут действовать не в интересах собственников, а руководствоваться своими личными мотивами, блокируя поглощение, даже если оно экономически целесообразно, в то время в рамках «недружественного» поглощения сами акционеры могут пожертвовать долгосрочными интересами компании ради сиюминутной выгоды. Кроме того, как отмечают Р.В. Приходько и А.А. Мансур: «Крупные акционеры, как правило, находятся в гораздо более привилегированном положении, нежели миноритарные. В силу того, что все они участвуют в собрании акционеров и имеют всю необходимую информацию о том, какие прибыли получила корпорация в отчетном периоде, они получают возможность присвоить себе дивиденды, причитающиеся на долю мелких инвесторов и зачастую этим злоупотребляют» [13].

Примечательно, что при изучении означенной проблемы еще сами А. Берл и Г. Минз исходили из предпосылки о том, что несовпадение управленческих и финансовых интересов создает конфликт, разрешение которого выражается в закреплении соответствующей обезличенной модели управления [15]. Как указывают П. Кузнецов и А. Муравьев, с развитием крупных корпораций в 1970-х гг. происходит отделение собственности от управления, что приводит к возникновению агентских отношений между принципалами (собственниками) и агентами (менеджерами) [11]. В свою очередь, уже разделение интересов и роли собственников и менеджеров-управленцев в корпоративной структуре через концепцию агентской проблемы оказало решающее влияние на формирование современных моделей корпоративного управления.

Отделение категории отношений собственности от функций управления привело к формированию двух (а затем — и большего числа) моделей корпоративного управления. Сегодня эти модели не только определяют собой распределение приоритетов при стратегическом планировании в рамках управления корпорацией, но и оказывают непосредственное влияние на склонность хозяйствующего субъекта к участию в сделках «M&A» и риски «недружественного» поглощения. Так, англосаксонская модель корпоративного управления (другие названия — «англо-американская модель», «акционерная модель», «аутсайдерская модель», англ. «Shareholder-oriented model») была развита на основе принципов свободного рынка, в соответствии с которыми акционеры занимают центральное место в определении приоритетов менеджмента, а основная цель компании — максимизация их прибыли.

Данная модель получила широкое распространение в США, Великобритании, Канаде и Новой Зеландии (от чего и получила соответствующую географическую привязку в названии) и была крайне популярная на фоне роста фондовых рынков и расцвета деятельности институциональных инвесторов (англ. «qualified institutional investor»). Как отмечает А.Г. Дементьева, в рамках англо-американской модели корпоративного управления ключевое значение придается рыночной стоимости компании и удовлетворению интересов акционеров, которые выступают фактическими владельцами и основными бенефициарами деятельности корпорации. Контроль со стороны инвесторов в рамках англосаксонской модели корпоративного управления ослаблен, что делает компании более восприимчивыми к поглощениям (в т.ч. враждебным) [8]. Руководство компании принимает решения с учетом рыночной конъюнктуры, а ключевую роль в сделках «M&A» играют не менеджеры или инвесторы, а держатели акций, стремящиеся к получению прибыли через рост стоимости акций или продажу активов.

При этом в рамках англо-американской модели, где контроль над корпорациями рассредоточен между множеством миноритарных акционеров, компании наиболее уязвимы перед враждебными поглощениями. Отсутствие доминирующего владельца делает возможным выкуп контрольного пакета через фондовый рынок, а рыночные механизмы корпоративного контроля обеспечивают большую гибкость в приобретении активов. Впрочем, риски «недружественного» поглощения выступают диалектическим следствием общей предрасположенности англо-американской модели к сделкам по реструктуризации — в частности, комментируя данный аспект В.М. Пашкова отмечает, что «англосаксонская модель корпоративного управления предполагает в равной мере возможность как добровольных, дружественных слияний, так и недружественных (враждебных) поглощений» [12].

В то же время характерная для стран Центральной Европы — таких как Германия, Австрия, Нидерланды, Бельгия и Франция — немецкая модель управления корпорацией (другие названия — «германская модель», «континентально-европейская модель», «рейнская мо-

дель», «инсайдерская модель», «банковская модель», англ. «Stakeholder-oriented model») основана на принципах коллективного управления и учета интересов различных стейкхолдеров (бенефициаров или выгодополучателей). В отличие от англо-американской модели, где основной акцент сосредоточен на обеспечении текущих интересов акционеров и достижении краткосрочных формальных показателей, немецкая модель стремится к достижению устойчивого и долгосрочного развития корпорации [12].

Как указывает А.Г. Дементьева, «особенности немецкой модели детерминированы многообразием специфических для западной Европы экономико-политических и нормативно-правовых факторов, среди которых высокая степень концентрации акционерного капитала, доминирующая роль банков в принятии корпоративных решений и сравнительно небольшая распыленность акций среди частных инвесторов» [8]. В рамках немецкой модели корпоративное управление основывается на устойчивом контроле со стороны мажоритарных акционеров, банков или государства. В таких системах сделки «M&A» реже происходят в результате внедоговорных рыночных механизмов, а чаще носят стратегический, регулируемый характер. В рамках сделок «M&A», заключаемых компаниями с немецкой моделью, наблюдается меньшая зависимость от краткосрочных интересов акционеров и большая роль долгосрочного стратегического планирования, что делает компании менее уязвимыми для рыночных манипуляций в целом и недружественных поглощений в частности.

Ввиду того, что немецкая модель корпоративного управления основывается на базе концентрированной структуры акционерного капитала, а функцию основного инвестора выполняет, как правило, коммерческий банк, который требует тщательного обоснования целесообразности осуществления крупных финансовых проектов, сделки «M&A» чаще происходят в результате долгосрочного стратегического планирования, направленного на укрепление позиций компании, а не на краткосрочную спекулятивную выгоду. Значимой характеристикой немецкой модели, по мнению В.М. Пашковой, является то, что «в результате большинство сделок в странах с континентальной моделью управления носит дружественный и закрытый характер, является следствием долгих предварительных переговоров, а не результатом публичных тендерных предложений» [12]. В таких системах ключевые стратегические решения принимаются на уровне советов директоров, с гласного одобрения ключевого инвестора и национального регулятора, что также существенно ограничивает возможность «недружественного» выкупа акций.

Наконец, основанная на консолидации корпоративной собственности японская модель корпоративного управления (другие названия — «модель кэйрецу», «лояльная модель», англ. «long-term cooperative governance model») строится на принципах коллективизма, долгосрочных трудовых отношений и взаимосвязи между компаниями через перекрестное владение акциями. Как отмечает А.Г. Дементьева, модель характеризуется наличием крупных корпоративных групп — «кэйрецу», которые объединяют множество компаний из различных отраслей, связанных перекрестным владением акциями (практикой, при которой компании, входящие в группу кэйрецу, взаимно владеют акциями друг друга) и долгосрочными деловыми отношениями. Соответствующие группы охватывают собой широкий круг хозяйствующих субъектов — от промышленных предприятий до кредитных организаций, что обеспечивает устойчивое финансирование и стабильные деловые связи между участниками таких кэйрецу [8].

В отличие от англо-американской системы, где рыночный механизм активно регулирует структуру собственности, японские корпорации функционируют как замкнутые группы с высокой степенью автономии, в то время как из-за перекрестного владения акциями и плотного контроля со стороны банков недружественные поглощения в Японии практически не встречаются. Более того, как отмечает В.М. Пашкова: «в японской корпоративной культуре сложилось негативное отношение к недружественным сделкам — враждебные слияния и поглощения расцениваются как непродуктивная трата материальных и человеческих ресурсов, препятствие экономическому росту и причина нарушения благоприятного социального климата» [12]. В результате именно японская модель корпоративного управления демонстрирует максимальную степень защиты от враждебных поглощений благодаря системе перекрестного владения акциями, банковскому надзору и ориентации на долгосрочное сотрудничество.

Таким образом, различные модели корпоративного управления по-разному влияют на стратегическое поведение компаний, их участие в сделках «M&A» и вероятность недружественных поглощений. Сопротивление менеджмента таким сделкам объясняется конфликтом интересов между руководителями и акционерами: менеджеры стремятся сохранить свои позиции, в то время как акционеры заинтересованы в максимизации стоимости компании. Недружественное поглощение в этом контексте можно рассматривать как инструмент рыночного давления (проявление «невидимой руки рынка»), направленный на устранение неэффективного управления и повышение стоимости активов. Кроме того, структура корпоративного контроля оказывает непосредственное влияние на вероятность недружественных поглощений — в частности, предполагается, что чем выше концентрация собственности и степень контроля со стороны государства или крупных акционеров, тем ниже вероятность «недружественных» сделок «M&A».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 №51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (Дата обращения: 19.03.2025).
2. Федеральный закон от 26.12.1995 №208-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об акционерных обществах» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/ (Дата обращения: 19.03.2025).
3. Воротилова О.А., Казаков Ю.Ю. Роль слияния и поглощения в корпоративном управлении для организации // Финансовая аналитика: проблемы и решения. — 2015. — № 11 (245). — С. 21–26.
4. Восканян Р.О. Двухклассовая система формирования капитала компании: американский и британский опыт // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. — 2021. — № 1. — С. 111–120.
5. Восканян Р.О. Развитие системы защиты от недружественных сделок слияния и поглощения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2021. — № 56. — С. 109–118.
6. Годжаева Э.Д. К вопросам о видах моделей корпоративного управления // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2021. — № 5 (57). — С. 160–163.
7. Долгополова А.А. Слияние и поглощение как основные факторы расширения международного бизнеса // Бюллетень науки и практики. — 2018. — №10. — С. 335–340.
8. Дементьева А.Г. Развитие корпоративного управления в условиях глобализации: диссертация доктора экономических наук / А.Г. Дементьева. — М., 2012. — 389 с.
9. Ильичева М. Сделки M&A: практические модели структурирования // Правовой портал «pravo.ru» [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/opinion/251996/ (Дата обращения: 19.03.2025).
10. Королев В.А. «Агентская проблема» как источник корпоративного управления // Правовой портал Северо-Западного центра корпоративного управления [Электронный ресурс]. URL: https://succession.ru/korporativnoe-upravleine-agentskaya-problema/ (Дата обращения: 19.03.2025).
11. Кузнецов П., Муравьев А. Структура акционерного капитала и результаты деятельности фирм в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. — 2000. — № 4. — С. 475–504.
12. Пашкова В.М. Модель корпоративного управления как фактор динамики слияний и поглощений // Российское предпринимательство. — 2010. — № 7-2. — С. 61–67.
13. Приходько Р.В., Абд Асаад Мансур. Содержание и принципы управления корпоративными финансами // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». — 2016. — № 1. — С. 56–61.
14. Хорин А.Н., Бровкин А.В. Агентская проблема и возможные пути ее решения // Экономика и предпринимательство. — 2020. — № 4. — С. 1306–1310.
15. Berle A.A., Means G.C., Weidenbaum M.L., Jensen M. The Modern Corporation and Private Property (Reprint). — New York: Transaction Publishers, 1932. — 282 p.

© Горбунов Станислав Валерьевич (gorbunov_s_v@my.mgimo.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.11

ПЕРЕВОЗКА ИЛИ ТУРИЗМ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ВОДНОГО КРУИЗА

PASSENGER TRANSPORTATION OR TOURISM: LEGAL REGULATION OF CONTRACTUAL RELATIONSHIP IN THE WATER CRUISE

V. Zolotovskiy

Summary. The study identifies the legislative specifics of contractual relations in the water cruise. The status of the legal relations subjects was determined, were characterized the law nature and content of the main and additional services, general and special aspects of legal regulation were identified, were disclosed the legal conditions of activity of cruise tourism. Was paid a special attention to the study of imperfection and inconsistency of simultaneously existing requirements for the water cruise organization as a form of tourist travel and transportation.

Keywords: cruise, water cruise, cruise tourism, legal regulation in tourism, the status of cruise tourism business activity subjects.

Золотовский Владимир Алексеевич
Кандидат исторических наук, доцент,
Федеральное Государственное Автономное
Образовательное Учреждение Высшего Образования
«Волгоградский государственный университет»
zolotovskiy.azi@volsu.ru

Аннотация. Работа посвящена раскрытию специфики правового обеспечения договорных отношений в сфере водного круиза. Был определен статус субъектов, охарактеризована правовая природа и содержание основной и дополнительной услуг, выявлены общие и специальные аспекты нормативного регулирования, а также раскрыты правовые условия деятельности в сфере круизного туризма. Особое внимание было уделено вопросам несовершенства и противоречивости одновременно действующих требований к организации круиза как формы туристского путешествия и перевозки.

Ключевые слова: круиз, водный круиз, круизный туризм, правовое регулирование в туризме, статус субъектов деятельности в сфере круизного туризма.

Ведение

Динамика развития туристских отношений и темпы роста туристской экономики обусловливают необходимость принятия мер оперативного регулирования, которые на первых этапах их внедрения в национальную правовую систему вступают в противоречие с действующей системой правого регулирования. Современные тенденции в правовом регулировании специальных видов туризма и растущий интерес к круизу актуализируют вопрос о специфике правового обеспечения деятельности в этой сфере внутреннего туризма. В рамках статьи мы остановимся на раскрытии вопроса специфики договорных отношений в круизном туризме.

Анализ

В научной литературе, посвященной водным видам туризма, уделяют особое внимание вопросам инфраструктурного обеспечения перспективных направлений, а также условий развития водного круиза. При этом лишь косвенно затрагиваются вопросы экономики и управления водного туризма. В этой связи следует обратиться к фактически единогласному и безапелляционному отождествлению в работах, посвященных водным видам туризма, круиза и турпродукта без учета специфики предмета регулирования и правовой природы отношений [18, С. 89–90; 9, С. 31; 12, С. 59; 23, P. 4; 2, С. 143; 10, С. 81–82; 20, С. 284–285]. Авторы отдельных работ идут дальше, предлагают специальную классификацию круизного турпродукта [3].

Понимание круиза через выделение основополагающего значения перевозки встречается в единичных исследованиях. Так, в рамках рассмотрения вопроса обеспечения безопасности в сфере международных водных перевозок, М.С. Оборин, характеризует морской круиз как морскую прогулку, сочетающую туристские услуги [11, С. 11]. Вместе с тем, произошедшие в 2020–2024 гг. изменения в нормативном регулировании отношений в сфере внутреннего круизного туризма не получили комплексного осмысления и стали основой научной актуальности нашего исследования.

Проблема правового регулирования деятельности в сфере круизного туризма крайне редко удостаивалась специального рассмотрения. Характеризуя новейшие исследования, следует остановиться на работах А.С. Маковской, Е.Н. Абрамовой и Ю.С. Цветковой, последовательно поставивших неочевидный для нас в связи общей неурегулированностью отношений в водном круизе вопрос о необходимости введения специальной конструкции договора морского круиза [9, С. 33; 1, С. 28].

Среди изысканий, посвященных выделению специфики круизной деятельности, определенный инте-

рес представляет специальная статья О.А. Шевченко, П.Е. Морозова и Д.С. Слюсарева. Несмотря на явную актуальность такого изыскания, авторы статьи не уделили внимания туристской составляющей в понимании сущности круизной деятельности и специфике круизного продукта. Очевидно, под влиянием публичной артикуляции темы арктического туризма [См.: 2, С. 127–128; 21] исследователи ограничили цель круизного туризма исследовательской составляющей и необоснованно исключили из состава специальных круизных услуги, оказываемые на борту судна. Вызывает недопонимание отказ авторов от работы с соответствующими теме федеральными законами и подзаконными актами, а также неаргументированный выбор в качестве основного источника ГОСТ «Туристские услуги. Речные круизы. Общие требования» 2014 года [22].

Результаты исследования

Основываясь на складывающихся традициях формирующегося в России туристского права, следует подчеркнуть, что правовое регулирование деятельности в круизе как специальном виде должно быть основано на его нормативном определении. Вводимые в федеральные нормативно-правовые акты нормосодержащие дефиниции определяют систему субъектов, их статус и виды деятельности. Кроме того, в них конкретизируется цель соответствующего вида туристского путешествия, что позволяет уточнить перечень оказываемых услуг. Однако, в настоящее время соответствующая дефиниция водного круизного туризма не нашла отражения в специальном туристском законодательстве. Опосредованно государственная воля в этом вопросе проясняется на основе анализа нормативно-правового обеспечения перевозок в сфере водного транспорта. Сам факт раскрытия этого вопроса в транспортном праве предопределил особенности правого регулирования соответствующих отношений. Так, в Кодексе внутреннего водного транспорта [7] (далее — КВВТ) содержатся классификация маршрутов, а также указание на форму билета, подтверждающего заключение договора перевозки. В частности, в ст. 96 в общем перечне видов маршрутов на основе продолжительности маршрутов [7], в соответствии с временным критерием разграничения статуса туриста и экскурсанта, отраженным в ст. 1 федерального закона № 132 «Об основах туристской деятельности в РФ» [19] (далее — ФЗ 132), упомянуты туристские и экскурсионные маршруты: «туристские — маршруты перевозок пассажиров продолжительностью более чем 24 часа; экскурсионно-прогулочные — маршруты перевозок пассажиров продолжительностью не более чем 24 часа».

В п. 2 ст. 97 законодатель конкретизирует цель круиза как перевозки, оговаривая, что право проезда пассажира по указанным видам маршрута обеспечивается билетом [7]. При этом, законодатель делает два уточнения. Согласно п. 4 ст. 97 [7], с одной стороны, подчеркивает, что вместо билета в подтверждение заключения договора перевозки по экскурсионно-прогулочным и туристским маршрутам перевозок пассажирам может быть выдана «путевка или билет на перевозку группы пассажиров». С другой стороны, конкретизируется, что при перевозке туриста по туристскому маршруту «путевка формируется как туристский продукт».

Отметим, что приведённые в КВВТ нормативные веления не позволяют сделать даже предварительных выводов о специфике круизного туризма. В частности, кажется очевидным, что законодатель принципиально разделяет потребителей на туристов и пассажиров, делая основным субъектом отношений пассажира. В тоже время турист упоминается единожды, в последней части п. 4 ст. 97 [7], в связи с крайне неопределенной фразой, согласно которой путевка формируется как туристский продукт. Кроме того, закрепленная в п. 4 ст. 97 КВВТ формулировка прямо противоречит определению турпродукта, представляющему собой не документ, подтверждающий право, а комплекс услуг [7]. Такая некорректность в определении еще больше усложняет понимание государственной воли в вопросе сущности круиза.

Специальные определения и основы для построения таковых содержаться в подзаконных нормативных актах, а также документах, содержащих технические нормы. Так, «Стратегия развития туризма до 2035» содержит сущностную видовую характеристику круизного туризма как вида путешествия на круизном судне с определенными туристскими целями: путешествие на круизном судне по обозначенному маршруту в культурно-познавательных, досугово-рекреационных, оздоровительных, профессионально-деловых и других целях [15, раздел 1]. Предложенное понимание круизного туризма как специального вида основано на телеологическом подходе и не содержит конкретики в отношении перечня услуг. Определяющим является лишь наличие услуги по перевозке по маршруту путешествия.

В Концепции развития круизного туризма представлено определение круиза, конкретизирующее его потребительскую характеристику: комплексный туристский продукт, включающий перевозку пассажиров по заранее согласованному туристскому маршруту по морским и (или) внутренним водным путям. Кроме того, в Концепции развития круизного туризма уточняется перечень основных (размещение, питание, экскурсионное обслуживание, услуги учреждений культуры и обеспечение туристскими товарами на берегу во время стоянок судна, дополнительные услуги на борту) и дополнительных (предоставление авиа- или железнодорожных билетов до места посадки и высадки, трансфер от аэропорта или железнодорожного вокзала до порта и обратно, дополнительную экскурсионную программу до (после) кру-

иза, страховые услуги, визовую поддержку и др.) услуг, составляющих круизный туристский продукт [16, раздел III]. Отметим, что указанные дополнительные услуги нашли отражение в правилах перевозки пассажиров водным транспортом. Они разрешены к оказанию перевозчиком или его агентом [14, п. 11].

Примечательно, но даже в более конкретных по содержанию определениях, представленных в Концепции развития круизного туризма, как и в КВВТ упоминается о перевозке пассажиров, а не туристов. Уже в этом мы усматриваем логическое противоречие указанных норм положениям ФЗ 132. С правовой точки зрения морской и речной круиз в указанных ранее нормативных актах идентифицируется как перевозка пассажиров специальным водным транспортом. Отличие между круизным туризмом (читай — круизом) и перевозкой состоит в том, что перевозка имеет своей целью перемещение пассажира из одного пункта в другой, а круиз — это вид деятельности по предоставлению туристского продукта как комплекса услуг, сочетающего в себе транспортировку, обусловленную нахождением на судне как самоходном сооружении, предназначенном для перевозки и временного проживания, а также соответствующие материальные и нематериальные услуги, определенные длительностью нахождения на борту судна и реализацию программ отдыха и развлечения. Вместе с тем, следует согласиться со справедливым различением круизного туризма от линейных водных пассажирских перевозок на основании таких критериев как: мотивация путешествия, социальный состав пассажиров, спектр предлагаемых пассажирских услуг, конструктивные особенности судов, время отплытия, а также география маршрутов [23, P. 3–4].

Приведенные нами определения и нормативные веления, а также закрепленная в ФЗ 132 «Об основах туристской деятельности в РФ» дефиниция турпродукта [19, ст. 1], позволяют с уверенностью сделать вывод о том, что в вопросе понимания комплексной круизной услуги законодатель не делает различий между круизным туризмом и туристскими круизными перевозками. При этом, в специальном ГОСТ Р 56221-2022 «Туристские услуги. Речные круизы. Общие требования» в этом вопросе в форме необязательного к исполнению требования изложено нормативно-техническое уточнение не только в части характеристики круиза как турпродукта, через определение круизного судна с точки зрения его использования как плавательного средства и объекта размещения. В стандарте упоминаются туристы, представленные в качестве субъектов речного туризма, в контексте определения речного круиза и услуг речных круизов: деятельность по организации и осуществлению речных круизов, включающая в том числе размещение туристов в каютах, перевозку по запланированному маршруту, питание, проведение культурно-массовых и других мероприятий на борту судна, экскурсионное обслуживание в пунктах стоянок по маршруту следования судна [4, С. 2, 5–7].

Особый интерес представляет вопрос экономико-правового статуса субъектов. Речь идет не только о потребителях товаров и услуг. Специальное значение имеет статус поставщиков услуг. С учетом объектной обусловленности выделения базовой роли услуги по перевозки в круизе, основным субъектом отношений в круизном туризме является перевозчик. Его статус определяется нормами ГК РФ 2 часть глава 40 «Перевозка» 5], Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации [8] (далее — КТМ), КВВТ [7], федерального закона о лицензируемой деятельности и правил перевозки, а также технической нормой п. 3.6. ГОСТ Р 56221-2022 [4], согласно которым исполнителями услуг речных круизов должны быть: юридические лица различных форм собственности или индивидуальные предприниматели, владеющие судном на правах собственности или аренды, обеспечивающие его эксплуатацию и надлежащее техническое состояние и использующие его в целях круиза.

В тоже время, относя услуги, оказываемые в круизе к туризму, мы должны опираться на нормы ФЗ 132, согласно которым деятельность по формированию, продвижению и реализации туристских услуг в круизном туризме должна осуществляться туроператором. Отметим, что в 2020 г. в КВВТ была введена норма, которая закрепляет за перевозчиком в сфере круизного туризма право выбора формы реализации услуг: либо как перевозку с соответствующими круизу услугами и оформлением права на них в виде билета, либо как турпродукта с соответствующей реализацией и оформлением права на эти услуги в виде путевки. Таким образом, учитывая действующее туристское и транспортное законодательство, а также общую туроператорскую практику и специфику круиза, организация деятельности в сфере круизного туризма может быть представлена в следующих трех формах:

- перевозчик в сфере туристского круиза получает статус туроператора (ярким пример являются такие судоходные компании как ООО «Круиз», ООО «ВОДОХОДЪ», АО «ДОНИНТУРФЛОТ», ООО «ГАМА», ООО КФ «РУСИЧ», ООО СК «БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ»);
- наиболее соответствующая практика российскому туроперейтингу и отечественному законодательству — туроператор заключает с фактическим перевозчиком договор фрахтования [7, п. 6 ст. 95; 8, ст. 177, ст. 198], выступая в качестве договорного перевозчика дополняет круизный тур экскурсионными услугами в местах остановок посредством договоров с надлежащими исполнителями. Здесь важно отметить, что лишь в Кодексе торгового мореплавания, в части определения обязательств надлежащего информирования, встречается упоминание о фактическом перевозчике [8, п. 1 ст. 173; 8, п. 2 ст. 177; 8, ст. 187]. В таких

случаях, для приведения гражданско-правовых отношений в соответствие с национальным законодательством перевозчики в сфере водного круиза оформляют их договором, предметом которого является «оказание услуг по формированию и реализации туристского продукта (круиза) Компанией по заданию Клиента на условиях, указанных в настоящем Договоре» [1, С. 28];

— исполнение круизных услуг в составе услуг по договору перевозки самим судовладельцем-перевозчиком без получения статуса туроператора [17, С. 115–119].

Несмотря на то, что последний вариант соответствует действующему транспортному праву, он вступает в противоречие с принципами и целями правового регулирования в сфере туризма в РФ. Прежде всего это касается правовых форм обеспечения защиты интересов туристов, существенно отличающихся от механизмов защиты прав пассажиров.

С одной стороны, в соответствии со ст. 1 ФЗ 132 основными поставщиками турпродукта, отвечающими за неисполнение и ненадлежащее исполнение услуг, являются туроператоры. При реализации круизного турпродукта туроператором, заключившим с фактическим перевозчиком договор тайм-чартера, данные нормы совпадают с принципами и нормами КТМ в части определения ответственности перевозчика. Так, согласно п. 1, 2 ст. 187: «В случае, если осуществление перевозки пассажира или ее части поручено фактическому перевозчику, перевозчик тем не менее несет ответственность в соответствии с правилами, установленными настоящей главой, за всю перевозку пассажира…; В отношении перевозки пассажира, осуществляемой фактическим перевозчиком, перевозчик несет ответственность за действия или бездействие фактического перевозчика, его работников или агентов, действовавших в пределах своих обязанностей» [8]. С другой стороны, нормы КВВТ, регулирующие эти отношения на основе выделения перевозчика и судовладельца в качестве основных субъектов пассажирской перевозки [7, ст. 3], не устанавливая при этом классификации перевозчиков на фактических и договорных, прямо и конкретно определяют ответственность перевозчика по договору перевозки и договору фрахтования [7, п. 1, 6 ст. 95; 7, п. 1, 3 ст. 97; 7, ст. 99; 7, п. 2 ст. 116].

Однако, именно в связи с вопросом специфики субъектов-исполнителей услуг по перевозке возникает не менее важный вопрос о характере и правовой природе услуг в круизном туризме — являются ли они отдельными услугами по перевозке, или же представляют собой специфичный тип турпродукта? Следует подчеркнуть, что указанные ранее нормы п. 4. ст. 97 КВВТ [7] и Правил оказания услуг по перевозке пассажиров водным транспортом предполагают оба варианта [14, п. 10]. Кроме того, нормами п. 5.5, 6 ГОСТР 56221-2022 [4] определяется специальный набор услуг по размещению и соответствующему обслуживанию, совпадающими с гостиничными, позволяющий отнести комплекс услуг круизного туризма к турпродукту. Эта же проблема определяет понимание статуса потребителя в круизном туризме и сопутствующих вопросов юридической ответственности всех участников отношений. Прежде всего в этом аспекте проблемы мы сталкиваемся с уже упомянутой выше нормативной неопределенностью, не позволяющий разделить статус потребителя услуг в круизном туризме на статус пассажира и статус туриста.

Кроме того, для нас очевидно, что сопряжение статуса туриста и пассажира обусловливает затруднение в защите интересов исполнителя круизных услуг при реализации прав туриста / пассажира, соответствующих с одной стороны нормам ст. 10 и ст. 14 ФЗ 132 [19], с другой стороны норм КТМ [8], КВВТ [7] и Правил морской перевозки пассажиров [13], направленных на регулирование и правовое обеспечение условий одностороннего отказа от исполнения условий, или расторжение договора оказания услуг.

В частности, речь идет о сопряжении права туриста на расторжение / односторонний отказ договора о реализации турпродукта в связи с изменениями условий перевозки / маршрута и т.д., с правом перевозчика отменить перевозку на основании необходимости соблюдения требований к обеспечению безопасности по требованию властей [8, ст. 184, 185; 7, ч. 8 ст. 95, ст. 101; 13, п. 35]. Отметим, что последнее не относится к норме ст. 14 ФЗ 132 [19], отраженной в гипотезе нормы и имеющей практику реализации исключительно в связи с условиями организации экстренной помощи, как в части оснований, так и в части субъектов принятия решений.

Не менее важное значение норма п. 64 Правил морской перевозки пассажиров о праве пассажира до отхода судна, а также после начала рейса в любом порту, в который судно зайдет для посадки или высадки пассажиров, отказаться от договора морской договора перевозки пассажира [13]. Указанные нормативные требования явным образом вступают в противоречие норме ч. 6,7 ст. 10 федерального закона об основах туристской деятельности в РФ, закрепляющей конкретный перечень условий, выступающих основанием изменения или расторжения договора о реализации туристского продукта для каждой из сторон [19].

Выявленное противоречие транспортного законодательства туристскому объективно определенно личными и национальными интересами безопасности в наделении перевозчика правом изменения туристского маршрута и проч. Здесь важно еще раз подчеркнуть, что первичность услуги по перевозке, составляющая специфику и сущность круиза, определяет обязательным условием перевозки пассажиров в пункт назначения,

после расторжения договора [13, п. 35]. В то время как прекращение договора о реализации туристского продукта предполагает возврат денежных средств за вычетом понесенных расходов [19, ст. 14]. Особое значение этот вопрос приобретает, в том числе, в связи с актуализацией темы о введении безвозвратных тарифов [6].

Выводы

Анализ специфики договорных отношений, позволил сделать выводом о том, что наиболее корректной с точки зрения защиты прав потребителя будет организация круизного туризма либо туроператором — круизным перевозчиком, либо туроператором, формирующим круизный турпродукт на основе договора с перевозчиком и выступающим в качестве договорного перевозчика. При таком подходе все прямые обязательства будут не только отражены в договоре с потребителем, но и получат правовое обеспечение в форме императивных велений, позволяющих в случае нарушения обязательств туроператора — исполнителя услуги в сфере круизного туризма обеспечить наступление всех видов юридической ответственности.

Акцентируя внимание на деятельностной характеристике круиза, отметим, что, согласно российскому гражданскому законодательству, отношения, связанные с оказанием услуг, входящих в круиз, должны регулироваться разными видами договоров: договор перевозки и договор оказания услуг. При этом доктринальная и нормативная определенность предмета этих договоров явным образом вступает в противоречие со сложившейся в круизе договорной практикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Е.Н., Цветкова Ю.С. Некоторые вопросы правового регулирования взаимных обязательств туриста и туроператора в Арктике // Океанский менеджмент. 2020. №4 (9). С. 27–30
2. Афанасьева А.В. Круизный туризм в Антарктике: состояние и актуальные тренды // Современные проблемы сервиса и туризма. 2021. Т.15. №3. С. 126–148
3. Войт М.Н. Современные концепции речного круизного турпродукта в России // Цивилизация знаний: российские реалии. Сборник трудов XXIV международной научной конференции. Москва, 2023. С. 682–690
4. ГОСТ Р 56221-2022 «Туристские услуги. Речные круизы. Общие требования». М.: ФГБУ «Институт стандартизации», 2023. 12 стр.
5. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. N 5. ст. 410[«Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. N 5. ст. 410
6. Для речных круизов необходимо ввести невозвратные тарифы. URL: https://ratanews.ru/news/general/dlia-recnyx-kruizov-neobxodimo-vvesti-nevozvratnye-tarify (дата обращения — 14.06.2025)
7. «Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации» от 07.03.2001 N 24-ФЗ // Парламентская газета. 12.03.2001. N 45; Собрание законодательства РФ. 12.03.2001. N 11. ст. 1001
8. «Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации» от 30.04.1999 N 81-ФЗ (ред. от 22.06.2024) // Российская газета. 01-05.05.1999. N 85–86; Собрание законодательства РФ. 03.05.1999. N 18. ст. 2207
9. Маковская А.С. Некоторые вопросы правового регулирования морского круизного туризма в России // Океанский менеджмент. 2019. № 1 (4). С. 30–34
10. Масленников С.Н., Синицын Г.Я., Преснякова А.В. Речной круизный туризм: тенденции развития и вызовы в условиях глобальных изменений // Научные проблемы транспорта Сибири и Дальнего Востока. 2025. № 1. С. 79–84
11. Оборин М.С. Тенденции и особенности развития круизного туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2021. Т.15. №3. С. 7-18
12. Поддубная Т.Н., Заднепровская Е.Л., Джум Т.А. Тенденции развития круизного туризма в Краснодарском крае // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 4 (53). С. 58–63
13. Приказ Минтранса России от 17.06.2015 N 190 (ред. от 25.07.2022) «Об утверждении Правил морской перевозки пассажиров» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 07.09.2015
14. Приказ Минтранса России от 29.07.2024 N 256 «Об утверждении Правил оказания услуг по перевозке пассажиров, багажа, грузов для личных (бытовых) нужд на внутреннем водном транспорте» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 27.11.2024
15. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 N 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 год» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 23.09.2019; Собрание законодательства РФ. 30.09.2019. N 39. ст. 5460
16. Распоряжение Правительства РФ от 28.01.2022 N 117-р «Об утверждении Концепции развития круизного туризма в Российской Федерации на период до 2024 года» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 07.02.2022; Собрание законодательства РФ. 14.02.2022. N 7. ст. 997
17. Стахова Л.В. Возможности сотрудничества туристских компаний с круизными туроператорами // Сервис в России и за рубежом. 2016. Т. 10. № 2 (63). С. 111–124
18. Телепченкова Н.В. Современные проблемы развития круизного туризма в России // Социальная политика и социология. 2015. Т. 14. № 1 (107). С. 89–96
19. Федеральный закон от 24.11.1996 N 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 02.12.1996. N 49. ст. 5491; Российская газета. N 231. 03.12.1996
20. Хоанг Т.В., Динг Н.Х., Нгуен Х.Ан., Тринь Тхи Н.Т., Тринь Тхи Т.М. Состояние развития круизного туризма во Вьетнаме // Наукосфера. 2025. № 3-1. С. 283–289
21. Цветкова Ю.С. Анализ правового регулирования арктического туризма в Российской Федерации на региональном уровне // Юридическая наука. 2025. № 4. С. 273–277
22. Шевченко О.А., Морозов П.Е., Слюсарев Д.С. Актуальные проблемы правового регулирования внутреннего круизного туризма в Российской Федерации // Туризм: право и экономика. 2022. № 3. С. 9–11
23. Logunova N., Kalinkina S., Lazitskaya N., Tregulova I. Specifics of cruise tourism and features of creating a cruise tourism product // International Scientific and Practical Conference «Environmental Risks and Safety in Mechanical Engineering». E3S Web of Conferences 217, 05005 (2020). P. 1–7

© Золотовский Владимир Алексеевич (zolotovskiy.azi@volsu.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.14

АУДИОВИДЕО-ПРОТОКОЛИРОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE PROBLEM OF THE APPLICATION OF AUDIO-VIDEO LOGGING IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. Namtsaraeva

Summary. The problem of the application of audio-video logging in the criminal proceedings of the Russian Federation Abstract: the study examines the concept of audio video logging, its use in criminal proceedings in the Russian Federation, and the problems of its application. The author provides practical examples of the controversial use and evaluation of audio-video logging as acceptable and relative evidence. The author proposes amendments to the legislative acts of the Russian Federation.

Keywords: audio-video logging, criminal procedure, judicial system, digitalization of justice.

Намцараева Александра Куприяновна
Аспирант,
Байкальский государственный университет, Иркутск
namtsaraeva867@mail.ru

Аннотация. В исследовании изучено понятие аудивидео-протоколирования, применение в уголовном производстве Российской Федерации, проблемы применения. Автор приводит практические примеры спорного применения и оценки в качестве допустимого и относительного доказательства — аудивидео-протоколирования. Автор предлагает внесение изменений в законодательные акты РФ.

Ключевые слова: аудивидео-протоколирование, уголовный процесс, судебная система, цифровизация правосудия.

Одним из показательных примеров внедрения цифровых технологий в систему уголовной юстиции является использование аудивидео-протоколирования судебного заседания. Соответствующая практика встречается как в Российской Федерации, так и иных зарубежных правопорядках. В последние десятилетия технологический прогресс открыл новые возможности для повышения эффективности и прозрачности уголовного судопроизводства, изменив традиционные методы фиксации хода судебных процессов. Как одно из таких инновационных решений аудивидео-протоколирование позволяет фиксировать ход судебных заседаний с высокой детализацией. Аудивидео-протоколирование предлагает ряд преимуществ по совершенствованию качества и доступности правосудия в условиях растущих требований к открытости и объективности судебных решений. Эта технология «способна обеспечить полную фиксацию хода судебного разбирательства, … в значительной мере снимает споры о точности записей в письменном варианте протокола»[1].

Различия в законодательстве, технической оснащенности и культурных традициях обуславливают то, что судебные системы разных стран по-разному подходят к внедрению и использованию аудивидео-протоколирования. Несмотря на наличие соответствующей нормативно-правовой базы в России существует ряд проблем, связанных с ее практической реализацией. Зарубежный опыт стран с развитой судебной системой может служить ценным источником для адаптации успешных практик для правовой системы России. Сравнительный анализ подходов к аудивидео-протоколированию в России и зарубежных странах позволит выявить общие тенденции и уникальные особенности для анализа путей совершенствования отечественной системы.

Рассмотрим основные подходы к пониманию сущности этого явления. Аудивидео-протоколирование обычно рассматривается как шаг на пути модернизации судебной системы, который позволит повысить эффективность фиксации судебных процессов. Здесь аудио- и видеозапись используются для создания более объективного отражения хода судебного заседания. Первыми в деле использования этой технологии стали звенья системы арбитражной юрисдикции. Когда использование аудиозаписи в арбитражных судах стало обязательным (ст. 155 АПК РФ) это позволило сократить время на подготовку письменных протоколов и уменьшить количество ошибок, связанных с человеческим фактором. Тех-

[1] Шереметьев И.И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 127.

нология аудиовидео-протоколирования ориентирована на повышение точности фиксации, сокращение времени на подготовку документов и снижение нагрузки на судей и секретарей. Именно поэтому в юридической литературе принято подчеркивать, что аудиовидео-протокол «выступает гарантом защиты прав и интересов участников судопроизводства, а также обеспечивает полноту и объективность протокола судебного заседания»[2].

Другой подход акцентирует внимание на роли аудиовидео-протоколирования в обеспечении прав участников процесса и контроле судебной деятельности. Аудио- и видеозапись позволяют восстановить полноту письменного протокола и служат дополнительным средством проверки законности и обоснованности судебных решений. Например, в случае расхождений между письменным протоколом и аудиозаписью, последняя может быть использована для уточнения обстоятельств дела и восстановления нарушенных прав участников процесса. Этот подход подчеркивает важность аудиовидеопротоколирования как инструмента, обеспечивающего законность судебных решений, а также возможность для участников процесса обжаловать действия суда на основе более полной информации. Такое технологическое решение сокращает документооборот и обеспечивает «сохранность материалов дела, снижает нагрузку с государственных органов и облегчает процедуру ознакомления участников процесса с материалами дела, а также предоставляет дополнительные преимущества и удобства по сравнению с традиционным неэлектронным правосудием»[3].

Наконец, еще один подход рассматривает аудиовидео-протоколирование как часть более широкой тенденции интеграции информационных технологий в судебную систему. Здесь использование аудио- и видеозаписи является частью более общей стратегии электронизации судопроизводства, которая включает в себя также электронный документооборот и дистанционное участие в судебных процессах инновации. В гражданском и арбитражном процессах России, например, внедрение аудиопротоколирования сопровождается разработкой технических регламентов, которые способствуют более широкому использованию информационных технологий. Этот подход подчеркивает важность технологической инфраструктуры и стандартов, необходимых для эффективного внедрения аудиовидео-протоколирования, подчеркивая, что аудиовидео-протокол представляет собой «результат фиксации всего происходящего в судебном заседании, который представляет собой запись на материально-техническом носителе процессуальных действий и высказанных на суде сведений о фактах»[4].

Аудиовидео-протоколирование судебного заседания представляет собой современный аудиальный и визуальный метод технической фиксации хода судебного процесса, который, интегрируя информационные технологии в судебную систему, обеспечивает объективную запись хода судебного процесса, служит инструментом для защиты прав участников процесса и контроля законности судебных решений, а также способствует общей транспарентности правосудия.

В российском уголовном судопроизводстве порядок применения аудиовидео-протоколирования устанавливается нормами УПК РФ. Согласно статье 259 УПК РФ, в ходе судебного заседания ведется протокол, который может быть составлен как в письменной форме, так и в форме аудиозаписи, а в случаях, предусмотренных законом, — в форме видеозаписи. Эта норма устанавливает возможность использования аудио- и видеозаписи в качестве дополнительного средства фиксации судебного процесса. Однако, несмотря на такую возможность, в большинстве случаев в российских судах продолжает использоваться традиционная письменная форма протокола, а аудиовидео-протоколирование применяется не так широко.

Как уже было указано ранее, в российских судах аудиовидео-протоколирование стало применяться в основном в арбитражных судах, где с 2015 года введена обязательная аудиозапись судебных заседаний. Это изменение было обусловлено необходимостью повышения объективности судопроизводства.

Так, в апелляции была рассмотрена жалоба обвиняемого, который оспаривал постановление Советского районного суда г. Махачкалы о продлении срока его содержания под стражей. Суд первой инстанции удовлетворил ходатайство следователя, продлив срок содержания под стражей обвиняемого на 24 дня, до 21 февраля 2024 года. Однако, в апелляционной жалобе обвиняемый утверждает, что это решение незаконно и необоснованно, ссылаясь на отсутствие в материалах дела доказательств, подтверждающих необходимость избрания именно этой меры пресечения. Он также указывает на то, что суд не учел сведения о его личности, такие как отсутствие сопротивления при задержании, наличие семьи и состояние здоровья. Аудиопротокол судебного заседания играет ключевую роль в этом деле, так как он

[2] Карая М.Б., Кудрявцева А.В. Замечания на аудиопротокол судебного заседания в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23. № 1. С. 32.

[3] Бадмаева Е.Б., Рютина А.С., Днепровская М.А. К вопросу об электронном правосудии: зарубежный и российский опыт // Молодежный вестник ИрГТУ. 2020. Т. 10. № 1. С. 139.

[4] Страздина Т.С. Аудиопротоколирование судебного заседания по уголовным делам: достоинства и недостатки // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 12. С. 159.

раскрывает значительные расхождения с письменным протоколом. В частности, аудиозапись показывает, что обвиняемый подробно мотивировал свое ходатайство об отводе адвоката, в то время как в письменном протоколе это не отражено. Кроме того, в протоколе отсутствуют ссылки на номера листов материалов дела, что также указывает на его неполноту. Верховный Суд Республики Дагестан, рассмотрев эти обстоятельства, пришел к выводу, что постановление суда первой инстанции не соответствует требованиям УПК РФ. Суд апелляционной инстанции отменил постановление и направил ходатайство следователя на новое рассмотрение, указав на необходимость устранения нарушений и всестороннего исследования материалов дела[5].

В уголовном судопроизводстве ситуация с видеопротоколированием более сложная. Достаточно часто видеозапись судебного заседания не ведется, на этом основании отклоняются ходатайства стороны защиты о предоставлении видеоматериалов. Например, в апелляции было рассмотрено ходатайство осужденной Панфиловой В.П., отбывающей наказание в виде лишения свободы о замене неотбытой части наказания более мягким видом — принудительными работами. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении этого ходатайства, мотивировав свое решение недостаточностью мер, принятых осужденной для погашения исковых требований, а также наличием нарушения порядка отбывания наказания. В апелляционных жалобах Панфилова В.П. выразила несогласие с решением суда. Она также просила истребовать аудио- и видеозапись судебного заседания, чтобы подтвердить свои доводы. Суд апелляционной инстанции, рассмотрев материалы дела и выслушав участников процесса, пришел к выводу, что решение суда первой инстанции является законным и обоснованным. По ходатайству о предоставлении видеозаписи судебного заседания, суд определил, что такая запись не велась, а аудиопротоколирование является достаточным для подтверждения законности решения первой инстанции[6].

Тем не менее, в некоторых регионах России наблюдаются положительные сдвиги в использовании аудиовидео-протоколирования. Например, в Республике Татарстан внедрена система видеоконференц-связи, которая позволяет проводить судебные заседания с участием удаленных свидетелей и потерпевших. Этот подход не только повышает эффективность судопроизводства, но и способствует экономии времени и ресурсов. В другом случае, в Московском городском суде, была опробована система автоматической транскрипции аудиозаписей, которая позволяет быстро и точно преобразовывать аудиозаписи в текстовые документы. Такие технологические решения демонстрируют потенциал аудиовидео-протоколирования для модернизации правоприменительного процесса, однако для их широкого внедрения необходимо дальнейшее развитие технической инфраструктуры.

Предложенные изменения призваны обеспечить унифицированное регулирование аудиовидео-протоколирования, что будет способствовать повышению эффективности уголовного судопроизводства в России. В целях ускорения процесса цифровизации правосудия (как уголовного, так и всей системы правосудия) в Российской Федерации предлагается разработать отдельный федеральный закон, который будет регулировать отношения в сфере внедрения цифровых технологий в судебную систему. Ранее в доктрине высказывалось мнение в поддержку идеи о разработке цифрового УПК, который должен регулировать отношения «в сфере уголовного судопроизводства, осуществляемого посредством цифрового видеоформата, электронного документооборота и машиночитаемого текста уголовно-процессуального закона»[7].

При этом интересы государственной политики по цифровизации правосудия должны выходить за рамки отдельных процессуальных отраслей. Опыт внедрения аудиопротоколирования показывает, что технологические решения, внедренных в рамках одной судебной юрисдикции, обычно оказываются быстро востребованы и в других судебных юрисдикциях. Поэтому требуется разработка общего законодательного акта, который будет воздействовать на отношения в сфере цифровизации всей судебной системы государства.

Этот закон должен стать основой для перехода к электронному правосудию для обеспечения прозрачности, доступности и эффективности судебных процедур. Закон должен охватывать вопросы внедрения электронного документооборота, дистанционного участия в судебных заседаниях, использования искусственного интеллекта для анализа и обработки сведений, полученных в рамках судебных процессов, а также обеспечение информационной безопасности и защиты персональных данных.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что аудиовидео-протоколирование судебных заседаний представляет собой инструмент модернизации уголовного су-

[5] Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан № 22К-424/2024 от 8 февраля 2024 г. по делу № 3/2-41/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1ZEMcrXLPzLn/ (дата обращения: 12.02.2025).

[6] Апелляционное постановление Верховного суда Республики Бурятия № 22-103/2024 от 23 января 2024 г. по делу № 4/17-544/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/XLD8rSbHuVQX/ (дата обращения: 20.02.2025).

[7] Зуев С.В., Зазулин А.И. Цифровой УПК: новая концепция развития права // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 75–76.

допроизводства, который находит все более широкое применение, как в России, так и за рубежом. В России существуют препятствия для его повсеместного внедрения видеозаписи судебных процессов, включая недостаточную техническую оснащенность судов и отсутствие общего обязательного требования о ведении видеозаписи судебного заседания. Зарубежный опыт США, Великобритании и Германии, а также азиатских государств, демонстрирует разнообразие подходов к аудиовидеопротоколированию, от широкого использования видеотрансляций и обязательной записи допросов до мер контроля доступа к записям в целях защиты данных.

Азиатские страны активно внедряют технологии аудиовидео-фиксации, при этом учитывая свои правовые традиции. Для устранения существующих пробелов и противоречий в российской практике необходимо внести изменения в УПК РФ, установив требования к процедурам и стандартам аудиовидео-протоколирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. И.И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 127.
2. Карая М.Б., Кудрявцева А.В. Замечания на аудиопротокол судебного заседания в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23. № 1. С. 32.
3. Бадмаева Е.Б., Рютина А.С., Днепровская М.А. К вопросу об электронном правосудии: зарубежный и российский опыт // Молодежный вестник ИрГТУ. 2020. Т. 10. № 1. С. 139.
4. Страздина Т.С. Аудиопротоколирование судебного заседания по уголовным делам: достоинства и недостатки // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 12. С. 159.
5. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан № 22К-424/2024 от 8 февраля 2024 г. по делу № 3/2-41/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1ZEMcrXLPzLn/ (дата обращения: 12.02.2025).
6. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Бурятия № 22-103/2024 от 23 января 2024 г. по делу № 4/17-544/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/XLD8rSbHuVQX/ (дата обращения: 20.02.2025).
7. Зуев С.В., Зазулин А.И. Цифровой УПК: новая концепция развития права // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 75–76.

© Намцараева Александра Куприяновна (namtsaraeva867@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.15

ВЕРИФИЦИРУЕМОСТЬ ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE VERIFIABILITY OF DIGITAL EVIDENCE IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. Namtsaraeva

Summary. The article reveals the concept of information verification, the problem of its application in law enforcement practice. The author has studied the issue of the transition of evidence assessment in the prism of digital technologies.

Keywords: verifiability, proof, digital information, messengers.

Намцараева Александра Куприяновна
Аспирант,
Байкальский государственный университет, Иркутск
namtsaraeva867@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается понятие верификации информации, проблема применения в правоприменительной практике. Автором изучен вопрос перехода оценки доказательств в призме цифровых технологий.

Ключевые слова: верифицируемость, доказательство, цифровая информация, мессенджеры.

Верифицируемость цифровой информации, используемой в судебной деятельности, представляет собой юридически значимое свойство, обеспечивающее возможность достоверного установления ее происхождения, неизменности и соответствия фактическому содержанию. При этом в рамках уголовного процесса верифицируемость выступает как предпосылка допустимости доказательства, его объективной оценки и законного использования при разрешении уголовно-правового спора[1].

Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит определения или хотя бы описания данного свойства, что препятствует его нормативному закреплению в статусе уголовно-процессуальной гарантии.

Категория верифицируемости может быть соотнесена с тремя базовыми признаками доказательства, закрепленными в ч. 1 ст. 75 УПК РФ — законностью получения, допустимостью и достоверностью. В то же время она охватывает более узкий аспект — техническую и процедурную проверяемость информации, представленной в цифровой форме[2].

Верифицируемость предполагает наличие объективных критериев, позволяющих установить источник информации, зафиксировать параметры ее создания, исключить вмешательство и обеспечить возможность повторной идентификации цифрового материала[3].

На понятийном уровне верифицируемость может быть определена как свойство информации, обеспечивающее возможность ее последующего удостоверения независимым субъектом посредством закрепленных законом процедур и технических средств. Такая проверка может быть осуществлена путем сопоставления контрольных цифровых меток (хеш-сумм), анализа метаданных, воспроизведения логов событий, проверки цифровых подписей, а также иными способами, гарантирующими неизменность исходного содержимого[4].

В уголовном процессе это качество особенно значимо, поскольку позволяет исключить представление сфальсифицированных или технически искаженных доказательств.

Правовая неопределенность понятия верифицируемости усугубляется отсутствием единых методических подходов к оценке цифровой информации. В силу отсутствия в УПК РФ нормы, регламентирующей порядок ее аутентификации, задача подтверждения подлинности данных возлагается либо на сторону, представляющую

[1] Изотов А.И. Филологическое знание: проблема степени верифицируемости // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 1. С. 5.

[2] Пастухов П.С. Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 35.

[3] Леонтьева Е.Ю., Леонтьев М.А. О возможности верифицируемости современного научного знания // Мировое сообщество: проблемы и пути решения. Уфимский государственный нефтяной технический университет. Уфа, 2011. С. 90.

[4] Лаптев В.А., Соловяненко Н.И. Цифровое правосудие. Цифровой документ. М.: Проспект, 2022. С. 41.

доказательство, либо на суд, не наделенный необходимым техническим инструментарием. В результате цифровая информация, поданная в суд, может быть исследована без установления ее происхождения, целостности и неизменности, что противоречит требованиям допустимости и достоверности[5].

Следует также учитывать, что верифицируемость имеет процедурную природу. Она не сводится к одноразовому акту установления фактов, а реализуется в динамике уголовного процесса — от момента представления цифрового объекта до его окончательной оценки в приговоре. Таким образом, обеспечение верифицируемости требует не только технических средств, но и нормативного механизма, регулирующего фиксацию, транспортировку, хранение и исследование цифровой информации[6].

Без этого гарантии законного и справедливого судопроизводства утрачивают свою реализацию применительно к цифровым доказательствам.

Подчеркивая ключевое значение верифицируемости, необходимо признать ее самостоятельной уголовно-процессуальной категорией, требующей закрепления в законе. Отнесение цифровых объектов к доказательствам должно сопровождаться формализацией процедуры проверки их подлинности, источника и целостности, а не оставаться предметом усмотрения участников или судейской оценки. Лишь при наличии соответствующих процессуальных фильтров верифицируемость может выполнять функцию гарантии — не декларативной, а реально действующей.

Развитие цифровых технологий обусловило появление новых видов информации, активно вовлекаемой в уголовное судопроизводство в качестве доказательственных средств. Особенность таких данных заключается в том, что они изначально создаются, передаются и хранятся в электронной форме, не имеющей материального носителя. Это обстоятельство требует особого правового подхода к их классификации и процессуальной оценке.

Цифровая информация, используемая в суде, может включать: электронные документы, сетевые сообщения (включая переписку в мессенджерах и социальных сетях), видеозаписи, аудиофайлы, файлы систем видеонаблюдения, данные GPS-навигации, сведения о действиях пользователей в информационных системах, метаданные (временные метки, IP-адреса, идентификаторы устройств), а также цифровые лог-файлы и записи экранов. Несмотря на многообразие форм, нормативное определение данных объектов в УПК РФ остается отсутствующим, что создает сложности при квалификации таких сведений в качестве доказательств.

В соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ, доказательствами признаются показания, вещественные доказательства, документы, заключения экспертов, протоколы следственных и судебных действий, а также иные сведения, полученные в установленном законом порядке. Однако цифровая информация может не соответствовать формальным признакам этих категорий. Например, переписка в мессенджере не является документом в классическом понимании, но может содержать сведения, имеющие доказательственное значение. Аналогичным образом, скриншот, содержащий изображение или текст, не является ни документом, ни вещью, но также способен подтверждать или опровергать факт, имеющий значение для дела[7].

При этом действующее законодательство, включая положения ст. 81.1 УПК РФ, относящиеся к электронным носителям, не устанавливает критерии допустимости цифровой информации, представленной без материального носителя. Это обстоятельство особенно проблематично в условиях, когда доказательство представляется в виде цифровой копии без возможности установить его источник, механизм создания и цепочку хранения. Таким образом, доказательственная сила таких материалов оказывается под вопросом, что создает риск произвольной оценки суда.

Дополнительную сложность представляет отсутствие формализованных признаков подлинности цифровых объектов. Если для бумажного документа предусмотрена подпись, печать, исходящий номер, то в цифровой среде идентификационные признаки нередко отсутствуют либо легко подделываются. Без специальных процедур верификации невозможно определить, был ли конкретный файл изменен, кем и когда. В результате может возникнуть ситуация, при которой представленный суду материал будет формально отвечать внешним признакам доказательства, но фактически не обладать ни достоверностью, ни допустимостью.

Судебная практика подтверждает, что суды не всегда имеют единый подход к оценке цифровой информации. Отдельные дела демонстрируют признание скриншотов

[5] Кувычков С.И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде: дисс. … канд. юрид. наук. Москва, 2016. С. 64.

[6] Социотехнический ландшафт цифровой реальности: философско-методологический концепт, онтологические матрицы, экспертно-эмпирическая верификация / В.И. Аршинов, М.В. Артеменко, И.А. Асеева [и др.]. Курск: Университетская книга, 2019. С. 56.

[7] Дикарев И.С. Ознакомление с материалами уголовного дела в ходе предварительного расследования: cui bono? // Уголовное судопроизводство. 2019. № 4. С. 20.

допустимыми доказательствами без проведения технической экспертизы[8], тогда как в других случаях суды отказываются приобщать цифровые файлы в отсутствие их подтвержденного источника[9]. Такая разнонаправленность порождает правовую неопределенность и противоречит требованию единообразного применения закона.

В условиях отсутствия четкого нормативного механизма оценки цифровых сведений особое значение приобретает их верифицируемость — то есть способность быть проверенными по признакам подлинности, происхождения, целостности и достоверности. Вся цифровая информация, вовлеченная в судопроизводство, нуждается в дополнительной правовой фильтрации, обеспечивающей возможность ее воспроизведения, контроля и анализа независимо от субъекта, ее представившего.

Цифровая информация, используемая в судебной деятельности, представляет собой особую категорию доказательственных данных, не охваченную в полной мере действующим правовым регулированием. Это требует не только расширения процессуальной классификации доказательств, но и внедрения механизмов, способных обеспечить нормативную верификацию их происхождения и содержания.

Верифицируемость цифровой информации, вовлеченной в уголовное судопроизводство, не может быть обеспечена исключительно правовыми средствами. Она требует взаимодействия двух взаимодополняющих компонентов: нормативной регламентации и технической инфраструктуры, способной гарантировать устойчивость, подлинность и воспроизводимость цифровых объектов. Эти условия составляют основу механизма, посредством которого верифицируемость трансформируется из абстрактной категории в правоприменимую гарантию.

С технической точки зрения верифицируемость базируется на ряде инструментов, позволяющих обеспечить контроль над цифровыми объектами: хеш-функции, временные метки (таймштампы), криптографические подписи, лог-файлы, цифровые идентификаторы, средства электронной подписи и блокчейн-технологии[10].

Эти инструменты позволяют зафиксировать исходное состояние данных, идентифицировать отправителя и подтвердить неизменность содержимого на определенный момент времени. При этом эффективность таких средств зависит от их встраивания в процессуальные процедуры, а не только от их наличия как программных решений.

Применительно к уголовному процессу верифицируемость цифровой информации должна начинаться с момента ее создания или получения и сопровождаться на всех этапах обращения. Это включает:

— фиксацию метаданных, указывающих на источник, время, местоположение и технические параметры;
— использование неизменяемых форматов хранения (например, WORM-носителей или зашифрованных архивов);
— обязательное документирование всей истории передачи и преобразования данных.

Однако на практике такие требования не получили нормативной конкретизации в УПК РФ. Например, ст. 186.1 УПК РФ, регулирующая порядок получения информации, представленной в электронном виде, не устанавливают конкретных требований к формату, способу верификации или документированию цепочки хранения данных. В результате цифровые доказательства нередко приобщаются к материалам дела без технической проверки их подлинности, что обесценивает их доказательственную силу.

На уровне правового регулирования необходимым условием обеспечения верифицируемости является введение обязательных процедур идентификации цифрового источника и зафиксированного цифрового следа. Это предполагает внедрение в уголовный процесс:

— требований к платформам и программному обеспечению, с помощью которых создается или передается информация;
— стандартов сертификации используемых цифровых средств фиксации;
— обязательной экспертной или технической проверки файлов, представленных в суд.

Дополнительным условием выступает создание нормативно признанной системы доверия к цифровым источникам. В частности, использование государственных информационных платформ (например, ГАС «Правосудие») при подаче цифровых документов может стать условием презумпции достоверности данных, если в системе реализованы механизмы аудита, неизменности и аутентификации информации. В ином случае каждое представленное доказательство должно

[8] Приговор Ленинского районного суда города Смоленска № 1-1/2024 от 10 января 2024 г. по делу № 1-1/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/JmNPdlT9bPVv/ (дата обращения: 10.04.2025).

[9] Приговор Кинельского районного суда Самарской области № 1-14/2023 от 18 августа 2023 г. по делу № 1-14/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/pclKKrlAMZx/ (дата обращения: 10.04.2025).

[10] Черкасова Е.С., Черкасов К.А. Психологическая экспертиза по верификации информации: базовые понятия, возможности, решаемые задачи // Российский следователь. 2020. № 10. С. 21.

сопровождаться технической справкой или экспертным заключением[11].

Важно также учитывать различие между процессуальной и технической верификацией. Первая предполагает соблюдение процедуры получения и представления доказательства, вторая — проверку его содержательной неизменности. Только совмещение этих уровней способно обеспечить юридическую надежность цифровой информации. При этом отсутствие хотя бы одного из компонентов порождает основания для признания доказательства недопустимым в силу нарушения требований ст. 75 УПК РФ.

Верифицируемость цифровой информации требует институционального согласования технических решений с уголовно-процессуальными процедурами. Без этого цифровое доказательство рискует остаться непроверяемым, а значит — юридически ненадежным. Для преодоления этого разрыва необходимо не только правовое закрепление верификации как стадии доказывания, но и интеграция в уголовный процесс технологических стандартов контроля за подлинностью информации.

В рамках уголовного судопроизводства именно суд наделен функцией процессуального фильтра, обеспечивающего проверку допустимости, относимости и достоверности доказательств. Однако с переходом к использованию цифровых форм представления информации, возможности реализации этой функции оказываются существенно ограничены. Отсутствие универсальных критериев проверки цифрового объекта, незафиксированность специальных процедур его технической оценки и нормативная неопределенность понятия цифрового доказательства создают угрозу подмены правовой оценки формальной допустимостью[12].

Согласно положениям ч. 2 ст. 17 и ст. 88 УПК РФ, суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле данных. Однако при отсутствии объективных критериев верифицируемости цифровых сведений внутреннее убеждение оказывается изолированным от технической реальности. Так, оценка скриншота, файла, лог-записи или изображения, не сопровождающихся данными о дате, источнике и целостности, не может быть признана достоверной без привлечения дополнительных процедур — как минимум, технической проверки происхождения и сохранности содержимого.

Отдельным аспектом является недопустимость перекладывания функции верификации на сторону, представившую доказательство. В условиях цифрового взаимодействия возможность фальсификации или искажения цифровой информации значительно выше, чем при работе с физическими объектами. Поэтому контроль над ее подлинностью должен осуществляться в пределах публичного механизма, а не зависеть от инициативы защиты или обвинения. Между тем, действующее законодательство не содержит положений, обязывающих суд проверять происхождение и неизменность цифровых данных, что нарушает баланс процессуальной ответственности.

Судебная практика подтверждает, что цифровая информация, полученная с нарушением принципов верификации, зачастую используется без должного критического анализа. В ряде случаев суды приобщают электронные письма, переписку из мессенджеров или видеозаписи с неизвестных устройств, руководствуясь лишь их визуальным соответствием обстоятельствам дела[13]. При этом не проводится анализ технических параметров, не исследуется лог-файл, не проводится сопоставление с иными источниками[14].

Такая практика приводит к снижению доказательственного стандарта и противоречит назначению суда как гарантированно нейтрального и контролирующего органа.

Дополнительным фактором, снижающим эффективность судебных гарантий, является отсутствие в суде необходимой технической компетенции. В отличие от эксперта или специалиста, суд не располагает инструментарием для установления подлинности файла, подтверждения его неизменности или расшифровки метаданных. Это ставит под сомнение возможность полноценной оценки цифрового объекта без привлечения специальных знаний, что требует переосмысления роли судебной экспертизы и технической поддержки процесса исследования доказательств.

Судебные гарантии проверки цифровой информации в их существующем виде не обеспечивают полноту пра-

[11] Полстовалов О.В. Биотехнологические глобальные вызовы и возможности межотраслевой консолидации научных изысканий на уровне криминалистической профилактики // Юридическое образование и наука. 2023. № 6. С. 39.

[12] Яковлева К.Ю. Верификация как свойство электронной информации на примере видео-конференц-связи в уголовном процессе // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 470.

[13] Приговор Юргинского городского суда Кемеровской области № 1-21/2023 от 7 июля 2023 г. по делу № 1-21/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/wBKO2zSne7rW/ (дата обращения: 10.04.2025).

[14] Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми № 1-651/2023 от 2 октября 2023 г. по делу № 1-651/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/HIhnR9kEiUHp/ (дата обращения: 10.04.2025).

вовой защиты участников процесса. Без нормативного закрепления процедур верификации цифровых сведений, обязательного привлечения технических средств и стандартизации оценки подлинности, цифровое доказательство может утратить юридическую устойчивость. В этих условиях требуется не только расширение нормативной базы, но и институциональное усиление судебной роли в обеспечении достоверности цифровых материалов[15].

В условиях цифровизации уголовного судопроизводства эффективное обеспечение верифицируемости информации невозможно без привлечения субъектов, обладающих специальными знаниями в области информационных технологий и цифровой безопасности.

Прежде всего, речь идет о специалистах и экспертах, чья деятельность прямо регламентирована уголовно-процессуальным законом и направлена на восполнение технической и предметной неполноты правоприменения.

[15] Парыгина Н.Н. Тонкая грань и большая разница между утверждением о факте и выражением мнения // Евразийский юридический журнал. 2016. № 10 (101). С. 169.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изотов А.И. Филологическое знание: проблема степени верифицируемости // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 1. С. 5.
2. Пастухов П.С. Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 35.
3. Леонтьева Е.Ю., Леонтьев М.А. О возможности верифицируемости современного научного знания // Мировое сообщество: проблемы и пути решения. Уфимский государственный нефтяной технический университет. Уфа, 2011. С. 90.
4. Лаптев В.А., Соловяненко Н.И. Цифровое правосудие. Цифровой документ. М.: Проспект, 2022. С. 41.
5. Кувычков С.И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде: дисс. . . . канд. юрид. наук. Москва, 2016. С. 64.
6. Социотехнический ландшафт цифровой реальности: философско-методологический концепт, онтологические матрицы, экспертно-эмпирическая верификация / В.И. Аршинов, М.В. Артеменко, И.А. Асеева [и др.]. Курск: Университетская книга, 2019. С. 56.
7. И.С. Ознакомление с материалами уголовного дела в ходе предварительного расследования: cui bono? // Уголовное судопроизводство. 2019. № 4. С. 20.
8. Приговор Ленинского районного суда города Смоленска № 1-1/2024 от 10 января 2024 г. по делу № 1-1/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/JmNPdlT9bPVv/ (дата обращения: 10.04.2025).
9. Приговор Кинельского районного суда Самарской области № 1-14/2023 от 18 августа 2023 г. по делу № 1-14/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/pcIKKrIAMZx/ (дата обращения: 10.04.2025).
10. Черкасова Е.С., Черкасов К.А. Психологическая экспертиза по верификации информации: базовые понятия, возможности, решаемые задачи // Российский следователь. 2020. № 10. С. 21.
11. Полстовалов О.В. Биотехнологические глобальные вызовы и возможности межотраслевой консолидации научных изысканий на уровне криминалистической профилактики // Юридическое образование и наука. 2023. № 6. С. 39.
12. Яковлева К.Ю. Верификация как свойство электронной информации на примере видео-конференц-связи в уголовном процессе // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 470.
13. Приговор Юргинского городского суда Кемеровской области № 1-21/2023 от 7 июля 2023 г. по делу № 1-21/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/wBKO2zSne7rW/ (дата обращения: 10.04.2025).
14. Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми № 1-651/2023 от 2 октября 2023 г. по делу № 1-651/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/HIhnR9kEiUHp/ (дата обращения: 10.04.2025).
15. Парыгина Н.Н. Тонкая грань и большая разница между утверждением о факте и выражением мнения // Евразийский юридический журнал. 2016. № 10 (101). С. 169.

© Намцараева Александра Куприяновна (namtsaraeva867@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.17

ПОНУЖДЕНИЕ К ДЕЙСТВИЯМ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОЙ НОРМЫ

Сафонов Владимир Николаевич
кандидат юридических наук, доцент, СЗФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева» (г. Санкт-Петербург)
svn205@gmail.com
Кондакова Ульяна Дмитриевна
СЗФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева» (г. Санкт-Петербург)
kondakova-281103@mail.ru

COERCION TO SEXUAL ACTS: CURRENT ISSUES OF THE EFFECTIVENESS OF THE LEGAL NORM

V. Safonov
U. Kondakova

Summary. The article attempts to analyze the composition of coercion to sexual acts (Article 133 of the Criminal Code of the Russian Federation) in terms of its completeness and ensuring the principles of criminalization of acts, differentiation of criminal responsibility and individualization of punishment. The authors conclude that the legal norm in question is incomplete and inconsistent with the fundamental provisions of criminal law. The gap is related to the lack of differentiation of responsibility in the norm, depending on: successful or failed coercion, the lack of qualified types of acts committed against adult victims, which became apparent after the addition of the Code by Federal Law No. 38-FZ of 03/06/2022, part 3 of Article 133 of the Criminal Code of the Russian Federation by qualified structures that limit the protection of the rights of adult victims. Noting another gap — the lack of regulation of coercion to sexual acts against minors under the age of 12, the authors propose its technical and legal solution. The article considers qualification problems related to understanding the violent nature of coercion to sexual acts and their relationship to nonviolent sexual crimes. Specific technical and legal measures are proposed to optimize the criminal protection of the sexual integrity of minors and minor victims by significantly reconstructing both the composition of coercion to sexual acts and sanctions.

Keywords: coercion, sexual acts, rape, violent acts of a sexual nature.

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа состава понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ) с точки зрения ее полноты и обеспечения принципов криминализации деяний, дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания. Авторы приходят к выводу о пробельности рассматриваемой правовой нормы и её несоответствии фундаментальным положениям уголовного права. Пробельность связана с отсутствием в норме дифференциации ответственности в зависимости от: удавшегося или неудавшегося понуждения, отсутствия квалифицированных видов деяний, совершенных в отношении совершеннолетних потерпевших, что стало очевидным после дополнения Уголовного кодекса Федеральным законом от 06 марта 2022 г. №38-ФЗ части 3 статьи 133 УК РФ квалифицированными составами, которые ограничивают охрану прав совершеннолетних потерпевших. Отмечая ещё один пробел — отсутствие регламентации понуждения к действиям сексуального характера в отношении малолетнего, не достигшего 12-летнего возраста, авторы предлагают его технико-юридическое решение. Рассматриваются квалификационные проблемы, связанные с пониманием насильственной природы понуждения к действиям сексуального характера, и их соотношением с ненасильственными половыми преступлениями. Предлагаются конкретные технико-юридические меры по оптимизации уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности малолетних и несовершеннолетних потерпевших путем существенной реконструкции как состава понуждения к действиям сексуального характера, так и санкций.

Ключевые слова: понуждение, действия сексуального характера, изнасилование, насильственные действия сексуального характера.

Половая свобода и половая неприкосновенность личности — важнейшие блага и, следовательно, объекты уголовно-правовой охраны. Необходимость особо сбалансированной уголовно-правовой охраны этих объектов предопределена и связью непосредственных объектов с дополнительными: свободой, физическим и психическим здоровьем и даже жизнью человека. Половые преступления и ранее практически не оставались без внимания исследователей. Однако в последние годы более заметным стал интерес авторов к законодательным положениям и новеллам с позиций системности [1, с. 25–32], определенности законотворчества [2, с. 105–112; 3, с. 580–589], аксиологического значения объекта таких посягательств [4, с. 96–102]. Очевидно повышение интереса к ненасильственным половым посягательствам и понуждению к действиям сексуального характера. Рассматривались различные признаки и аспекты состава этого деяния: способы совершения, отграничение от смежных преступлений и малозначительного деяния и др. [5, с.35–39; 6, с. 54–66]. Тем не менее, этот интерес не исчерпал теоретических и практических проблем половых преступлений.

Статья 133 УК РФ закрепляет одно из насильственных половых преступлений: понуждение к действиям сексуального характера. Толкование признаков состава это-

го деяния, включая и системную интерпретацию, вкупе с подходами в правоприменительной практике и доктрине выявляют несколько проблем правовой нормы: 1) несоразмерность наказания совершенному деянию; 2) отсутствие дифференциации между видами понуждения; 3) отсутствие отдельной регламентации понуждения к действиям сексуального характера в отношении лиц, не достигших 12 лет; 4) недостаточность квалифицирующих признаков. Каждая из названных проблем заслуживает отдельного рассмотрения.

Несоразмерность наказания совершенному деянию

Несмотря на то, что понуждение к действиям сексуального характера относится к насильственным половым посягательствам, простой его состав является преступлением небольшой тяжести, квалифицированный — средней тяжести, а особо квалифицированный относится к тяжким преступлениям.

Можем предположить, что такие мягкие санкции установлены законодателем в силу того, что преступление считается оконченным с момента выражения в любой форме соответствующего требования независимо от наличия согласия или отказа потерпевшего лица совершить такие действия либо их реального осуществления[1]. То есть в отличие от преступлений, предусмотренных ст. ст. 131 и 132 УК РФ, в данном посягательстве необязательно должен произойти сексуальный контакт виновного с жертвой, достаточно проявить «давление» на неё. Но если жертва поддалась на шантаж, угрозы и т.д. и вступила в сексуальную связь (результативное понуждение), то эти деяния также квалифицируются по ст. 133 УК РФ. И речь идет как о взрослых, так и несовершеннолетних потерпевших. На этот счет в науке высказываются противоположные мнения.

Так, А.И. Рарог и др. считают, что результативное понуждение в отношении лиц, не достигших 16 лет, необходимо дополнительно квалифицировать по ст.ст. 134, 135 УК РФ. Напротив, А.Н. Попов полагает, что дополнительная квалификация нецелесообразна, и все действия охватываются составом ст. 133 УК РФ [7, с. 166–167].

Второй вариант квалификации нам представляется более правильным, так как недопустима одновременная квалификация деяния по насильственному составу с ненасильственным, поскольку последнее предполагает добровольное согласие жертвы.

Полагаем, что общественная опасность результативного и нерезультативного понуждения различается и должна отражаться в санкции статьи.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета, N 284, 12.12.2014.

Отсутствие дифференциации между деяниями, подпадающими под состав понуждения

В настоящее время исследователями обсуждается проблема квалификации результативного понуждения к действиям сексуального характера только в отношении лиц, не достигших возраста 16 лет [7, с. 165]. Необходимость дифференциация ответственности за «простое» и результативное понуждение видится нам уместной с учетом очевидной разницы в уровне общественной опасности деяний. Нерезультативное, в отличие от результативного, наносит жертве меньший психологический вред или вовсе не наносит (потерпевший может не поддаться давлению со стороны виновного, обратиться в правоохранительные органы, но преступление будет считаться оконченным). Результативное же понуждение может вызвать у жертвы психологические проблемы схожего уровня, как после совершения с ней других насильственных половых преступлений. Особенностью рассматриваемого состава, в отличие от ст.ст. 131, 132 УК РФ, является то, что жертва после совершения преступления преимущественно продолжает контактировать с виновным, так как находится в служебной, материальной или иной зависимости, что только усугубляет ее психическое состояние.

Впрочем, ряд исследователей относят понуждение к действиям сексуального характера к ненасильственным половым преступлениям [8, с. 9; 9, с. 73]. Полагаем, что рассматриваемое преступление не может относиться к группе ненасильственных в силу нескольких факторов. Следует учитывать, что насилие может носить как физический, так и психологический характер. При определенных обстоятельствах психологическое насилие может подавлять волю жертвы больше, чем физическое (например, при угрозе уничтожения жилища или при использовании полной зависимости жертвы от своего опекуна). Ненасильственные половые преступления (ст. 134, 135 УК РФ) обладают признаками добровольности вступления в половую связь, но являются общественно опасными, т.к. посягают на половую неприкосновенность лиц, не достигших возраста согласия. Преступление, предусмотренное ст. 133 УК РФ, нельзя отнести к этой группе.

На наш взгляд, необходимо разграничить деяния, квалифицируемые по ст. 133 УК РФ, обладающие разной степенью общественной опасности. Возможны два варианта преобразования рассматриваемой нормы:

1. Через включение в УК РФ ст. 1331 УК РФ поименованной как «Действия сексуального характера с применением шантажа, угрозы уничтожения, повреждения или изъятия имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей)». Так уголовный закон сохранит в себе как результативное понуждение, так и нерезультативное;

2. Через изменение статьи 133 УК РФ, а именно исключение из содержания статьи категории «понуждение», моментом окончания преступления будет считаться момент начала действий сексуального характера, а само понуждение будет составлять покушение на преступление. Диспозиция может быть сформулирована следующим образом: «Действия сексуального характера с применением шантажа, угрозы уничтожения, повреждения или изъятия имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей)». В данном случае, предлагается изменить сущность статьи, перенеся нерезультативное понуждение на стадию покушения, а результативное на стадию оконченного преступления.

Второй вариант нам видится более простым для законодателя, поэтому именно его следует взять за основу для дальнейшего повествования. Так, состав ст. 133 УК РФ будет отличаться от составов ст. ст. 131, 132 УК РФ только способами подавления воли жертвы. Соответственно, необходимо установить санкции, соразмерные деянию, то есть менее строгие, чем в ст. 131 и 132 УК РФ (физическое насилие, как правило, подавляет волю жертвы сильнее, чем психологическое), но более строгие, чем в нынешней редакции ст. 133 УК РФ). Такие изменения разграничат понуждение и результативное понуждение, законодательно будет обеспечено назначение справедливого наказания, соразмерного совершенному общественно опасному деянию.

В литературе высказывалось предложение ввести результативное понуждение в качестве квалифицирующего признака в ст. 133 УК РФ [10, с. 27]. Такой вариант возможен, но, на наш взгляд, это может привнести другие проблемы, например, технико-юридические, связанные с конструированием норм статьи. Введение результативного понуждения как квалифицирующего признака, как нам представляется, сделает статью слишком громоздкой, так как каждый уже имеющийся квалифицирующий признак, нужно будет рассматривать сначала в контексте нерезультативного понуждения, а потом результативного.

В научных трудах было выдвинуто предложение квалифицировать результативное понуждение в отношении лиц, не достигших возраста согласия, по ч. 2 ст. 133 УК РФ и дополнительно по соответствующим частям ст.ст. 134, 135 УК РФ [7, с. 166]. Как уже было обозначено выше, есть необходимость разграничения этих видов понуждения вне зависимости от возраста жертвы. Представляется неправильным с теоретической точки зрения дополнительно квалифицировать результативное понуждение по статьям ненасильственных половых преступлений, так как будет размыта граница между насильственным и ненасильственным преступлением, совершением взрослым с лицом, не достигшим возраста согласия.

Безусловно, статья 133 УК РФ в современной редакции не отражает общественную опасность результативного понуждения, но это не дает основания для дополнительной квалификации, противоречащей теории уголовного права.

Дифференциация ответственности за понуждение к действиям сексуального характера в зависимости от возраста несовершеннолетней жертвы

Понуждение к действиям сексуального характера — единственное половое преступление, в котором не дифференцирована ответственность за его совершение в зависимости от возраста несовершеннолетней жертвы.

В 2012 году ст. 131 УК РФ была дополнена примечанием, позволяющим квалифицировать деяния, подпадающие под составы преступлений, предусмотренных ст.ст. 134, 135 УК РФ, но совершенных в отношении лиц, не достигших 12 лет, по особо квалифицированным составам статей 131 и 132 УК РФ. За совершение таких деяний предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от двенадцати до двадцати лет. Ст. 133 УК РФ содержит в ч. 2 квалифицирующий признак «совершенное в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней)», за такое деяние предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет. В понуждении к действиям сексуального характера законодатель не предусмотрел в квалифицирующих признаках возрастную дифференциацию потерпевшего несовершеннолетнего лица, а в примечании к ст. 131 УК РФ наблюдается серьезный пробел. От действий виновного, квалифицируемых по ст. 133 УК РФ, которые не всегда ограничиваются лишь «понуждением», ребенок может получить больше вреда, чем от развратных действий, которые будут приравнены к п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. В настоящий момент правоприменитель не имеет никаких правовых оснований для назначения более строгого наказания, чем предусмотрено в ч.ч. 2 или 3 ст. 133 УК РФ лицу, понуждавшего 11-летнюю жертву к совершению сексуальных действий путем шантажа. Решить проблему возможно только путем внесения изменений в примечание к ст. 131 УК РФ, а именно следует изложить его в следующей редакции: «К преступлениям, предусмотренным пунктом «б» части четвертой настоящей статьи, а также пунктом «б» части четвертой статьи 132 настоящего Кодекса, относятся также деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных частями второй — третьей статьи 133, частями третьей — пятой статьи 134 и частями второй — четвертой статьи 135 настоящего Кодекса, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего

возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий».

Проблема недостаточности квалифицирующих признаков

Видится проблема недостаточности квалифицирующих признаков, закрепленных в статье 133 УК РФ. Как следует из текста закона и научных комментариев, в указанной статье все они касаются только несовершеннолетних [10, с. 26]. Так, например, квалифицирующий признак, закрепленный в п. «а» ч. 3 ст. 133 УК РФ Федеральным законом от 06.03.2022 г. №38-ФЗ, относится только к преступлению против несовершеннолетнего лица. Соответственно, в случае совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 133 УК РФ, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой в отношении взрослого, данный признак будет учитываться только как обстоятельство, отягчающее наказание (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Отсутствие такого квалифицирующего признака является несправедливым по отношению к совершеннолетней жертве, так как наказание за такое преступление не может выходить за пределы санкции ч. 1 ст. 133 УК РФ — одного года лишения свободы. Полагаем необходимым расширить круг квалифицирующих признаков в ст. 133 УК РФ.

В первую очередь, нужно ввести квалифицирующие признаки, разграничивающие возраст несовершеннолетней жертвы. За основу можно взять следующие возрастные пороги: 16 лет (достижение возраста согласия и обретение половой свободы), 14 лет (стандартный возрастной порог, предусмотренный во всех остальных половых преступлениях) и 12 лет (возраст лица, в силу которого оно находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий). Понуждение к действиям сексуального характера, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, необходимо квалифицировать по соответствующим частям ст.ст. 131, 132 УК РФ (при условии внесения изменений в примечание к ст. 131 УК РФ).

Видится уместным предусмотреть квалифицирующий признак «совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой» по отношению к взрослым жертвам, а также «совершенное в отношении двух или более лиц».

Предпринятый анализ законодательной конструкции состава преступления, предусмотренного ст.133 УК РФ, показывает, что он не только «унаследовал» пробельность первоначальной его редакции в части отсутствия необходимой дифференциации уголовной ответственности в зависимости от результативного понуждения к действиям сексуального характера и других обстоятельств, повышающих общественную опасность деяния, но и обнаруживает «вновь приобретенные»: после дополнения Федеральным законом от 29.02.2012 г. №14 — ФЗ статьи 131 УК РФ примечанием, а также после дополнения ФЗ от 06.03.2022 г. №38-ФЗ части 3 статьи 133 УК РФ квалифицированными составами, которые ограничивают охрану прав совершеннолетних потерпевших. Предложенные меры, думается, способны повысить эффективность рассматриваемой уголовно-правовой нормы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пантюхина И.В. Критическая оценка новых особо квалифицирующих признаков преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних (ч. 5 ст. 131, 132 и Ч. 3 ст. 133 УК РФ) // Вестник Югорского государственного университета. 2022. № 4(67). С. 25–32.
2. Скрипченко Н.Ю. Усиление уголовной репрессии за криминальные посягательства на несовершеннолетних: очередной шаг в реализации стратегии или иррациональная нормативная активность? // Lex russica. 2022. Т. 75. № 10. С. 105–112.
3. Милюков С.Ф., Скрипченко Н.Ю. Усиление уголовной репрессии за посягательства на половую неприкосновенность: нормативное видение и перспективное правоприменение// Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 5. — С. 580–589.
4. Сафонов В.Н., Агаев Г.А. Аксиологический и структурно-содержательный подходы к пониманию и установлению объекта иных насильственных действий сексуального характера // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4(39). С. 96–102.
5. Асланян Р.Г., Мирзоян М.С. Публично-правовая и уголовно-правовая характеристика понуждения к действиям сексуального характера // Очерки новейшей камералистики. — 2023. — № 1. — С. 35–39.
6. Дядюн К.В. Понуждение к действиям сексуального характера: проблемы толкования и применения состава // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 9(178). С. 54–66.
7. Конорезов Н.А. Проблемы квалификации понуждения несовершеннолетнего лица к действиям сексуального характер // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 164–171.
8. Котельникова Е.А. Насильственные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: автореф. дис. . . .канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 31 с.
9. Байбарин А.А. Половые преступления: учебное пособие. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2013. 110 с.
10. Конорезов Н.А. Новеллы дифференциации уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 3(57). С. 25–28.

© Сафонов Владимир Николаевич (svn205@gmail.com); Кондакова Ульяна Дмитриевна (kondakova-281103@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.22

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ В ГОДЫ «ПЕРЕСТРОЙКИ»: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

REPRESENTATIVE AND EXECUTIVE STRUCTURES OF LOCAL COUNCILS DURING THE YEARS OF «PERESTROIKA: POLITICAL AND LEGAL ASPECT

I. Uporov

Summary. In the Soviet state, during all years of its existence, a system of Councils of different levels operated as a form of implementing the slogan proclaimed by the October Revolution of 1917 «all power to the people!» The article reveals the features of the structural construction of local Councils and its legislative regulation in the final period of the functioning of the USSR, namely during the famous Gorbachev «perestroika» (1985–1991). The object of the study is the local Councils that functioned in the RSFSR. The emphasis is placed on the organizational and structural structure of bodies performing representative and executive functions of local Councils. In addition, only local Councils are considered, starting with city and district Councils and below, taking into account that by the end of perestroika the territories and regions had already acquired many elements of the status of subjects of the Federation. Some publications on the stated topic are also taken into account. It is noted that significant changes in the status of local Councils began only by the end of perestroika, and exclusively «from above», from the heights of political power, where the mood to switch to a capitalist system was already clearly dominant, which cannot be said about the deputies of local Councils, who were much more conservative in their attitude, and as a result, local Councils never fit into the new socio-economic trends, and in the early 1990s the institution of local Councils was abolished (due to both the end of the term of the former local deputies and the self-dissolution of local Councils) and replaced by the current institution of local self-government.

Keywords: Soviet state, perestroika, local councils, representative and executive bodies, powers, historical development.

Упоров Иван Владимирович
д.и.н., к.ю.н., профессор,
Российская академия естествознания, г. Краснодар
uporov@list.ru

Аннотация. В советском государстве в течение всех лет его существования действовала система Советов разных уровней как форма реализации провозглашенного октябрьской революций 1917 г. лозунга «вся власть — народу!». Именно поэтому в статье раскрываются особенности структурного построения местных Советов и его законодательного регулирования в завершающий период функционирования СССР, а именно во время известной горбачевской «перестройки» (1985–1991 гг.). Объектом исследования являются местные Советы, функционировавшие в РСФСР. Акцент делается на организационно-структурном построении органов, выполняющих представительные и исполнительных функции местных Советов. Кроме того, рассматриваются только местные Советы, начиная с городских и районных Советов и ниже, учитывая, что края и области к концу перестройки уже обретали многие элементы статуса субъектов Федерации и считать их «местными» Советами оснований становилось все меньше. Приняты во внимание также некоторые публикации по заявленной теме. Отмечается, что существенные изменения в статусе местных Советов начались лишь к концу перестройки, и исключительно «сверху», с вершин политической власти, где однозначно уже довлели настроения перейти на капиталистическую систему, чего нельзя сказать о депутатах местных Советов, настроенных значительно консервативнее, и результате местные Советы так и не вписались в новые общественно-экономические веяния, и в начале 1990-х гг. институт местных Советов был упразднен (ввиду как окончания каденции прежних местных депутатов, так и по причине самороспуска местных Советов), и заменен действующим институтом местного самоуправления.

Ключевые слова: советское государство, перестройка, местные Советы, представительные и исполнительные органы, полномочия, историческое развитие.

Введение

Уже в первый же год функционирования советского государства была принята Конституция РСФСР (июль 1918 г.), в которой указывалось, что «вся власть в пределах Р.С.Ф.С. Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в Советы депутатов» [1]. В целях реализации этого «рабочие, батраки, а равно крестьяне, казаки и, вообще, трудящиеся, не пользующиеся наемным трудом, образуют местные — сельские, городские и районные — Советы депутатов» [1]. Эти местные Советы функционировали все годы существования советского государства, в период которого статус местных Советов, их полномочия подвергались определенной трансформации. Наиболее существенные изменения произошли в годы советской «перестройки», начавшейся по инициативе тогдашнего генерального секретаря, монопольно правящего ЦК КПСС, руководителя СССР М.С. Горбачева весной 1985 г. Тогда советской правящей элитой было признано необ-

ходимым «обновить» советское общество ввиду заметного усложнения социально-экономической ситуации в стране, для чего предполагалось, в частности, расширить демократические начала в деятельности местных Советов народных депутатов. При этом нужно заметить, что столь кардинальные предполагаемые изменения в советском государстве инициировались «сверху», и прежде всего Политбюро ЦК КПСС, где принимались важнейшие решения страны, которые потом оформлялись в соответствующих актах властных структур, в том числе местных советов народных депутатов.

Материалы и методы исследования

В работе были использованы преимущественно нормативно-правовые акты советского периода: законы РСФСР и СССР, Постановления Совета министров СССР, что позволяет получить первичную достоверную информацию о содержании правовых норм, касающихся работы местных советов. Знакомясь с содержанием законодательных и подзаконных актов, возможно сформировать четкие знания о структуре и содержании управления, а также функциях Советов.

Кроме того, в целях реализации теоретического анализа материала, имеющего непосредственное отношение к исследуемой теме, нами был изучен ряд источников, посвященных: содержанию процесса трансформации местных Советов в перестроечный период (А.С. Антонов [14], В.А. Черноситов [4]), Р.В. Панов [6], проблематике местного самоуправления в целом (И.Л. Данилевская [12]), а также специфике содержания деятельности местного совета депутатов (Р.С. Марков, Е.А. Найденова, К.К. Куракина [14]).

Результаты и обсуждения

Заметим, что до начала перестройки в данной сфере действовали следующие законы СССР и РСФСР: «Об основных правах и обязанностях районных Советов народных депутатов трудящихся СССР» (1971г.), «Об основных правах и обязанностях городских и районных в городах Советов депутатов трудящихся СССР» (1971 г.), «Об основных правах и обязанностях сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся СССР» (1968 г.), «О районном Совете депутатов трудящихся РСФСР» (1971 г.), «О городском, районном в городе Совете депутатов трудящихся РСФСР» (1971 г.), «О поселковом, сельском Совете депутатов трудящихся РСФСР» (1971 г.). Эти законодательные акты позже вносились изменения, однако принципиальных изменений не было довольно долго — до 1990 г., то есть до решающий перестроечных событий. Вместе с тем принимался ряд решений подзаконного характера, касающихся отельных структурных подразделений местных Советов и их компетенции. Так, 6 июня 1985 г. было издано Постановление СМ РСФСР, которым утверждались Положения об отделах по труду исполнительных комитетов (далее исполкомы) [2], где детально регулировался правовой статус такого подразделения исполкомов. Следует подчеркнуть, что такие решения принимались не на сессиях местных Советов в рамках их представительных функций, когда именно депутаты должны определять структуру исполкома на своей территории (как это происходит в настоящее время в России), а вышестоящими инстанциями, и по-иному вопрос даже не ставился.

Не удивительно, что организационная структура местных Советов была, по сути, одинаковой по всей стране. Это видно из приведенных выше законов. Для примера рассмотрим Закон РСФСР «О городском, районном в городе Совете депутатов трудящихся РСФСР» (в редакции от 29 января 1986 г.) [3]. В данном законе нет специальных норм, определяющих структуру местных Советов народных депутатов как органов местной власти, — такие нормы «растворены» по всему тексту нормативно-правового акта. Так, согласно ст. 41 «для ведения сессии городской, районный в городе Совет избирает из числа депутатов председателя и секретаря» [3]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что указанные депутатские должности предусматривались лишь для ведения сессий, то есть носили чисто технический характер, и тем самым значимость «председателя сессии Совета» сводилась к минимуму, поскольку носила формально разовый характер — на время проведения сессий (которые должны были проводиться не реже 4 раз в год). Об этом свидетельствует и норма той же статьи, согласно которой сессии городского, районного в городе Совета «открываются председателем исполнительного комитета Совета». В практике именно председатель исполкома, работающий на постоянной, профессиональной основе, как правило определялся («избирался») на очередной сессии и как председатель этой сессии [4, с. 78].

О самом исполкоме во втором разделе рассматриваемого закона. Так, в ст. 50 указывалось, что «исполнительным и распорядительным органом городского, районного в городе Совета народных депутатов является избираемый из числа депутатов исполнительный комитет в составе: председателя, заместителей председателя, секретаря и от пяти до пятнадцати членов исполнительного комитета» [3]. Более конкретный численный состав исполнительного комитета городского, районного в городе Совета устанавливался соответственно городским, районным в городе Советом. В последующих статьях отмечалось, в частности, что исполком непосредственно подотчетен как Совету, его избравшему, так и вышестоящему исполкому. Отделы и управления конкретного исполкома определялись Советом, то есть, депутатами на сессии, но не произвольно — перечень отделов и управлений исполкома, порядок их образова-

ния и компетенция устанавливались законодательством Союза ССР, РСФСР и автономной республики. Последнее обстоятельство было весьма характерным для характеристики местных Советов в части их самостоятельности — даже структурные подразделения исполкома определялись вышестоящими инстанциями. Такое положение определенным образом противоречило и ст. 1 рассматриваемого закона, согласно которому «городской, районный в городе Совет народных депутатов как орган государственной власти в городе, городском районе решает все вопросы местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, проживающих на территории Совета» [3]. Но, как видно, местный Совет мог решать далеко не все вопросы.

Отделы и управления исполнительного комитета городского, районного в городе Совета состояли на бюджете или на хозяйственном расчете. Штаты исполнительного комитета, его отделов и управлений определялись в пределах фонда заработной платы. Положения об отделах и управлениях утверждались Советом Министров РСФСР (АССР) — как в приведенном выше примере. Отделы и управления отчитывались о своей работе перед Советом и его исполкомом, который осуществлял руководство и контроль за деятельностью административных и наблюдательных комиссий, комиссий по делам несовершеннолетних, комиссий содействия охране памятников истории и культуры и комиссий по борьбе с пьянством, образуемых Советом при исполкоме. Компетенция комиссий, в свою очередь, определялась Положениями, утверждаемыми законодательными актами РСФСР. Подобным образом определялась, и структура представительного органа местной власти, каким, собственно, прежде всего и являлся сам Совет. Согласно ст. 71 Совет избирал из числа депутатов постоянные комиссии для предварительного рассмотрения и подготовки вопросов, а также для содействия проведению в жизнь решений Совета и вышестоящих государственных органов, контроля за деятельностью государственных органов, предприятий, учреждений и организаций. В состав постоянных комиссий не могли быть избраны депутаты, входящие в состав исполкома, а также депутаты — члены городского суда, народные судьи и прокуроры, то есть в данном случае некоторые элементы принципа разделения властей имели место.

В общем виде компетенция представительного и исполнительного органов местных органов власти в ст. 3 рассматриваемого закона, действовавшего, как отмечалось, до 1990 г. Указывалось, что городской, районный в городе Совет народных депутатов руководит на своей территории государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством; утверждает планы экономического и социального развития, бюджет города, района и отчеты об их выполнении; осуществляет руководство подчиненными Совету государственными органами, предприятиями, учреждениями и организациями; обеспечивает соблюдение законов, охрану государственного и общественного порядка, прав граждан; содействует укреплению обороноспособности страны и др. При этом следует заметить, что представительный орган местного Совета как таковой в законе не выделялся — в отличие от исполнительного органа («исполнительного комитета»). А название «местный Совет», «городской Совет» и т.д.

Ситуация в организационно-структурном развитии местным Советов стала меняться с конца 1989 г., то есть, уже под конец перестройки. Так, 20 октября 1989 г. было принято Примерное положение о председателях и президиумах местных Советов народных депутатов [5]. Как представляется, такое решение назрело уже давно. Ранее отмечалось, что в структуре местных Советов не выделялся представительный орган как таковой, хотя вполне ясно подразумевалось, что им является сам Совет. Фактически же функция представительного органа реализовывалась лишь во время проведения сессий Совета, а также в процессе работы постоянных комиссий Совета. В результате создавалась некоторая неопределенность по поводу организационного построения местного Совета как представительного органа власти, которая еще больше усугублялась отсутствием постоянного должностного лица, который председательствовал на сессии Совета — на каждой приходилось его определять, и в практике сессии вел председатель исполкома, возглавлявший исполнительную ветвь власти, которая организационно, в отличие от представительной власти, была обособлена достаточно четко. И вот в соответствии с казанным примерном Положении на уровне Советов городов, районов и ниже была выделена должность председателя Совета, который стал функционировать наряду с ранее и давно уже действующим председателем исполкома соответствующего Совета. В ст. 2 Положения указывалось, что председатель Совета народных депутатов избирается на сессии Совета из числа депутатов на срок полномочий Совета путем тайного голосования. По представлению председателя избирался его заместитель. В Положении определялось, что председатель Совета: созывает сессии Совета; осуществляет руководство подготовкой сессий Совета; представляет Совет в отношениях с государственными и общественными организациями, решает другие вопросы, связанные с деятельностью Совета и др. [5]

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что значительная часть данных полномочий ранее принадлежала председателю исполкома Совета. Часть полномочий председателя Совета по своему содержанию была новой и сопоставима с полномочиями главы муниципального образования, содержащимися в действующем ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации, а также с пол-

номочиями избирательной комиссии. В целом перечень полномочий оказался достаточно широким, что вполне обоснованно дает основание для вывода о том, что председатель местного Совета становился самостоятельной фигурой в городском или районном истеблишменте. Это подтверждается и тем, что Положением определялись необходимые условия для реализации председателем Совета своих полномочий. Так, в ст. 9 Положения указывалось, что обслуживание деятельности Совета народных депутатов, председателя и президиума Совета обеспечивается аппаратом Совета, при этом структура и штаты, а также условия оплаты труда работников аппарата Совета устанавливались Советом в соответствии с нормативами, предусмотренными законодательством Союза ССР и союзных республик. С выделением постоянно действующей должности председателя местного Совета система местной власти приобрела определенную стройность — теперь уже обе ветви власти получили свою организационную основу. Как видно, перераспределение властных полномочий при этом произошло в пользу представительной ветви власти. Вместе с тем ряд авторов того времени негативно оценивали нововведения, полагая, что новые структуры лишь усложнили взаимоотношения между представительными и исполнительными органами [6, с. 17]. Однако такая позиция на волен перестроечной демократизации не разделялась большинством авторов [4, с. 73].

Дальнейшее развитие структуры и полномочий местных Советов в России осуществлялось уже в рамках российского законодательства. В октябре 1990 г. был принят Закон РСФСР «О взаимоотношениях Советов народных депутатов и исполнительных органов в период проведения экономической реформы» [7]. Здесь было Советы и их исполкомы в период проведения экономической реформы должны руководствоваться принципами обязательности решений и подотчетности, закрепленными в Конституции РСФСР и законах РСФСР, а именно: решения вышестоящих Советов, их исполкомов обязательны для нижестоящих Советов и их исполкомов, в том числе это касалось отмены решений нижестоящих Советов, но только в случае несоответствия этих актов законодательству». Само издание данного закона было обусловлено противоречиями между представительными и исполнительными органами местной власти на уровне субъектов РСФСР, а уровне городов, районов и ниже такого рода противоречий не возникало. Следует еще заметить, что данный российский закон уже не воспринимал некоторые нормы союзных актов, регулирующих отношения местной власти. Это касалось и принятого в апреле 1990 г. Закона СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» [8].

Существенным шагом в развитии объема и содержания полномочий местных Советов стало принятие 21 ноября 1990 г. Закона РСФСР «О дополнительных полномочиях местных Советов народных депутатов в условиях перехода к рыночным отношениям» [9]. Появление такого закона было неизбежным, поскольку избранное направление на рыночный курс в развитии экономики РСФСР могло быть реализовано не иначе, как через соответствующие законодательные акты, закрепляющие данный курс, в том числе это должно было коснуться и местных органов власти. Уже в самой преамбуле закона указывалось, что местные Советы призваны обеспечить проведение на подведомственных территориях комплексных мероприятий по стабилизации экономического положения и переходу к рыночным отношениям в соответствии с Законом РСФСР «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР». В этом контексте указывалось, в частности, что местные Советы вправе образовывать комиссии по подготовке и осуществлению экономической реформы, а при исполкомах — органы по управлению муниципальной собственностью, разгосударствлению, приватизации, антимонопольным мероприятиям, земельной реформе и другим вопросам перехода к рынку [9]. Одной из важнейших новелл было предоставление местным Советам полномочий по регулированию отношений собственности, в том числе осуществлять инвентаризацию, оценку и составлять перечни предприятий, организаций и имущества для передачи в муниципальную собственность. Этим же законом местные Советы наделялись полномочиями принимать меры по стимулированию предпринимательства и созданию элементов рыночной инфраструктуры (коммерческих банков, товарных и фондовых бирж и др.), акционерных, малых, кооперативных, артелей национальных ремесел и иных предприятий, предоставлять земельные участки и др. [9]

Еще одна важная новелла заключалась в том, что местные Советы были вправе предъявить в суд или государственный арбитраж требования о признании недействительными актов вышестоящих по отношению к ним органов государственного управления, предприятий (объединений), организаций и учреждений, нарушающих права и законные интересы граждан, проживающих на подведомственной им территории, а также права местных Советов, и до принятия решения судом или арбитражем местные Советы могли приостановить действие оспариваемых актов, кроме актов вышестоящих по отношению к ним органов государственного управления.

В целом этот закон содержал кардинальные изменения в части расширения полномочий местных Советов. При этом, однако, ряд его норм противоречили действующей на тот момент Конституции РСФСР, причем на фундаментально-концептуальном уровне. Так, закон однозначно отвергал прежние социалистические принципы отношений собственности и вводил механизм перехода к частной собственности, то есть, к капиталистическим

отношениям. И это в то время, когда в Конституции РСФСР согласно ст. 10 «основу экономической системы РСФСР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности». Правда, 15 декабря 1990 г. в Конституцию РСФСР были внесены изменения, где это противоречие устранялось. Видимо, опережающее принятие законов отражало в то время бурление фундаментальных общественно-экономических событий.

Следует еще отметить, что в указанный закон, помимо закрепления дополнительных полномочий местных Советов, содержались также нормы об ответственности местных Советов. В ст. 16–21 указывалось, в частности, что местные Советы, их органы и должностные лица несут ответственность за законность принимаемых решений. Ущерб, нанесенный в результате неправомерных решений местных Советов и действий их органов и должностных лиц, возмещается в полном объеме предприятиям (объединениям), учреждениям, организациям и гражданам за счет собственных средств местных Советов. Данная норма была принципиально новой — никогда ранее вопрос о компенсации ущерба предприятиям и организациям за незаконное решение органов местной власти даже и не ставился. Однако в связи с переходом на рыночные отношения этот вопрос также назрел, и он исходил из общепризнанных принципов гражданского права, нормы которого в рыночных отношениях приобретали решающее значение. Не случайно и в данном законе указывалось, что местный Совет народных депутатов, его орган, возместивший ущерб, причиненный его работниками или должностными лицами, имеет право предъявить регрессный иск к этому лицу в размере выплаченной суммы, если иной размер не установлен законом [4, с. 81].

Принятие данного закона о дополнительных полномочиях местных Советов и время его принятия дают основание для вывода о том, что реальное (именно реальное, а не декларируемое) продвижение к рыночным (капиталистическим) отношениям началось еще в рамках пусть и уходящего, но еще функционировавшего советского социалистического государства, а не после его распада, как это обычно указывается в историко-правовой литературе, посвященной исследуемой проблематике. Заложенные в указанных выше нормативно-правовых актах основы компетенции представительных и исполнительных органов местной власти в дальнейшем по своей сути были сохранены и и развиты сначала в законе о местном самоуправлении в РСФСР от 6 июля 1991 г. [10], а затем и в других документах, регулирующих институт местной власти в России. Что касается структуры, то в законе 1991 г. она была подвергнута существенным изменениям, и прежде всего речь идет о прямых выборах населением главы местной администрации (исполнительного органа местного самоуправления) — именно с этим законом, собственно, и связывается фактическое окончание эпохи местных Советов советской России.

Но при этом, особо подчеркнем, трансформация статуса местных Советов осуществлялась исключительно «сверху», с вершин политической власти, где однозначно уже довлели настроения перейти на капиталистическую систему, чего нельзя сказать о депутатах местных Советов, настроенных значительно консервативнее. Поэтому, очевидно, новые, «перестроечные» депутаты, избранные уже на демократической основе [11] (выборы состоялись 4 марта 1990 г.), так и не стали носителями провозглашенных перестроечных перемен, что показал распад СССР в конце 1991 г., на что они, будучи носителями власти на местах, никак не смогли повлиять, оставаясь, в большинстве, приверженными прежней системе с монопольно правящей КПСС (эти процессы описываются в литературе [12; 13; 14 и др.]). К тому же вновь избранные местные депутаты не вписывались в отмеченный выше Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР». В результате в начале 1990-х гг. институт местных Советов был упразднен (ввиду как окончания каденции прежних местных депутатов, так и по причине самороспуска местных Советов), и заменен действующим институтом местного самоуправления.

Выводы

Проанализировав предложенные нами источники, возможно прийти к выводу о том, что представительные и исполнительные структуры местных Советов претерпели серьезные изменения за весь исторический период развития и в момент перестройки были упразднены, т.к. им на смену в дальнейшем пришли новые формы управления в контексте изменившегося политического строя.

Необходимо говорить о том, что на протяжении всего существования Советского Союза данные органы достаточно эффективно реализовывали управленческую деятельность и их функции были определены отношениями между политической властью и гражданским обществом. Учитывая существующий в СССР уклад жизни, Советы служили гарантом стабильности, обеспечения уверенности «в завтрашнем дне», инструментом воздействия на негативные социальные явления и решения возникающих проблем.

Ликвидация данных органов в период перестройки была обусловлена тем, что их деятельность не отвечала потребностям общества в переменах, инновациях и поэтому они уже не могли существовать в постсоветском пространстве, сформировав, однако за весь XX век мощную основу для государственного управления нового формата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена V Всероссийским Съездом Советов на заседании от 10.07.1918 г.) // Известия ВЦИК. 1918. 19 июля.
2. Постановление Совета Министров РСФСР «Об утверждении Положения об отделе по труду исполнительного комитета районного Совета народных депутатов и Положение об отделе по труду исполнительного комитета городского, районного в городе Совета народных депутатов» от 06.06.1985 г. // СП РСФСР. 1985. № 12. Ст. 788.
3. Закон РСФСР от 29.07.1971 (ред. от 29.01.1986) «О городском, районном в городе Совете депутатов трудящихся РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.03.2025).
4. Черноситов В.А. Организационно-правовая трансформация местных Советов народных депутатов на завершающем этапе Советского государства: 1985–1991 гг.: дисс. канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.
5. Постановление Президиума Верховного Совета СССР «О примерном положении о председателях и президиумах местных Советов народных депутатов» от 20.10.1989 г. // Свод законов СССР. 1990. Т. 1. Ст. 314.
6. Панов Р.В. Власть на местах: как организовать работу Совета (предложения, полемика, новые подходы). Л., 1990. С. 16–24.
7. Закон РСФСР 10.10.1990 N 228-1 «О взаимоотношениях Советов народных депутатов и исполнительных органов в период проведения экономической реформы» // Ведомости СНД и ВС РСФСР . 1990. № 19. Ст. 197.
8. Закон СССР 09.04.1990 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» // Свод законов СССР. 1990. Т. 1. Ст. 267.
9. Закон РСФСР «О дополнительных полномочиях местных Советов народных депутатов в условиях перехода к рыночным отношениям» от 21.11.1990 N 343-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 26. Ст. 322.
10. Закон РСФСР от 06.10. 1991 г. «О местном самоуправлении в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1010.
11. Казьмин В.Н. Выборная кампания народных депутатов РСФСР 1990 г. и ее последствия для страны // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: гуман. науки. 2009. № 6. С. 375–380.
12. Данилевская И.Л. Проблематика самоуправления и местного самоуправления в научных дискуссиях периода перестройки (1984-1990 гг.) // Право и государство: теория и практика.2023. № 8. С. 187–189.
13. Марков Р.С., Найденова Е.А., Куракина К.К. Деятельность городского Совета народных депутатов г. Ельца на завершающем этапе перестройки (1990-1991 годы) // Общество: философия, история, культура.2023. № 11. С. 232–238.
14. Антонов А.С. Трансформация модели местного самоуправления в условиях кризиса и демонтажа советской политической системы в конце XX века на примере Рязанской области // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2023. № 3. С. 59–68.

© Упоров Иван Владимирович (uporov@list.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.23

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

CRIMINOLOGICAL DETERMINANTS OF FRAUD COMMITTED USING THE INTERNET

A. Khovatov

Summary. An analysis of the current criminal situation in Russia demonstrates that the use of information and telecommunication technologies is becoming an increasingly common tool for carrying out criminal intentions. This dynamic confirms the relevance of the study of the determinants that determine the commission of fraud using the Internet. In this article, the author examines the causes and conditions that contribute to fraud using the Internet. The author summarizes that only a clear understanding of the causes and conditions of fraud using the Internet will make it possible to develop an effective system for preventing this crime.

Keywords: determinants, fraud, the Internet, causes and conditions, crime prevention, information technology.

Ховатов Антон Анатольевич
Адъюнкт,
Санкт-Петербургский университет МВД России
anton-khovatov98@mail.ru

Аннотация. Анализ текущей криминальной ситуации в России демонстрирует, что использование информационно-телекоммуникационных технологий становится все более распространенным инструментом для осуществления преступных намерений. Эта динамика подтверждает актуальность исследования детерминантов, определяющих совершение мошенничества с использованием сети «Интернет». В представленной статье автор изучает причины и условия, способствующие совершению мошенничества с использованием сети «Интернет». Автором резюмируется, что только ясное понимание причин и условий совершения мошенничества с использованием сети «Интернет» позволит разработать эффективную систему предупреждения данного преступления.

Ключевые слова: детерминанты, мошенничество, сеть «Интернет», причины и условия, предупреждение преступлений, информационные технологии.

Согласно статистическим данным федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр МВД России», в январе-декабре 2024 года зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 13,1 % больше, чем за аналогичный период прошлого года [1]. Их удельный вес составляет 40 % от общего числа всех преступлений, совершенных в России с января по декабрь 2024 года. При этом среди всех зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (765365), почти половина (379762) преступлений совершены с целью мошенничества (ст. 159 УК РФ).

Составной частью противоправных деяний, совершаемых в сфере информационных технологий (далее — ИТ), выступает мошенничество. Мошенничество следует рассматривать как преступление в сфере ИТ, поскольку для осуществления преступного умысла зачастую используются различные технологии, системы, программы, включая возможности сеть «Интернет».

Мошенничество, совершаемое с использованием сети «Интернет» — это хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Рост числа преступлений с использованием ИТ, в том числе мошенничеств, требует от государства моментального реагирования, разработки комплексной системы предупреждения и борьбы с данным противоправным деянием.

Изучение детерминантов преступности имеет важное значение в криминологии, поскольку без их познания невозможно понимание текущего состояния преступности и прогнозирование ее будущего состояния, выработке мер по борьбе с ней, в частности ее предупреждение [2, с. 63].

В криминологии детерминанты преступности включают в себя как причины, так и условия, способствующие их проявлению, а также различные факторы, влияющие на уровень криминальной активности. Центральное место в криминологических исследованиях занимает изучение причин и условий преступности, включая как преступность в целом, так и отдельные виды преступлений.

Причины определяются как общественные явления, порождающие, поддерживающие преступность и влияющие на динамику ее роста или снижения. Под усло-

виями же в криминологии понимаются социальные факторы, которые облегчают и усиливают формирование и действие причин преступности и конкретных преступлений.

Выделяются три основных уровня анализа причин и условий преступности: на уровне всего общества (общесоциальный), на уровне межличностного взаимодействия и групповых процессов (социально-психологический) и на уровне личности преступника (личностный). Каждый из этих уровней позволяет рассмотреть различные аспекты, влияющие на формирование процесса криминализации общественных отношений.

Кроме того, детерминанты преступности классифицируются по своему содержанию (они могут быть: экономическими, социальными, политическими, моральными, правовыми) и по уровню (субординации) воздействия (детерминанты преступности в целом, отдельных категорий преступлений или конкретных преступлений).

Изучение детерминантов мошенничества, совершаемого с использованием сети «Интернет», должно базироваться на строгом научном подходе. Этот процесс не ограничивается лишь анализом общих криминологических детерминантов, изложенных в криминологической теории, и их сопоставлением с объектом исследования. Оно также требует обращения к работам специалистов, изучавших вопросы детерминации преступности в области высоких технологий, а также глубокого анализа текущего состояния и особенностей проявления данного вида преступности в современных условиях.

Е.Ю. Стрижов в качестве внешних нравственно-психологических детерминантов мошенничества называет: 1) одобрительное отношение значительной части экономически активного населения к обману и мошенничеству; 2) преобладание в сознании молодежи ценностей денег, гедонизма, личного успеха; 3) пренебрежительное отношение к честному производительному труду и к умеренному потреблению материальных благ; 4) ориентация большинства молодых людей на моральные нормы индивидуализма и прагматизма [3, с. 13].

В свою очередь, А.А. Комаров, исследовав различные формы преступной деятельности в сети «Интернет», указывает на специфические детерминанты мошенничества: 1) особенности современных сетевых технологий, предоставляющих возможности для успешного ведения преступной деятельности (анонимность, оперативность, возможность массового воздействия); 2) отсутствие социально-правового контроля со стороны общества за процессами информатизации; 3) недостатки правового регулирования (в сфере электронной торговли, защиты прав потребителей); 4) недостатки правоохранительной деятельности [4, с. 89].

Немало ученых считают, что именно латентность является одной из основных причин и условий, одновременно поддерживающей и формирующей рост текущего уровня преступности в киберпространстве. Именно сложность выявления и раскрытия данных преступлений, в том числе обусловленное нежеланием потерпевших нести репутационные риски в виду их индивидуальной виктимности, является основным детерминантом мошенничества, совершаемого с использованием сети «Интернет».

Невыявленные и скрытые от регистрации факты противоправных посягательств в данной сфере, равно как и незначительные наказания за преступления в данной области, создают чувство безнаказанности у преступника, тем самым подталкивая его к совершению новых преступлений. В результате чего, ко времени разоблачения правонарушителю удается совершить значительное количество описываемых преступлений, набраться опыта, что ведет к росту высокотехнологичной преступности.

Данное мнение разделяет А.Ю. Тутуков, который считает, что невыявленные и скрытые от регистрации факты противоправных посягательств в данной сфере, равно как и незначительные наказания за преступления в данной области, создают чувство безнаказанности у преступника, тем самым подталкивая его к совершению новых преступлений. В результате чего, ко времени разоблачения правонарушителю удается совершить значительное количество описываемых преступлений, набраться опыта, что ведет к росту высокотехнологичной преступности [5, с. 84].

Исследовав мнения различных ученых по вопросу детерминации мошенничества и противоправных деяний в сети «Интернет», целесообразным считается не дифференцировать детерминанты мошенничества в сети «Интернет» по уровню субординации, поскольку содержание уровней действия детерминантов кореллируется между собой. В свою очередь, разделение причин и условий мошенничества, совершаемого с использованием сети «Интернет», по ряду категорий, позволит более полно осветить детерминацию рассматриваемого явления. Так, детерминанты мошенничества, совершаемого с использованием сети «Интернет», исходят из причин и условий следующего характера:

1. Социально-экономического характера. Эти причины и условия обусловлены, в частности, низким уровнем жизни отдельных слоев и групп населения. Например, высокие цены на товары и услуги первой необходимости стимулируют потребителей искать более выгодные предложения в интернете. Мошенники активно используют эту ситуацию, предлагая товары или услуги по значительно заниженной стоимости, пользуясь ограниченными финансовыми возможностями на-

селения. Покупатели, стремясь сэкономить и не проявляя должной осмотрительности, переводят деньги злоумышленникам, в итоге не получая ни желаемого товара, ни услуги. К той же категории причин и условий относится проблема безработицы или сокращения рабочих мест. Здесь действует схожая схема: мошенники, используя стремление людей найти работу, предлагают платные услуги по подбору вакансий или требуют внести некую сумму в качестве гарантии трудоустройства в вымышленной компании. В результате жертва лишается как надежды на работу, так и перечисленных денег.

2. Виктимологического характера. Данные причины и условия мошенничества, совершаемого с использованием сети «Интернет», берут свое начало от поведения самой жертвы данного преступления. Отсутствие знаний у гражданина о необходимых мерах финансовой безопасности и должной предусмотрительности при покупке-продаже товаров и услуг в сети «Интернет», а также легкомысленное отношение к проводимым правоохранительными и иными органами мероприятиям по информационному освещению проблемы криминализации информационного пространства, интенсификации мошенничеств в сети «Интернет» и способов их совершения, ведет к совершению мошенничества в отношении данного гражданина. Следует добавить, что нежелание потерпевших обращаться в правоохранительные органы, в связи с потенциальными репутационными рисками, которые они понесут в виду их индивидуальной виктимности, невысоким размером причиненного ущерба, а также мнением в невозможности установления лица, совершившего мошенничество, способствует увеличению числа совершенных мошенничеств в сети «Интернет», остающихся за рамками государственного реагирования и официальной статистики.
3. Духовно-нравственного характера. Данные причины и условия являются определяющими именно в отношении лица, совершающего мошенничество в сети «Интернет». Проблемы популярности заработка «легких денег» среди молодежи, отсутствие желания у отдельных групп населения вести реальную трудовую деятельность, а также снижение влияния морально-нравственных ценностей в обществе, ведущих к использованию сети «Интернет» в противоправных целях и совершению преступлений в отношении незащищенных групп населения (пенсионеров, инвалидов, несовершеннолетних), определяют то, что лицо на основе вышеуказанных детерминаций идет на совершение мошенничества в сети «Интернет».
4. Технического характера. Данные причины и условия, прежде всего, определяются несовершенством системы безопасности существующего информационно-телекоммуникационного пространства и имеющихся функциональных возможностей различных сервисов сети «Интернет», которые используются мошенниками в противоправных целях. Среди причин и условий следует обозначить проблему отсутствия надлежащего контроля над размещением реклам, а также объявлений по продаже товаров и услуг на торговых площадках в сети «Интернет» («Авито», «Юла» и т.д.). Также следует назвать проблемы: анонимизации пользователей в сети «Интернет»; возможности приобретения доступа к взломанным аккаунтам в социальных сетях; использования искусственного интеллекта путем генерации фальшивого контента (фото и видео изображений, текстовых и голосовых сообщений с высокой долей реалистичности для дублирования вербальных и невербальных средств общения собеседника) в целях обмана пользователей социальных сетей; невозможность контроля над сайтами, размещаемыми на хостингах.
5. Организационно-управленческого характера. Причины и условия данного характера исходят от проблем предупреждения и борьбы с мошенничествами, совершаемыми с использованием сети «Интернет». Среди них следует обозначить: проблема отсутствия единого механизма взаимодействия правоохранительных органов, СМИ, коммерческих структур, государственных организаций и гражданского общества в контексте предупреждения «Интернет» мошенничества и борьбы с ним; проблема недостаточного технического и научного обеспечения деятельности правоохранительных органов по предупреждению преступности в сфере высоких технологий; проблема сложности раскрытия данных преступлений и утаивания потерпевшими факта мошеннических действий в отношении них; проблема необходимости в повышении уровня правовой культуры и информационной грамотности сотрудников финансово-кредитных учреждений, а также сотрудников правоохранительных органов, участвующих в процессе предупреждения мошенничеств, совершаемых с использованием сети «Интернет».

Исследование причин и условий, способствующих совершению мошенничества с использованием сети «Интернет», позволило установить особую специфику детерминации данного вида преступлений. Мошенничество, совершаемое с использованием сети «Интернет», возникает под воздействием как общих криминологических причин и условий, характерных для многих преступлений, так и особенных, присущих именно этому преступлению. Детерминанты интернет-мошенничества представляют собой комплекс взаимосвязанных причин

и условий, которые могут быть разделены на несколько категорий: социально-экономические, виктимологические, духовно-нравственные, технические и организационно-управленческие.

Каждая причина и условие из вышеназванных категорий детерминантов требует тщательного изучения и дальнейшей научно-практической разработки, поскольку именно понимание причин и условий, способствующих совершению мошенничества в сети «Интернет», дает возможность более полно осветить проблему предупреждения данного явления и найти те прикладные меры, которые способствуют снижению уровня данного преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года // URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328 (дата обращения 15.02.2025).
2. Гиоев, Д.М. Детерминация и детерминанты преступности / Д.М. Гиоев, Е.С. Цориева // Актуальные проблемы права: Сборник научных статей магистрантов. Том Выпуск 9. — Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), 2021. — С. 59–64.
3. Стрижов, Е.Ю. Нравственно-психологические детерминанты мошенничества: специальность 19.00.06 «Юридическая психология»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук / Стрижов Евгений Юрьевич. — Москва, 2011. — 47 с.
4. Комаров, А.А. Криминологические аспекты мошенничества в глобальной сети Интернет: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Комаров Антон Анатольевич. — Саратов, 2011. — 262 с.
5. Тутуков, А.Ю. Основные детерминанты компьютерной преступности в Российской Федерации / А.Ю. Тутуков // Пробелы в российском законодательстве. — 2018. — № 3. — С. 82–84.

© Ховатов Антон Анатольевич (anton-khovatov98@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.25

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СТ. 207.3 УК РФ

INFORMATION SECURITY AND CRIMINAL LAW PROTECTION OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ARTICLE 207.3 OF THE CRIMINAL CODE

E. Chizhova

Summary. The article presents a comprehensive study of criminal law protection of information security in the context of disseminating deliberately false information regarding the activities of the Armed Forces of the Russian Federation. Particular attention is given to the analysis of Article 207.3 of the Russian Criminal Code as a legal instrument for responding to hybrid informational threats. The research identifies the conceptual ambiguity between «deliberately false» and «unreliable» information, explores conflicts in law enforcement practice, and examines intersections with other criminal and administrative norms. Theoretical and legal approaches to the qualification of such acts are presented, alongside criteria distinguishing intentional disinformation from evaluative judgments. Based on the analysis of court rulings and academic sources, specific legislative proposals are developed to improve Article 207.3 of the Criminal Code: refinement of the article's wording, introduction of legal definitions, delimitation from administrative offenses, and issuance of interpretative guidance by the Supreme Court. The study aims to ensure a balanced approach between safeguarding national security and upholding the constitutional right to freedom of expression.

Keywords: information security, criminal law, deliberately false information, Armed Forces of the Russian Federation.

Чижова Елена Сергеевна
Аспирант, ФГБОУ ВПО «Мелитопольский государственный университет», Нижний Новгород
110sk@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию уголовно-правовой охраны информационной безопасности в контексте распространения заведомо ложных сведений о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации. Особое внимание уделено анализу статьи 207.3 УК РФ как нормативного инструмента реагирования на гибридные информационные угрозы. Обоснована проблема неопределенности понятий «заведомо ложная» и «недостоверная» информация, выявлены правоприменительные коллизии и противоречия с другими уголовно-правовыми и административно-правовыми нормами. Представлены теоретико-правовые подходы к квалификации соответствующего деяния, сформулированы критерии различения умышленной дезинформации и выражения оценочных суждений. На основе анализа судебной практики и доктринальных источников предложены конкретные меры по совершенствованию статьи 207.3 УК РФ: уточнение диспозиции, введение легальных дефиниций, разграничение с административными составами, а также принятие разъяснений Верховного Суда РФ. Работа направлена на формирование баланса между защитой национальной безопасности и соблюдением конституционного права на свободу выражения мнения.

Ключевые слова: информационная безопасность, уголовное право, заведомо ложная информация, Вооруженные Силы Российской Федерации.

Современный этап развития информационного общества характеризуется интенсивным распространением цифровых технологий, что одновременно расширяет возможности оперативного получения сведений и обостряет угрозы, связанные с распространением дезинформации. Особую актуальность приобретает правовая охрана сведений, касающихся использования Вооруженных Сил Российской Федерации, а также исполнения полномочий государственными органами в сфере обеспечения обороноспособности и национальной безопасности.

В этих условиях статья 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации [8] (далее — УК РФ) призвана служить правовым инструментом защиты достоверной информации от преднамеренного искажения, подрывающего доверие общества к институтам государственной власти и обороны. Однако практика ее применения выявляет ряд проблем: отсутствие четких критериев для квалификации ложности сведений, трудности доказывания субъективной стороны деяния, коллизию с иными уголовно-правовыми нормами, а также угрозу ограничения свободы выражения мнений.

Цель статьи заключается в выявлении ключевых проблем правоприменения статьи 207.3 УК РФ и формулировании предложений по ее совершенствованию с учетом баланса между информационной безопасностью и конституционными правами личности.

Исследование основано на анализе действующего уголовного законодательства Российской Федерации, доктринальных источников. Методологическую базу составили формально-юридический метод, использованный для выявления признаков состава преступления, а также системный подход, позволивший рассматривать уголовно-правовую охрану информации в контексте обеспечения информационной безопасности как элемента национальной безопасности.

Вопросы уголовно-правовой охраны информации в условиях военных и кризисных ситуаций рассматриваются в работах А.Р. Шариповой [9], М.Н. Шипуновой [10], Е.А. Ильяшенко [3] и А.В. Бриллиантова [1]. Авторы анализируют состав преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, с точки зрения квалификационных признаков и подчеркивают необходимость разграничения с иными нормами уголовного закона. Они акцентируют внимание на различии между категориями «заведомой ложности» и «недостоверности», обосновывая недопустимость уголовной ответственности в случае добросовестного заблуждения.

При этом большинство авторов указывают на необходимость уточнения диспозиции статьи, установления единых критериев «официальной» информации и принятия разъяснений со стороны Верховного Суда РФ. Это свидетельствует о высоком уровне научной дискуссии и наличии устойчивого запроса на совершенствование уголовно-правового регулирования в сфере информационной безопасности.

Результаты

Обеспечение информационной безопасности в условиях современных конфликтов и гибридных угроз приобретает значение одной из ключевых задач уголовного права как инструмента защиты национальных интересов. С точки зрения теории уголовного права, предметом охраны выступают общественные отношения, обеспечивающие достоверность, устойчивость и правомерность информационного взаимодействия между государством и обществом, особенно в контексте военной деятельности. В этой связи введение статьи 207.3 УК РФ следует рассматривать как элемент нормативного ответа на трансформацию характера угроз общественной безопасности, связанных с распространением деструктивной, ложно представленной либо преднамеренно искаженной информации.

Информация о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации имеет особый правовой режим, поскольку она одновременно является предметом общественного интереса (в силу ее влияния на общественное мнение и легитимацию власти) и предметом государственной тайны, а также элементом информационной безопасности государства.

Информационная безопасность охватывает не только защиту от внешних киберугроз или технических утечек, но и предотвращение манипулирования общественным сознанием с помощью заведомо ложной информации. При этом уголовно-правовая охрана затрагивает не сами факты военной деятельности, а стабильность восприятия этих фактов обществом и возможность государства сохранять управляемость и контроль над распространением стратегически важной информации [2, с. 1735].

Согласно доктрине уголовного права, такие деяния должны обладать высоким уровнем общественной опасности, иметь конкретный умысел и подлежать точной квалификации. Это предполагает, что информация, ставшая предметом уголовно-правовой охраны, должна:

— обладать признаками общественной значимости (то есть быть релевантной для неопределенного круга лиц и затрагивать значимые сферы, такие как безопасность, правопорядок, права граждан);
— быть заведомо ложной, а не просто недостоверной или непроверенной;
— распространяться публично (через СМИ, интернет-платформы, мессенджеры и иные средства массовой коммуникации) [5, с. 310].

Тем самым уголовно-правовая защита в сфере информационного взаимодействия не подменяет собой свободу выражения мнений, а ограничивает ее исключительно в случаях, когда умышленное искажение фактов создает угрозу общественной безопасности или функционированию государственной власти в условиях внешней или внутренней нестабильности.

Одним из ключевых теоретических и практических вопросов, возникающих при применении статьи 207.3 УК РФ, является разграничение понятий «недостоверная» и «заведомо ложная» информация. Эти термины нередко отождествляются в правоприменительной практике, что порождает риск криминализации сообщений, не обладающих признаком умышленной лживости. Между тем, с точки зрения уголовно-правовой доктрины, речь идет о принципиально разных правовых явлениях, требующих различного подхода как к квалификации, так и к доказыванию вины [7, с. 105].

Термин «заведомо ложная информация» в статье 207.3 УК РФ предполагает наличие у субъекта до-

стоверного знания о несоответствии распространяемых сведений действительности. Заведомость означает, что лицо точно знает, что сообщение, которое оно публикует или иным образом распространяет, не соответствует реальному положению дел, и тем не менее сознательно доводит его до сведения третьих лиц. Таким образом, обязательным условием уголовной ответственности является установление прямого умысла и внутренней убежденности лица в лживости информации, что отличает данный состав преступления от деяний, основанных на неосторожности или заблуждении.

В противоположность этому, категория недостоверной информации охватывает более широкий и менее определенный круг сообщений, точность которых может быть поставлена под сомнение, но отсутствие намерения ввести в заблуждение делает их малопригодными для уголовно-правовой оценки. Недостоверность может быть следствием ошибочной интерпретации фактов, непроверенных источников, искажения смысла из-за перевода или контекста. Как подчеркивает С.М. Мальков, недостоверность может существовать вне умысла, тогда как заведомая ложность требует внутреннего согласия субъекта с тем, что он искажает факты умышленно [6, с. 29]. С этой точки зрения уголовная ответственность в рамках статьи 207.3 УК РФ допустима только в случае, если установлено, что лицо действовало с прямым умыслом и полной осведомленностью о ложности распространяемой информации.

Доктрина предлагает включение в закон определения заведомо ложной информации как информации, в ложность которой лицо не просто сомневается, но имеет достоверные основания считать ее несоответствующей действительности и при этом сознательно ее распространяет. Также высказывается мнение о необходимости законодательного разграничения уголовно наказуемой лжи и иных форм искажения информации. В частности, Е.А. Ильяшенко обосновывает предложение о закреплении в уголовном законе термина «общественно значимая информация» как особого объекта охраны, к которому предъявляются более жесткие требования как к достоверности, так и к квалификации деяний, посягающих на нее [4, с. 53].

Научная дискуссия подтверждает, что без четкой дефиниции заведомости, а также без методологических инструментов для ее установления, применение статьи 207.3 УК РФ остается уязвимым для произвольной интерпретации. Концептуальное различие между ложью, недостоверностью и заблуждением должно быть нормативно закреплено, а судебная практика — ориентирована на доказательственный стандарт, исключающий уголовное преследование в случае отсутствия осознанного умысла.

Применение статьи 207.3 УК РФ выявило целый ряд системных и практических проблем, обусловленных как правовой неопределенностью самой нормы, так и отсутствием устойчивых судебных подходов к ее толкованию. Эти сложности затрагивают как процедуру доказывания заведомости, так и вопросы соотношения статьи с другими нормами уголовного и административного законодательства.

Наиболее существенная правоприменительная проблема заключается в трудности установления субъективной стороны преступления. Доказать, что лицо заведомо знало о ложности распространяемой информации и все же приняло решение публично ее обнародовать, чрезвычайно сложно, особенно в условиях, когда речь идет о суждениях, интерпретациях или альтернативных источниках информации. Наличие расхождений с официальной позицией властей априори воспринимается как доказательство заведомой ложности, что подменяет доказательство умысла презумпцией недостоверности.

Дополнительную сложность представляет разграничение статьи 207.3 УК РФ с нормами, устанавливающими административную ответственность. При отсутствии четких критериев различения между административно и уголовно наказуемыми формами распространения ложной информации велика вероятность необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Это особенно актуально в случаях, когда деяние было совершено впервые, не повлекло тяжких последствий и не свидетельствует о повышенной общественной опасности. В результате правоприменитель сталкивается с необходимостью правовой квалификации одного и того же действия по нескольким возможным основаниям, без должного руководства со стороны законодателя или Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Коллизионный характер статьи также проявляется при совмещении ее с нормами о клевете (ст. 128.1 УК РФ) и дискредитации использования Вооруженных Сил РФ (ст. 280.3 УК РФ). Эти составы частично пересекаются по предмету и объективной стороне, что приводит к проблемам при квалификации. Например, если лицо распространяет информацию, порочащую как конкретное лицо, так и государственные институты, одновременно содержащую ложные сведения, возникает ситуация идеальной совокупности. Однако отсутствие разъяснений по поводу границ между этими составами вызывает правовую неопределенность и способствует разным подходам в судах различных регионов.

Таким образом, проблемы применения статьи 207.3 УК РФ связаны не только с ее формулировками, но и с отсутствием правовых механизмов разграничения схожих составов, неопределенностью в квалификационных признаках и отсутствием процессуальных гарантий

от произвольной интерпретации. Решение этих проблем требует как нормативного вмешательства, так и унификации судебной практики, направленной на соблюдение баланса между охраной интересов государства и правами личности.

Анализ теоретических и практических аспектов применения статьи 207.3 УК РФ свидетельствует о необходимости ее совершенствования с учетом принципов правовой определенности, баланса публичных и частных интересов, а также соблюдения базовых стандартов уголовной ответственности. Речь идет не о пересмотре самой идеи уголовной охраны информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, а о приведении ее нормативной конструкции в соответствие с требованиями предсказуемости, разумной дифференциации и процессуальной защищенности лица, привлекаемого к ответственности.

Во-первых, целесообразно внести изменения в статью 207.3 УК РФ, дополнив ее примечанием, в котором следует закрепить, что под заведомо ложной информацией понимаются сведения, которые лицо распространяет при наличии достоверных и проверяемых оснований считать их недостоверными, с намерением исказить действительное положение дел. Такая формулировка позволит исключить уголовную ответственность за выражение оценочного суждения, добросовестное заблуждение или критику, не сопряженную с умышленным введением в заблуждение.

Во-вторых, необходимо ввести легальное определение понятия «общественно значимая информация» как особого объекта правовой охраны в условиях информационных угроз. Под этим понятием следует понимать сведения, затрагивающие обороноспособность страны, функционирование органов государственной власти, безопасность граждан и устойчивость общественного порядка. Введение этой категории позволит более точно очертить границы действия статьи 207.3 УК РФ и устранить риски ее произвольного применения по отношению к малозначительным или бытовым высказываниям.

В-третьих, рекомендуется разграничить уголовно наказуемые и административные формы ложной информации путем дополнения статьи 207.3 примечанием о критериях отграничения от состава административных правонарушений. Ключевыми элементами такой дифференциации могут быть: систематичность распространения информации, мотив умышленного подрыва доверия к государственным институтам, использование информационных платформ с широкой аудиторией, а также наступление тяжких последствий (например, массовые беспорядки или подрыв мобилизационных мероприятий).

В-четвертых, следует инициировать принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющего вопросы квалификации, доказательства субъективной стороны, разграничения с другими составами преступлений (клевета, экстремизм, дискредитация) и допустимости использования официальной информации как критерия истины. Такой документ необходим для единообразия судебной практики и минимизации правоприменительных ошибок.

В-пятых, в целях соблюдения принципа ultima ratio, имеет смысл ввести институт дифференциации ответственности в зависимости от последствий, выделив в статье 207.3 три уровня: базовый состав (распространение без наступления последствий), квалифицированный (деяние, повлекшее массовые беспорядки, мобилизационные сбои или иные тяжкие последствия) и привилегированный (при отсутствии умысла и добровольном удалении информации — возможность освобождения от уголовной ответственности). Это позволит придать норме гибкость и пропорциональность в применении.

Таким образом, предложенные изменения направлены на устранение пробелов и неопределенностей, повышение эффективности правоприменения, защиту прав и свобод граждан, а также укрепление доверия к правовой системе в условиях информационной напряженности. Совершенствование статьи 207.3 УК РФ требует комплексного подхода, сочетающего законодательные меры, судебное толкование и развитие правовой культуры. Ее появление отражает стремление государства укрепить охранительный потенциал уголовного права в сфере цифровых коммуникаций. Проблемы доказывания субъективной стороны, конкуренции с другими составами, размытости предмета охраны и произвольного толкования категории «ложности» требуют системного осмысления. Предложенные меры по совершенствованию законодательства, включая уточнение диспозиции статьи, введение дефиниции общественно значимой информации, разграничение с административными правонарушениями и принятие разъяснений Верховного Суда РФ, направлены на устранение наиболее острых противоречий между защитой интересов государства и необходимостью соблюдения принципов справедливого уголовного судопроизводства. Уголовно-правовая защита информационного пространства требует не только ужесточения санкций, но прежде всего точности формулировок, обоснованности вмешательства в публичную сферу и приоритетного соблюдения баланса между безопасностью и свободой в условиях современных вызовов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бриллиантов А.В. Об ответственности за распространение заведомо ложной информации и дискредитацию использования Вооруженных Сил: сопоставительный анализ // Российское правосудие. 2023. № 10. С. 82–92.
2. Иващенко З.С., Васильченко О.В., Григорян Д.К., Малявина А.Б. Фейковые новости о ходе проведения специальной военной операции как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. Т. 13. № 9 (62). С. 1731–1740.
3. Ильяшенко Е.А. Общественно значимая информация как предмет преступлений против общественной безопасности // Российский следователь. 2024. № 6. С. 15–17.
4. Ильяшенко Е.А. Преступления, связанные с распространением заведомо ложной общественно значимой информации: отдельные вопросы разграничения // Российский следователь. 2025. № 2. С. 51–54.
5. Капица В.С., Капица Т.А., Бушков Д.В. Обусловленность изменений уголовного закона как инструмент противодействия преступлениям против общественной безопасности, общественного порядка, государственной власти // Евразийский юридический журнал. 2024. № 1 (188). С. 309–311.
6. Мальков С.М. Фейки как деяние против военной службы и уголовно-правовое противодействие им // Военно-юридический журнал. 2023. № 1. С. 27–31.
7. Третьяк М.И. Понятие «дискредитации» как уголовно-правовое и административно-правовое деяние // Союз криминалистов и криминологов. 2024. № 1. С. 100–109.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. №25. Ст. 2954.
9. Шарипова А.Р. Криминализация распространения заведомо ложной информации о Вооруженных Силах Российской Федерации (ст. 207.3 УК РФ) // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10 (173). С. 318–319.
10. Шипунова М.Н. О квалификации распространения недостоверных сведений о Вооруженных Силах Российской Федерации // Российский следователь. 2024. № 3. С. 41–45.

© Чижова Елена Сергеевна (110sk@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.10

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАКТИК ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННО-СОЦИАЛЬНОГО СКОРИНГА

DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE IN THE IMPLEMENTATION OF VOLUNTARY SOCIO-SOCIAL SCORING PRACTICES

A. Zhdanov

Summary. The relevance of the research is due to the growing interest in voluntary socio-social scoring as a tool for managing social behavior in the context of digitalization. Despite its potential to increase the effectiveness of public services and citizen engagement, issues of ethics, transparency, and adaptation of foreign models to national contexts remain unresolved.

The purpose of the work is to identify the features, advantages and risks of implementing social scoring in Russia and abroad.

The methodology includes a comparative analysis of cases (China, the EU, the Russian Federation), a review of regulatory documents and expert assessments.

As the results of the study show, foreign experience emphasizes technological innovations. However, it subsequently faces criticism for violating privacy, whereas in the Russian Federation such practices are fragmented and require institutional support.

Based on the analysis, recommendations on the ethical and legal adaptation of scoring systems are proposed.

Keywords: social scoring, voluntary participation, public administration, comparative analysis, digital technologies, ethical aspects.

Жданов Алексей Владимирович

Аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный социальный университет» (РГСУ), г. Москва

Alex296_97@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к добровольному общественно-социальному скорингу как инструменту управления социальным поведением в условиях цифровизации. Несмотря на его потенциал для повышения эффективности госуслуг и вовлечения граждан, остаются нерешенными вопросы этики, прозрачности и адаптации зарубежных моделей к национальным контекстам.

Цель работы — выявить особенности, преимущества и риски реализации социального скоринга в России и за рубежом.

Методология включает сравнительный анализ кейсов (Китай, ЕС, РФ), обзор нормативно-правовых документов и экспертных оценок.

Как показывают результаты исследования, зарубежный опыт акцентирует технологические инновации. Однако, впоследствии сталкивается с критикой из-за нарушения приватности, тогда как в РФ подобные практики носят фрагментарный характер и требуют институциональной поддержки.

На основе анализа предложены рекомендации по этической и правовой адаптации скоринговых систем.

Ключевые слова: социальный скоринг, добровольное участие, общественное управление, сравнительный анализ, цифровые технологии, этические аспекты.

Введение

Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией публичного управления, где добровольный общественно-социальный скоринг становится инструментом трансформации взаимодействия государства и общества. В условиях глобального тренда на «оцифровку доверия» такие системы, как китайский социальный кредит или европейские платформы гражданской активности, демонстрируют потенциал повышения эффективности услуг и вовлечённости граждан. Однако, их внедрение сталкивается с критикой из-за рисков тотальной слежки, алгоритмической дискриминации и цифрового неравенства. В России проблема усугубляется фрагментарностью экспериментов (например, в Татарстане или Москве) и отсутствием нормативной базы, регулирующей этические аспекты сбора данных.

Научная проблема заключается в противоречии между технологическими возможностями социального скоринга и социально-правовыми ограничениями его внедрения. С одной стороны, алгоритмы позволяют оптимизировать управление, с другой — их «чёрный ящик» подрывает доверие граждан и провоцирует эксклюзию уязвимых групп. Актуальные исследования фокусируются либо на технических аспектах (анализ Big Data), либо на правовых рисках, игнорируя необходимость междисциплинарного синтеза. Игнор междисциплинарного характера предопределяет исследовательский пробел, заключающийся в отсутствии моделей, интегрирующих добровольность участия, прозрачность критериев и механизмы обратной связи в единую архитектуру легитимности.

Цель работы — преодолеть данный разрыв, предложив адаптивные решения (модель), совместимые с российским институциональным контекстом и международными стандартами цифровых прав.

Основные результаты

Городская территория представляет собой поликомпонентную систему, интегрирующую природные, антропогенные и социально-экономические элементы, что обусловливает необходимость применения междисциплинарного подхода для её комплексного исследования. Как отмечает Д. Замятин, «урбанизированные пространства функционируют как "гибридные экосистемы", где взаимодействие технологических, экологических и социальных факторов формирует уникальные паттерны поведения граждан» [6, с. 12]. Данное утверждение коррелирует с позицией западных исследователей: «современные города — это не просто физические ландшафты, но и цифровые платформы, где данные становятся ключевым ресурсом управления» [11]. В контексте добровольного социального скоринга такая многомерность требует синтеза методов социологии, урбанистики, права и data science, эффективность которых подтверждается работами М.И. Максимова: «анализ городских систем невозможен без учета алгоритмических моделей, трансформирующих традиционные механизмы обратной связи между властью и обществом» [10, с. 158].

Природный компонент городской среды, включая экологические риски и устойчивость, формирует базовые ограничения для внедрения скоринговых практик. По мнению А.Э. Ждановой, «качество городской среды напрямую влияет на уровень социальной активности, выступая катализатором или барьером для добровольного участия в цифровых платформах» [5, с. 34]. Антропогенный аспект, связанный с инфраструктурой и технологиями, определяет операционные возможности систем оценки. Цифровые инструменты, такие как IoT-сенсоры или блокчейн, создают техническую основу для прозрачности, но их внедрение требует пересмотра этических норм сбора данных. А социально-экономические элементы, включая стратификацию и доступ к ресурсам, задают контекст для дифференциации скоринговых критериев. По мнению М.А. Юдина, «неравенство в цифровой грамотности может привести к маргинализации групп, не включенных в алгоритмические модели оценки» [15, с. 99].

Управление такими системами требует баланса между технологической эффективностью и социальной справедливостью. Как отмечает Е.И. Добролюбова, «успех цифровых инициатив в публичном секторе зависит от их способности интегрировать ценности различных стейкхолдеров, избегая редукции сложных социальных процессов к бинарным оценкам» [4, с. 155]. В российском контексте это подтверждается исследованиями Н.Д. Александровым, отмечающим: «локальные эксперименты с социальным скорингом (например, в smart-городах) демонстрируют потенциал, но их масштабирование невозможно без федеральных стандартов, гарантирующих защиту прав граждан» [2, с. 74].

В контексте анализа отечественного и зарубежного опыта реализации практик добровольного общественно-социального скоринга ключевым аспектом становится рассмотрение данного явления через призму классических и современных социологических теорий. Комплексный анализ позволяет выявить глубинные социальные механизмы, лежащие в основе формирования скоринговых систем, их функциональную роль в структуре общества, а также мотивы и потребности участников данных процессов.

Эмиль Дюркгейм, рассматривая общество как систему, основанную на коллективных представлениях, подчеркивал роль социальных фактов в регулировании поведения индивидов. Скоринг, будучи инструментом формализации социальных взаимодействий, отражает институционализацию доверия через алгоритмические оценки. Так, кредитный рейтинг становится «социальным фактом», который структурирует экономические отношения, задавая нормы «одобряемого» поведения. Дюркгеймовская концепция аномии также применима к ситуациям, когда алгоритмические системы создают дисбаланс между индивидуальными возможностями и социальными ожиданиями, например, при отказе в кредите из-за недостаточного цифрового следа [16].

Талкотт Парсонс, развивая идеи структурного функционализма, рассматривал социальные системы как стремящиеся к равновесию. Скоринговые модели, с этой точки зрения, выполняют функцию адаптации, обеспечивая стабильность финансовых институтов через минимизацию рисков. Парсонсианский подход к роли норм и ценностей проявляется в том, как скоринг стандартизирует критерии «надежности» заемщика, интегрируя их в общую систему экономических взаимодействий. Однако, как отмечал Роберт Мертон, «дисфункции неизбежны: алгоритмические предубеждения могут воспроизводить социальное неравенство, например, дискриминацию по косвенным признакам (геолокация, круг общения), превращая скоринг из инструмента рационализации в механизм исключения» [9].

Макс Вебер, акцентируя внимание на процессе рационализации общества, интерпретировал бы скоринг как воплощение формальной рациональности. Алгоритмические решения заменяют традиционные методы оценки, что соответствует веберианской концепции бюрократии как системы, основанной на правилах и предсказуемости. Однако, «железная клетка рациональности» проявляется в дегуманизации процессов: автоматизированные системы снижают роль субъективного суждения, трансформируя социальные отношения в технические процедуры [8, 9].

Мишель Фуко в рамках теории власти-знания рассматривал скоринг как форму «мягкого надзора», где сбор

данных и их анализ становятся инструментами управления поведением. Цифровые профили, формируемые через социальный скоринг, создают «паноптический эффект»: индивиды добровольно корректируют свои действия, стремясь соответствовать алгоритмическим стандартам [9].

Энтони Гидденс, анализируя модернити, отмечал, что «скоринг усиливает рефлексивность социальных практик: индивиды вынуждены постоянно мониторить свой цифровой след, что трансформирует их идентичность и стратегии взаимодействия с институтами» [9].

Юрген Хабермас, рассматривая колонизацию жизненного мира системами, трактовал скоринг как «пример проникновения инструментальной рациональности в частную сферу. Коммодификация личных данных (история покупок, социальные связи) превращает интимные аспекты жизни в ресурс для экономических расчетов, сужая пространство коммуникативного действия» [9].

Пирамида потребностей Абрахама Маслоу помогает понять мотивацию участников скоринга. Для заемщиков доступ к кредитам связан с удовлетворением базовых потребностей (жилье, безопасность) или высших (самореализация через образование). Для кредиторов ключевой становится потребность в безопасности (минимизация рисков) и уважении (репутация надежного института) [1].

Теория Фредерика Герцберга разделяет факторы: гигиенические (правовая база, техническая инфраструктура) и мотивационные (инновации, рост прибыли), что объясняет различия в подходах банков к скорингу — от консервативных до риск-ориентированных [1, 8].

Теория Дэвида МакКлелланда о потребностях во власти, успехе и причастности раскрывает мотивы разработчиков скоринговых систем. Стремление к «успеху» проявляется в создании алгоритмов с высокой предсказательной силой (например, lift = 4 в антифрод-моделях), а «причастность» — во внедрении социально ориентированных критериев (например, оценка экологического поведения) [9, 13].

Теория социального обмена Джорджа Хоманса и Питера Блау объясняет асимметрию взаимодействий в скоринге. Заемщики «обменивают» персональные данные на доступ к ресурсам, но дисбаланс власти (контроль со стороны корпораций) создает риски эксплуатации. Это коррелирует с данными о росте кредитной зависимости: 53% россиян имеют кредиты, что отражает их вынужденную вовлеченность в систему [8].

Концепция «цифрового капитала» Пьера Бурдье применима к анализу скоринга как механизма воспроизводства неравенства. Лица с развитым цифровым следом (активные пользователи банковских приложений, обладатели «белой» кредитной истории) получают привилегии, тогда как маргинализированные группы (пенсионеры, мигранты) сталкиваются с исключением [9]. Теория акторно-сетевого подхода Бруно Латура позволяет рассматривать скоринг как гибридную сеть, где взаимодействуют люди (заемщики, андеррайтеры), технологии (искусственный интеллект) и институты (кредитные бюро) [18].

Анализ через призму социологических теорий демонстрирует, что скоринг — не просто технический инструмент, а социальный феномен, отражающий трансформацию власти, рационализацию взаимодействий и переопределение понятия доверия. Классические концепции (Дюркгейм, Вебер) остаются релевантными, но требуют адаптации к реалиям цифровой эпохи, где данные становятся новой формой социального капитала.

Междисциплинарный анализ позволяет выявить не только структурные взаимосвязи компонентов городской системы, но и разработать адаптивную модель управления, минимизирующую риски цифровой эксклюзии.

Цифровая эксклюзия, проявляющаяся в ограничении доступа к социальным благам из-за технологического неравенства, выступает ключевым вызовом для внедрения добровольного общественно-социального скоринга. Как отмечает Н.В. Плотичкина, «адаптивные модели управления должны не только интегрировать разнородные данные, но и обеспечивать инклюзивность, снижая барьеры для уязвимых групп» [7, с. 218]. Схожую позицию выражает М. Кастэлс: «цифровые платформы, будучи инструментом включения, рискуют стать механизмом социальной сегрегации, если их архитектура игнорирует разнообразие пользовательских компетенций» [8, с. 165].

Для минимизации рисков мной предложена адаптивная модель управления, включающая три уровня (см.: табл. 1, рис. 1):

1. *Институциональный* — разработка нормативных стандартов, гарантирующих прозрачность алгоритмов.

Таблица 1.

Сравнение традиционного и адаптивного подходов к управлению социальным скорингом

Критерий	Традиционный подход	Адаптивная модель
Целеполагание	Максимизация эффективности	Баланс эффективности и инклюзивности
Участие граждан	Пассивное	Активное, с обратной связью
Оценка рисков	Технологические	Социально-технологические

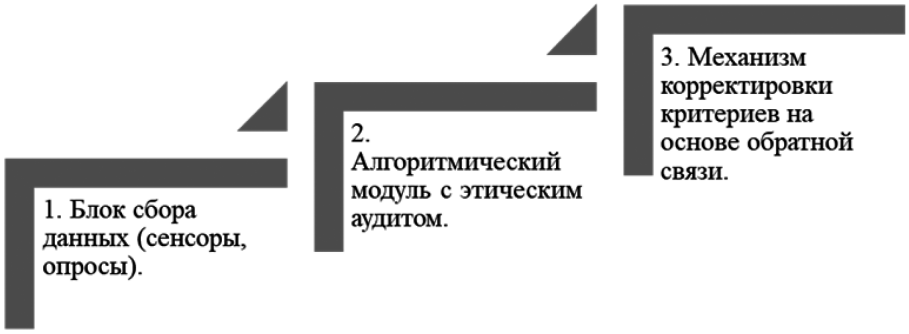


Рис. 1. Архитектура адаптивной модели управления

2. *Технологический* — внедрение интерфейсов, адаптированных под низкую цифровую грамотность.
3. *Социальный* — создание образовательных программ и механизмов обратной связи.

Легитимность добровольного общественно-социального скоринга зависит от трёх взаимосвязанных условий: добровольности участия, прозрачности критериев оценки и наличия механизмов обжалования решений алгоритмов. Как подчёркивает Н.Д. Александров, «добровольность является не только этическим императивом, но и фактором повышения доверия граждан к цифровым инструментам государственного управления» [1, с. 67]. Схожей позиции придерживается А.Э. Жданова, отмечая, что «алгоритмическая прозрачность трансформирует абстрактное доверие в проверяемую подотчётность» [3, с. 33]. Предложенная мной модель (см.: рис. 1) интегрирует эти принципы в единую архитектуру, где каждый этап оценки социального поведения сопровождается гарантиями правовой защиты.

Таким образом, эффективность добровольного общественно-социального скоринга зависит от синтеза технологий, права и социальных гарантий. Анализ международного опыта (Китай, ЕС) и российских кейсов выявил необходимость баланса между инновациями и защитой прав граждан: ключевыми условиями легитимности выступают добровольность участия, прозрачность алгоритмов и механизмы обжалования. Разработанная мной адаптивная модель, включая алгоритмического «омбудсмена» и гибридные платформы, демонстрируют потенциал снижения цифровой эксклюзии. Однако, её внедрение в Российской Федерации потребует преодоления институциональных барьеров — отсутствия единых стандартов и низкого доверия. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой этико-правовых рамок и оценкой долгосрочных социальных эффектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Активизация и стимулирование // Учебный портал ИФМО. URL: https://de.ifmo.ru/bk_netra/page.php?dir=1&tutindex=3&index=43&layer=2 (дата обращения: 22.05.2025).
2. Александров, Н.Д. Система государственного управления умными городами: отечественная практика и международный опыт // Инновации и инвестиции. — 2020. — № 4. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-gosudarstvennogo-upravleniya-umnymi-gorodami-otechestvennaya-praktika-i-mezhdunarodnyy-opyt (дата обращения: 13.05.2025).
3. Бурдье Пьер Формы капитала // Экономическая социология. 2002. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formy-kapitala (дата обращения: 22.05.2025).
4. Dobrolyubova Elena I. Evaluating digital government performance using surveys: international literature review and prospects for the future research // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2022. — № 5. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evaluating-digital-government-performance-using-surveys-international-literature-review-and-prospects-for-the-future-research (дата обращения: 13.05.2025).
5. Жданова, А.Э. Формирование комфортной городской среды: экологический аспект // Проблемы развития территории. — 2024. — № 6. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-komfortnoy-gorodskoy-sredy-ekologicheskiy-aspekt (дата обращения: 13.05.2025).
6. Замятин, Д. Постгород (II): воображаемые картографии и политики сопространственности // Социологическое обозрение. — 2019. — № 1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/postgorod-ii-voobrazhaemye-kartografii-i-politiki-soprostranstvennosti (дата обращения: 13.05.2025).
7. Как определить потребности клиента: пошаговая инструкция // Envybox. URL: https://envybox.io/blog/kak-opredelit-potrebnost-klienta/ (дата обращения: 22.05.2025).
8. Кредиты: разумный подход // Журнал Уралсиб. 2023. URL: https://journal.uralsib.ru/personalfinance/loans-a-reasonable-approach (дата обращения: 22.05.2025).
9. Лазаров А.А. Информационно-правовое регулирование социального кредитования (скоринга): Дис. ... канд. наук. 2023. URL: https://www.dissercat.com/content/informatsionno-pravovoe-regulirovanie-sotsialnogo-kreditovaniya-skoringa (дата обращения: 22.05.2025).
10. Максимов, М.И., Смольяков, А.О. Инновационный менеджмент в эпоху цифровой трансформации: вызовы и возможности для организаций // Индустриальная экономика. — 2023. — № 3. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-menedzhment-v-epohu-tsifrovoy-transformatsii-vyzovy-i-vozmozhnosti-dlya-organizatsiy (дата обращения: 13.05.2025).

11. Матвеев, И. Капитализм и город. Рецензия на книгу: Harvey D. Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution. New York: Verso. 2012. 187p. ISBN 978-1-84467-904-1 // ЖИСП. — 2014. — № 2. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kapitalizm-i-gorod-retsenziya-na-knigu-harvey-d-rebel-cities-from-the-right-to-the-city-to-the-urban-revolution-new-york-verso-2012-187p-isbn-978-1 (дата обращения: 13.05.2025).
12. Плотичкина, Н.В. Цифровая инклюзия: теоретическая рефлексия и публичная политика // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. — 2020. — № 58. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-inklyuziya-teoreticheskaya-refleksiya-i-publichnaya-politika (дата обращения: 13.05.2025).
13. Румянцев А. Скоринговые системы: наука помогает бизнесу // Финансовый директор. 2006. URL: https://gaap.ru/articles/skoringovye_sistemy_nauka_pomogaet_biznesu/ (дата обращения: 22.05.2025).
14. Серкина, Н.Е. Понятие сетевого общества М. Кастельса // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2019. — №2. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-setevogo-obschestva-m-kastelsa (дата обращения: 13.05.2025).
15. Юдина, М.А. Влияние цифровизации на социальное неравенство // Уровень жизни населения регионов России. — 2020. — № 1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifroviztsii-na-sotsialnoe-neravenstvo (дата обращения: 13.05.2025).
16. Durkheim É. The Rules of Sociological Method. 1895
17. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. 1975
18. Giddens A. The Consequences of Modernity. 1990

© Жданов Алексей Владимирович (Alex296_97@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223-2974.2025.07.19

АРХИТЕКТОНИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПАРАДИГМ

ARCHITECTONICS OF SOCIOCULTURAL SPACE: METHODOLOGICAL DISCOURSE OF TRANSFORMATION OF SOCIAL PARADIGMS

V. Skopa

Summary. The article examines the architectonics of socio-cultural space. The key emphasis is placed on the systemic understanding of social changes through the prism of the architectonic model, which allows for a comprehensive study of the transformation mechanisms of cultural and social spheres. The dynamics of modern social space generates an urgent need for a deep understanding of the transformation processes that radically change the established models of social stratification. The individual is increasingly liberated from traditional spatial and territorial determinants, overcoming centuries-old barriers. Socio-cultural dynamics generates a new form of stratification — spatial differentiation. The presented discourse offers an innovative methodological approach to understanding socio-cultural processes through the prism of their internal architectonics and transformation mechanisms.

Keywords: socio-cultural space, social institutions, methodological discourse, paradigm, society, person.

Скопа Виталий Александрович
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается архитектоника социокультурного пространства. Ключевой акцент делается на системное понимание социальных изменений через призму архитектонической модели, которая позволяет комплексно исследовать трансформационные механизмы культурных и социальных сфер. Динамика современного социального пространства порождает насущную потребность в глубоком осмыслении трансформационных процессов, кардинально меняющих устоявшиеся модели общественной стратификации. Индивид все более раскрепощается от традиционных пространственных и территориальных детерминант, преодолевая многовековые барьеры. Социокультурная динамика порождает новую форму стратификации — пространственную дифференциацию. Представленный дискурс предлагает инновационный методологический подход к пониманию социокультурных процессов через призму их внутренней архитектоники и механизмов трансформации.

Ключевые слова: социокультурное пространство, социальные институты, методологический дискурс, парадигма, общество, человек.

Социокультурное пространство представляет собой динамичную, многослойную систему, теснейшим образом взаимосвязанную с общественными трансформациями и социальными процессами. Ее внутренняя структура далека от статичности — напротив, она отличается выраженной неоднородностью, которая и становится источником непрерывного движения и трансформации. Этот сложный организм постоянно видоизменяется под влиянием множества разнонаправленных факторов: исторических, социальных, технологических [11, 14]. Каждый из них привносит свои краски, формирует новые контексты и смыслы, переопределяет границы культурного пространства, делая его живым, гибким и чутко реагирующим на малейшие импульсы общественного развития. Результатом такой непрерывной динамики становится перманентное обновление культурного поля, где старое и новое вступают в сложный диалог, порождая неожиданные смысловые конфигурации и горизонты понимания [12].

Феномен культуры — это не просто статичный конструкт, а живой, постоянно развивающийся организм, отражающий нюансы и глубинные изменения человеческих сообществ. Динамика современного социального пространства порождает насущную потребность в глубоком осмыслении трансформационных процессов, кардинально меняющих устоявшиеся модели общественной стратификации. Индивид все более раскрепощается от традиционных пространственных и территориальных детерминант, преодолевая многовековые барьеры, которые по своей природе являлись устоявшимися. Мобильность становится ключевым атрибутом новой социальной реальности, где границы между локальным и глобальным стираются, а личностная идентичность дефинируется не столько принадлежностью к конкретному месту, сколько способностью к постоянной адаптации и перемещению [16].

Феномен социального пространства долгое время оставался вне поля научного интереса. Исследователи, несмотря на понимание пространственной природы социальных взаимодействий, редко обращали внимание на его глубинные характеристики. Как отмечают исследователи, социологическая наука фактически игнори-

ровала пространственные измерения общественных процессов, считая их второстепенными [8, 9, 13]. Джон Урри подчеркивает критический момент: «социальные практики формируются под непосредственным влиянием пространственных структур, которые кардинально трансформируют содержание и направленность человеческой деятельности. Невозможно полноценно изучать социальную реальность, абстрагируясь от пространственного контекста» [2, с. 84].

Актуализация пространственной проблематики в социально-философских исследованиях становится закономерным этапом эволюции научного знания [8, 10, 15]. Пространство — фундаментальная онтологическая категория, которая определяет способы взаимодействия индивида с окружающим миром, механизмы освоения и интерпретации социальной реальности. Научное сообщество все активнее концентрирует внимание на исследовании сложных взаимосвязей между пространственными измерениями социальной организации, трактуя эти процессы не только как теоретический конструкт, но и как практический инструментарий для осмысления повседневных социальных трансформаций [13].

Научный интерес к социокультурологическим исследованиям обусловлен колоссальной сложностью и неоднородностью культурного поля. Многообразие дефиниций и интерпретаций культуры настоятельно требует комплексного осмысления, раскрытия её онтологической сущности и внутренней структурной организации с позиций социально-философского и культурфилософского подходов. Необходимость глубокого теоретического анализа культуры продиктована и потребностью в систематизации знаний о закономерностях её генезиса, развития и функционирования в контексте общественной динамики.

Социокультурное пространство — это многомерная семантическая матрица социальной реальности, где концептуальными характеристиками выступают:

1. Аксиологический компонент, который включает в себя систему ценностей общества; культурные нормы и традиции; морально-этические установки, а также идеалы и базовые мировоззренческие принципы.
2. Коммуникативный компонент содержит в себе способы социального взаимодействия; языковые практики; информационные каналы и межличностные и групповые коммуникации.
3. Институциональный компонент структурно представлен социальными структурами: семья, образование, власть; формальными и неформальными организациями; правовой и административной структурой; механизмами социального регулирования.
4. Символический компонент раскрывается культурными символами; знаковыми системами; мифологемами; искусством и художественными практиками.
5. Пространственно-временной компонент содержит в себе территориальную организацию; историческую память; временные ритмы, локальную и глобальную идентичность.

Взаимодействие всех этих представленных компонентов формирует целостную социокультурную реальность, обеспечивающую динамическое развитие общества.

Структура исследования базируется на комплексном анализе внутренних механизмов формирования социальной культуры через призму теоретических подходов и методологических стратегий.

В контексте современных глобализационных процессов архитектоника социокультурного пространства представляет собой динамическую систему взаимосвязанных структурных элементов, подверженных непрерывной трансформации под влиянием комплекса внутренних и внешних факторов. Методологический дискурс раскрывает механизмы институциональных изменений, где ключевую роль играют коммуникативные практики, информационные потоки и темпоральные характеристики социальных коммуникаций.

Процесс реконфигурации общественных парадигм характеризуется нелинейностью и множественностью векторов развития. Трансформация происходит через деконструкцию традиционных социальных институтов, переосмысление культурных кодов и формирование новых стратегий социальной интеракции [16]. Особое значение приобретают сетевые коммуникации, цифровые платформы и транснациональные социокультурные контексты, которые размывают жесткие границы локальных культурных систем. Данный подход предполагает комплексный анализ взаимодействия различных социальных акторов, институциональных трансформаций и символических систем, что позволяет раскрыть глубинные механизмы культурной динамики современного общества [1, 6].

В концепции П. Бурдье социальное пространство предстает как динамичная матрица взаимосвязей, которая раскрывает сложную топографию социальных взаимодействий [6, 7]. Это не статичная структура, а живой организм, где каждый элемент обретает смысл через систему координат социальных позиций. Бурдье рассматривает социальное пространство как многослойное поле напряжений, где агенты занимают различные диспозиции. Взаимодействия между элементами выступают своеобразным кодом, который расшифровывает латентные значения социальной реальности. Принципиально важно подчеркнуть, что социальное пространство

не является универсальной или заданной конструкцией. Это перманентно трансформирующаяся ментальная проекция, которая может иметь различную размерность и конфигурацию. Конструирование такого пространства подчиняется строгим закономерностям — это не произвольная компоновка, а результат глубинных социальных механизмов дифференциации и распределения [9]. Как метко отмечает сам Бурдье, «социальный мир представляет собой многомерную проекцию, где каждый элемент занимает определенную позицию согласно комплексу действующих свойств» [6, С. 328]. Отсюда видно, что ключевая мысль заключается в том, что социальное пространство — это не просто абстракция, а развивающаяся система координат, которая постоянно регенерирует через взаимодействия своих участников.

Социальное пространство представляет сложную матрицу взаимосвязей, которая формирует целостную картину реальности. Это динамичная структура позиций, создающая минимально необходимую систему отношений для понимания социальных процессов.

В научном дискурсе существует дискуссия о природе социального пространства. Звоновский В.Б. указывает на методологическую проблему: смешение физически нагруженного пространства и абстрактной социальной плоскости [11]. Сложность исследования обусловлена многогранностью применения концепта в различных социальных контекстах. Принципиальным моментом является неразрывность физического и социального измерений. Социальное пространство не может существовать вне материальной оболочки [11]. Согласно Э. Дюркгейму, пространство нагружено социальностью, сконструировано ею, точнее пространство и социум, социальность сплетаются в единое целое [10]. Ключевые тезисы Дюркгейма раскрывают глубинную сущность социальных отношений:

— представления о пространстве формируются через социальные взаимодействия;
— пространственные характеристики отражают социальную структуру общества;
— с развитием социальных институтов происходит трансформация территориальной идентичности [10].

Такой подход позволяет рассматривать социальное пространство как многоуровневую динамическую систему, где взаимодействуют различные идентичности и социальные практики.

Пространство трансформируется в сложную коммуникативную матрицу. Оно перестает быть статичной географической протяженностью, где дистанция измеряется большими расстояниями. Теперь «далеко-близко» определяется не физическими параметрами, а социальной близостью. Классические границы между локальным, национальным и глобальным превращаются в условные конструкты [5, 16]. Глобальное легко просачивается в локальное, а локальное мгновенно растворяется в глобальном. Этот феномен блестяще иллюстрирует концепция глокализации — своеобразного гибридного конструкта, который вмещает глобальные и локальные коды. Речь идет о принципиально новой пространственно-временной конфигурации, где различные культурные плоскости не просто соседствуют, но интенсивно взаимодействуют. Бек У. трактует этот процесс как диалектическую метаморфозу, которая генерирует транснациональные социальные, одновременно деактуализируя традиционные культурные матрицы [3]. Результатом становится рождение принципиально новых культурных кодов — своеобразных «третьих пространств». В таком трансформированном континууме коммуникации приобретают сетевой, символический характер, где стираются классические уровневые перегородки. Пространство концентрируется вокруг индивида, его персональной коммуникативной сети, становясь дематериализованным, виртуальным конструктом. Ключевой особенностью такого социального пространства является его актуализация исключительно через интеракцию, моментальное сжатие и разворачивание в коммуникативных потоках.

Особый интерес представляет концепция, предложенная российским исследователем В.А. Ядовым, которая наиболее емко характеризует нарастающую социокультурную трансформацию [4]. Ядов утверждает, что параллельно с глобализационными процессами существуют обособленные анклавы, сохраняющие собственную уникальную локальность и невосприимчивость к внешним влияниям.

Социокультурная динамика порождает новую форму стратификации — пространственную дифференциацию, где происходит четкое разделение на выигравших и проигравших от глобализации. Пространство, преломляясь через призму глобального, локального и индивидуального, становится все более аморфным, генерируя непредсказуемые социальные процессы, которые перманентно видоизменяют его топологию.

Культура как четвертая онтологическая реальность обладает собственной автономией и способностью самоорганизации. Она существует одновременно объективно и относительно, развиваясь в многомерных координатах времени и пространства. Понятие культурного пространства залипает множеством смысловых интерпретаций, что осложняет формирование унифицированного определения.

С середины XX столетия в гуманитарном знании нарастает тенденция к конструированию смыслового поля культурного пространства. Усиливались поиски инте-

гральной пространственно-временной модели, способной синтезировать физический континуум и ментальные конструкции. Культурное пространство все чаще рассматривалось как среда сосуществования темпоральных режимов — прошлого, настоящего и потенциального будущего [3, 4, 11]. Пространство трансформируется в действенный культурный медиатор, где сконцентрированы регулятивные основания человеческой активности. Это органичная целостность, где разнородные элементы объединены общими аксиологическими координатами. Культурное пространство можно представить и как плацдарм реализации человеческого потенциала, территорию воплощения социальных программ, распространение идей, традиций, языковых практик и нормативных систем.

Индивид неизбежно пребывает в динамичном культурном универсуме, где одновременно формирует себя и трансформирует окружающую реальность, перекодируя ее в альтернативную сферу — «вторую природу». Процесс созидания культурного ландшафта носит непрерывный, перманентный характер. Человек становится Человеком именно через процесс культурного конструирования пространства [13, 15]. Культурный ареал выступает своеобразным механизмом окультуривания природного контекста, где смысловые конструкты приобретают самостоятельное бытие.

Формируя культурное пространство, человек, как субъект отношений, реализует собственную парадигму мировосприятия. Одновременно сформированное пространство начинает активно влиять на создателя через знаковые системы, трансформируя его жизненные стратегии. Культурный универсум разворачивается вокруг центральной фигуры Человека, который является одновременно творцом и воспринимающим субъектом этого многомерного конструкта.

Таким образом, социокультурное пространство выступает динамичной моделью мироздания, обладающей уникальными характеристиками: протяженностью, структурной взаимосвязанностью, перманентным процессом смыслотворчества. Это не статичная конструкция, а живой организм, постоянно трансформирующийся через диалог духовного и материального миров. Многогранность и полиморфность — вот ключевые атрибуты этого феномена. Его развитие напоминает эволюционный процесс: каждое новое состояние вырастает из предыдущего, сохраняя генетический код исходной формы. Современные процессы глобализации и цифровизации радикально видоизменяют социокультурный ландшафт. Сегодняшняя реальность характеризуется амбивалентностью позиций и перманентной трансформацией смысловых координат. Представленный дискурс предлагает инновационный методологический подход к пониманию социокультурных процессов через призму их внутренней архитектоники и механизмов трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jones A. Dictionary of globalization. Cambridge; Malden (MA): Polity Press, 2006. — 258 p.
2. Urry J. Consuming Places. London: Routledge, 1996. — 189 с.
3. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 304 с.
4. Ядов В.А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. М.: Academia, 2002. — С. 349–363.
5. Бодрияр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. — 224 с.
6. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с. франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.; СПб: Институт экспериментальной социологии; Алетея, 2005. — 576 с.
7. Бурдье П. Социология политики. М., 1993. — 363 с.
8. Быстрова А.Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки. 2004. № 12. — С. 24–40.
9. Гусев А.Н. Категория социальной дистанции в творчестве Г. Зиммеля // Социологические исследования. 2009. № 4. — С 123–130.
10. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. — 432 с.
11. Звоновский В.Б. Социология пространства повседневности. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2009. — 166 с.
12. Каган М.С. Пространство и время как культурологические категории // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 1993. Вып. 4. — С. 30–40.
13. Лотман Ю.М. Семиосфера: культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: «Искусство-СПБ», 2000. — 704 с.
14. Силкина Л.В. Социально-философские основания анализа культурного пространства: дисс. … канд. филос. наук. Саратов. 1999. — 130 с.
15. Соколов В.Г. Культура и традиция // Метафизические исследования. Выпуск СПбГУ, 1997. — С. 27–49.
16. Филипов А.Ф. Социология пространства. СПб., 2008. — 290 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru)
© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

Agafonova M. — PhD, Associate Professor, Voronezh Institute of Law and Economics, Voronezh, Russia

Alamova S. — PhD in Law, Higher Education Institution University of Management «TISBI»

Aliev A. — Postgraduate student, The State University of Management, Moscow

Borodina Zh. — Head of the Legal Department, Oktyabrskaya Directorate of Infrastructure, a structural division of the Central Directorate of Infrastructure, a branch of Russian Railways, Saint Petersburg

Bril G. — lawyer of Ligand Research LLC, Moscow

Cherednichenko P. — graduate student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I»

Chizhova E. — postgraduate student, Melitopol State University, Nizhny Novgorod

Demyanenko E. — candidate of economic sciences, Autonomous noncommercial organization of higher education «Moscow international university»

Glotov I. — PhD student, Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration, Moscow

Gorbunov S. — MGIMO University Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow

Goremykina T. — PhD in Economics, Associate Professor, Moscow International University

Khovatov A. — Postgraduate student, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Kondakova U. — North-West branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Saint-Petersburg)

Kurina T. — PhD of Economic Sciences, Russian New University (Moscow)

Liu Jianpeng — Applicant, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

Lukoshevichus G. — Senior Lecturer, Department of Economics and Management, Moscow International University

OUR AUTHORS

Medvedeva N. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Northwestern Institute of Management, RANEPA, Saint Petersburg

Meshcheryakova M. — Doctor of Economics, Associate Professor, Voronezh State Technical University

Meshcheryakova O. — Doctor of Economics, Professor, Voronezh State Technical University

Namtsaraeva A. — postgraduate student, Baikal State University, Irkutsk

Nozdrin V. — candidate of technical sciences, associate professor, Autonomous noncommercial organization of higher education «Moscow international university»

Nozdrina Yu. — candidate of economic sciences, Autonomous noncommercial organization of higher education «Moscow international university»

Paramonov A. — candidate of economic sciences, Autonomous noncommercial organization of higher education «Moscow international university»

Safonov V. — Candidate of legal sciences, Associate Professor, North-West branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Saint-Petersburg)

Shchennikova E. — candidate of economic sciences, Autonomous noncommercial organization of higher education «Moscow international university»

Shchennikova V. — senior lecturer, Autonomous noncommercial organization of higher education «Moscow international university»

Shcherbakova N. — candidate of economic sciences, Autonomous noncommercial organization of higher education «Moscow international university»

Skopa V. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Stukalina N. — candidate of pedagogical sciences, Autonomous noncommercial organization of higher education «Moscow international university»

Svirina L. — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Ta Na — Applicant, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

Tkacheva D. — Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Trishkina N. — PhD in Economics, Associate Professor, Moscow International University

Uporov I. — Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Russian Academy of Natural Sciences

Yeshtokin S. — Candidate of Economic Sciences, University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky

Yurasov A. — candidate of pedagogical sciences, Autonomous noncommercial organization of higher education, «Moscow international university»

Zhdanov A. — graduate student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Social University" (RGSU), Moscow

Zolotovskiy V. — Candidate of History Sciences, Associate Professor, Volgograd State University, Volgograd

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные — 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).